

РОССИЙСКИЙ ВОЕННЫЙ СБОРНИК

Выпуск III

ИСТОРИЯ РУССКОЙ АРМИИ

МОСКВА

1994

Содержание третьего и четвертого выпусков «Российского военного сборника» знакомит читателя с военно-политическими проблемами истории русской армии, представленными в аналитических работах А. Керсновского, А. Баиова, А. Редигера, А. Верховского. Отбор источников осуществлялся таким образом, чтобы показать практическое значение русской военной мысли (в том числе и военно-исторической) для развития военной науки, возрождения отечественной военной доктрины, патриотического образования и воспитания офицерского корпуса российской армии.

Составители четвертого выпуска:

А.Е. Савинкин, Ю.Т. Белов, И.В. Домнин

Редактор четвертого выпуска

«Российского военного сборника»

А.Е. Савинкин

Издается при содействии

Министерства обороны Российской Федерации
и Гуманитарной академии Вооруженных сил

© ГА ВС; «Российский военный сборник», 1994

Содержание

ВОЗРОЖДЕНИЕ РУССКОЙ ВОЕННОЙ ДОКТРИНЫ (ВСТУПИТЕЛЬНАЯ СТАТЬЯ)	6
Значение истории в жизни общества. — Доктринальный характер русской военной мысли. — Военно-политическое мировоззрение А. Керсновского.	
ИСТОРИЯ РУССКОЙ АРМИИ. А. КЕРСНОВСКИЙ.....	24
 ПРЕДИСЛОВИЕ.....	24
 1. ОСНОВНЫЕ ЗАКОНЫ РУССКОЙ ГОСУДАРСТВЕННОСТИ	25
Три великих устоя. — Враги России. — Характер войн России.	
 2. ВООРУЖЕННЫЕ СИЛЫ МОСКОВСКОЙ РУСИ И РОССИИ ПРИ ПЕТРЕ I	28
Военное бессилие России в XVII веке. — «Повинность» как черта русской национальной армии. — Войска иноземного строя. — Петр I. — Выгода России как единственный критерий. — Личная воинская повинность для дворянства и общинная рекрутская система. — Территориальный принцип комплектования. — Значение казачества. — Офицеры. — Состав и регламент жизни армии «подневольных профессионалов». — Великие задачи и потери петровской армии.	
 3. ВЕК ЕКАТЕРИНЫ	37
Румянцевский период. — Самобытность России как основа различия между русской и западноевропейской военными системами. — Государственный подход к военному делу. — Приоритет нравственного элемента в воспитании войск. — Гуманизм Румянцева. — Творчество и частная инициатива в военном деле. — Военно-административное деление России на «дивизии». — Уникальность егерских частей. — Проект раздела армии на полевые, крепостные, губернские и резервные войска. — Потемкинская эпоха. — Благотворное влияние Потемкина на внешнюю политику и армию. — Отсутствие у него полководческих дарований. — Облегчение условий службы солдат. — Устройство казачьих войск. — Численность и состав русской армии в конце царствования Екатерины II. — Гвардия и ее функции в петровское и екатерининское времена. — Полки как «проходные дворы». — Учреждение ордена св. Великомученика и Победоносца Георгия.» — Безопасность Грузии и русская армия. — Зарождение Кавказской Армии. — Русская национальная военная доктрина. — Гуманность и особый блеск войн в царствование Екатерины Великой. — Самобытность русского военного искусства. — Специфика русской стратегии. — Русская тактика. — Частная инициатива в бою. — Самостоятельность дивизий. — Внутренний смысл суворовской «Науки побеждать». — Великие заветы русской национальной военной доктрины.	
 4. РУССКАЯ АРМИЯ ПРИ АЛЕКСАНДРЕ I И НИКОЛАЕ I	50
Армия Александра Благословенного. Самостоятельный и подражательный пути развития русской армии. — Четыре фазы иностранного влияния. — Аракчеев и русская артиллерия. — Отдание воинской чести. — Пехотные корпуса. — Военное министерство. — Жандармерия. — «Гатчинские традиции» Александра I. — Численность армии в 1809 г. — Потери в борьбе с Наполеоном. — Запоздалость реформ 1861 года. — Армия профессионалов и система «вооруженного народа». — Ошибка Бородинского сражения. — Кутузов. — Малая кровь. — Ошибки Наполеона, — Мечты о «всемирной теократической монархии» и Священный Союз. — Сорокалетнее увлечение мелочами службы. — Войны как «постороннее дело». — Забвение Отечественной войны Александром I. — Экзерцициймейстерство и самоубийства в армии. — Массовый уход со службы офицеров. — Военные поселения и природа русского человека.	
Русская армия при Николае I. Миллион на бумаге и полмиллиона на деле. — Некомплект штатов. — Создание Генерального штаба и учреждение Императорской Военной Академии. — Волконский и Жомини. — Отрыв Генерального штаба от войск. — Академия как храм военной схоластики и отвлеченной военной науки. — Фельдмаршал И.Ф. Паскевич как полновластный хозяин российской вооруженной силы. — Граф Зибич-Забалканский. — «Парадный» смысл армии. — Линейное учение. — «Мирно-военная» тактика. — Показные атаки. — Покорение Кавказа. — Ермоловская эпоха. — Мюридизм. — Суворовские традиции Кавказской Армии. — Последний приказ генерала Пассека. — Выводы из Восточной (Крымской) войны. — Расплата за сорок лет застоя.	
 5. РУССКОЕ ОБЩЕСТВО И АРМИЯ В ЭПОХУ РЕФОРМ АЛЕКСАНДРА II	78
Появление интеллигенции. — Западники и славянофилы. — «Левение» русского общества. — Антигосударственные теории. — Псевдонаучный материализм. — Либерализм. — Половинчатость и запоздалость реформ Царя-Освободителя. — Усиление классовых противоречий. — Идеализм внешней	

политики. — Русско-прусская «дружба». — Главное зло николаевской военной системы. — Д.А. Милютин: военный ум без военного сердца. — Учреждение военных округов. — Упразднение армий, корпусов, бригад в пехоте и их последующее восстановление. — Неудачные военно-учебные реформы. — Полнейшая зависимость Главного штаба от Военного министерства. — Военный министр как главнокомандующий. — Введение всеобщей воинской повинности. — Обширные льготы. — Сила рутинности линейного учения. — Возрастание роли казачьих войск. — Гипноз рационалистических прусско-германских доктрин. — Появление русской военной науки. — Отрицательные и положительные результаты милютинских реформ. — Критическая записка фельдмаршала Барятинского.

6. РУССКАЯ АРМИЯ КОНЦА XIX И НАЧАЛА XX ВЕКА..... 96

Отсутствие противоядия разрушительным началам в государственном организме. — Необходимость капитального ремонта Империи. — Гибельные для России «реформы влево». — Банковский министр военный и министр народного образования. — Обезображенный внешний вид армии. — «Военный нигилизм» М. Драгомирова. — Г.Леер и расцвет русской военной науки. — Генерал Обручев. — Ложные пути русской военной мысли. — Пассивная стратегия. — Неподготовленность к управлению Россией Императора Николая II. — Его любовь и привязанность к войскам. — Совершенствование мелочей на фоне общего застоя. — Деятельность генерала Куропаткина на посту военного министра. — «Хозяйственность» и ее вред для войск. — Политика и стратегия в русско-японской войне.

7. МЕЖДУ ДВУХ ВОЙН (1905–1914 гг.)..... 111

Государственная Дума и ее борьба с Правительством. — Ошибки Правительства и доктринерство общественности. — Столыпин. — Миф о «небывалом экономическом расцвете России». — Внешний блеск и духовное оскудение. — Кризис в верхах и творческая работа в низах российской армии. — Совет Государственной Обороны. — Кратковременная автономия Генерального штаба. — Многоголовое управление вооруженной силой. — Изматывающая караульная служба. — Участие армии в подавлении беспорядков. — Два течения в военной политике накануне войны: поверхностно-новаторское Великого Князя Николая Николаевича и ретроградно-бюрократическое военного министра Сухомлинова. — Вывод армии из маразма и анархии. — Создание территориальной системы. — Изменение дислокации войск. — Копирование внешних форм германской военной организации. — Подготовка к будущей «скоротечной» войне. — Направления военной мысли: рутинерское, новаторско-«младотурецкое», национально-классическое. — Главные пороки русской стратегической мысли и Устава 1912 г. — Высший командный состав армии накануне войны. — Вялые дивизии, неуклюжие корпуса, рыхлые армии. — Хорошо подготовленные и инициативно действующие роты и батальоны. — Хорошее качество офицерского корпуса и его разобщенность по родам и видам войск. — Взаимоотношения Общества и Армии. — Повышение престижа воинской службы. — Необходимость Гвардии как отборного войска и школы подготовки офицеров. — Эволюция нашего плана предстоящей войны. — Просчеты стратегической подготовки России к войне. — Большая военная программа. — Значение Флота и Армии для России.

8. ПОСЛЕДНЯЯ ВОЙНА ПЕТРОВСКОЙ АРМИИ..... 134

Потери и трофеи России в Первой мировой войне. — Стратегическое руководство. — Деятельность Ставки в 1914, 1915, 1916 годах. — Вредность «фронтов» с их удельными князьями-главнокомандующими. — Расплывчатые «директивы». — Отсутствие полководцев высокого уровня. — Образцы творческого военного искусства. — Инициатива В.М. Драгомирова в Кошевском прорыве. — «Брусиловское наступление». — Затяжка войны. — Упущенные возможности ее победоносного окончания. — Проблема унтер-офицеров. — Частая смена полковых командиров. — Полк как инстанция духовная. — Обособленность артиллерийской тактики от общевойсковой. — Действия авиации. — Вынужденное бездействие Флота. — Неиспользование его стратегических возможностей.

9. БЕЗ ВЕРЫ, ЦАРЯ И ОТЕЧЕСТВА 147

Политические группы, подрывающие устои российского государства. — Борьба оппозиции за влияние на армию. — Замыслы военного переворота. — «Министерская чехарда». — Смена настроения оппозиционного революционным. — Русская армия на третьем году войны, изменение ее состава и облика. — Антиправительственная агитация в тылу и на фронте. — Смена военных министров. — Общая картина «вооруженного народа» образца 1916 года. — Отсутствие целей войны. — Германская подготовка революции в России. — Волнения в Петрограде. — Пассивность войск. — Учреждение Совета Рабочих Депутатов. — Возникновение «Комитета Государственной Думы». — «Советники» и «общественники». — Временное правительство. — Отречение царя. — Последний приказ Николая II войскам. — Обезглавливание Армии. — Учреждение армейских комитетов. — Братание. — Дезертирство. — «Реформы» Гучкова. — Падение дисциплины. — Прибытие руководителей большевиков в Россию. — Владимир Ульянов (Ленин). — «Бескровная» революция. — «Декларация прав солдата». — А.Ф. Керенский — военный министр. — Брусиллов на посту Верховного главнокомандующего. — Демократизация армии. — Комиссары. — Попытка Корнилова спасти Россию и Армию. — Преступление Керенского. — Превращение Армии в толпу. — Упущенная возможность

перейти от системы «полчищ» к добровольческой армии. — Ответственность за катастрофу. — Февраль и октябрь: два звена одной цепи. — Дикий опыт «стопроцентной демократизации» в военное время. — Виновники и герои.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ 178

ПРИЛОЖЕНИЕ

РАЗЛОЖЕНИЕ АРМИИ В 1917 ГОДУ (ВЫДЕРЖКИ ИЗ ДОКУМЕНТОВ)..... 182

Необходимость перехода к обороне в связи с политическим переворотом и снижением боеспособности армии. — Образование объединительных комитетов из офицеров и солдат на выборных началах. — Срочная необходимость обеспечения армии людьми, оружием, продовольствием. — Аресты и избиения офицеров и начальников. — Антивоенные настроения войск. — Недоумения офицеров по поводу государственного переворота. — Роль запасных тыловых частей в разложении армии. — Рукоприкладство. — Дезертирство. — Присяга. — Формирование ударных Добровольческих батальонов. — Возникновение частей, состоящих из женщин-добровольцев. — Союз офицеров армии и флота. — Убийства офицеров по политическим и иным мотивам. — Недоверие к командному составу в связи с мятежом Корнилова. — Тревожные сводки о настроении войск. — Реакция армии на большевистский переворот. — Окончательное разложение армии как боевой силы: стихийные перемирия, выборность командного состава, назначение Главнокомандующим прапорщика, убийство генерала Духонина и т.д.

ДВЕ ЗАМЕТКИ О ТРАГЕДИИ 1917 ГОДА

I. А.КЕРЕНСКИЙ. ФЕВРАЛЬ И ОКТЯБРЬ..... 207

Три смертных греха нашего топтания: армия, земля, мир. — Дезорганизация и «раскрепощение» армии в период правления А. Гучкова. — Медлительность в восстановлении дисциплины. — Земельный вопрос. — Нежелание правительства идти на сепаратный мир. — Срыв Берлином «мирной политики» Временного правительства посредством октябрьского переворота. — Непосильные задачи и бесконечное множество ошибок. — Обуздание народной стихии большевиками: похабный мир, бесстыдный грабеж, безграничный произвол над жизнью и смертью всякого. — Скачок в неизвестное. — Бессмысленное стремление эмиграции изменить лозунги Февральской революции и овладеть умами «красных бойцов». — Необходимость отказа от «потрясающих утопий». — Надежда возвращения России к старым «маякам».

II. В.РУДНЕВ. АРМИЯ И РЕВОЛЮЦИЯ 214

Общая оценка первого тома «Очерков русской смуты» генерала А.Деникина. — Неубедительность политических суждений. — Яркость изложения течения революции в армии, на фронте. — Обвинения в адрес «революционной демократии». — Причины катастрофы 1917 года. — Ошибки правительства умеренных социалистических партий. — Неприятие народными массами военной программы Временного правительства. — Психика народа как источник исторического развития в революционную эпоху. — Трагический разрыв между культурными верхами и отсталой массой народа. — Революция как способ для одних, захвата власти для других, избавления от тягот затянувшейся войны. — Мирные возможности. — Стихийная и сознательная «демократизация» армии, ее разложение. — Противоречивая роль армейских комитетов. — Стихийный «отказ от войны» и его влияние на развитие событий в стране и армии. — Критическая проверка старого мирозерцания.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ АРМИИ В ЗАПАДНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ 226

Факторы развития русской армии. — Взаимное влияние армии и государства. — История России как преимущественно история войн. — Военная организация Киевской Руси. — Характерные черты армии допетровской России. — «Европеизация русской армии» Петром I и его ближайшими предшественниками. — Усиление военной мощи государства, его внешней и внутренней роли. — Особенности военной политики наследников Петра I. — Значительное влияние императора Павла I на развитие русской армии. — Роль Аракчеева. — Ослабление армии в годы царствования Николая I. — Военные реформы 1860—1874 годов. — Попытки реформировать армию после неудачной русско-японской войны. — Возврат к старой военной модели накануне Первой мировой войны. — Неудачные действия в ходе войны. — Выводы.

ВОЗРОЖДЕНИЕ РУССКОЙ ВОЕННОЙ ДОКТРИНЫ

Ты долго ль будешь за туманом
Скрываться, Русская звезда,
Или оптическим обманом
Ты обличишься навсегда?

Ф.Тютчев

Русская история обладает громадным потенциалом, который непосредственно влияет на настоящее и будущее России. Поэтому его умелое использование может привести к позитивному ответу на тот роковой вопрос, который вынесен в качестве эпитафии к данному вступлению.

История, по словам В.О.Ключевского, дает своим содержанием разумное направление любой новой комбинации отношений. Она позволяет идти естественным, самостоятельным путем, избегать ошибок и заблуждений. Надо только прислушиваться к ее голосу. В этом смысле осознанная история страны выполняет функцию национальной доктрины.

Внимательно изучив уроки истории, можно найти выход из сложной ситуации, в которой оказалась сегодня наша страна. Лучшие люди русского народа выработали за многие века богатый духовный капитал. Он является средством возрождения России на основе исторической преемственности. Для этого его необходимо собрать в одно целое, сделать органическим содержанием современной российской национально-политической доктрины. Только таким образом можно будет найти способы решения ключевых вопросов, определяющих судьбу России и ее армии.

Прочные духовные основания необходимы и для разрешения хронической для России проблемы войны и мира. Их можно вычленить из русской военной мысли, которая в лучших своих образцах всегда носила доктринальный характер, ориентировалась на отечественные нужды. В ней находилось немало исследований по вопросам военной политики, совершенствованию государственной обороны, проведению военных реформ в России.

Работа по созданию национальной военной доктрины наиболее плодотворно велась патриотически настроенными офицерами и генералами, стремящимися воссоздать в армии и на флоте прогрессивные традиции времен Петра I, Румянцева и Суворова. В силу этого она носила, как правило, характер частного почина. От офицеров требовалось немалое мужество, чтобы заниматься критической аналитической деятельностью на данном, военно-политическом, направлении.

Официальные власти отвергали содействие военной общественности в деле совершенствования государственной обороны, запрещали дискуссии по существу военной

доктрины российского государства, преследовали независимо мыслящих представителей офицерского корпуса. И, тем не менее, последние сделали все от них зависящее, чтобы построить здание русской военно-политической доктрины. Не их вина, что оно плохо использовалось в военной политике Российской империи и Советского Союза.

Размах теоретических замыслов и предприятий поражает воображение. Упомянем лишь некоторые из них.

На века написал свою «Науку побеждать» непобежденный даже павловской военной системой А. Суворов. Дух боевой школы великого полководца проявлялся во всех удачных и неудачных войнах России XIX–XX веков. Он нашел отражение в народных преданиях, многочисленных книгах и статьях о Суворове, в деятельности русских полководцев последующих времен.

Молодой русский офицер П.Пестель, казненный в 33 года, так и не стал «русским Наполеоном». Но он раньше всех заметил неспособность самодержавия к реформам, предугадал трагические последствия данной «самобытной» формы правления для России. Десять лет жизни было потрачено на разработку национальной доктрины — конституционного проекта под названием «Русская правда». В случае удачного военного переворота страна с 1825 года могла бы уже идти по республиканско-демократическому пути, предложенному Пестелем, и к настоящему времени стать единым «государством-нацией»¹.

Видимо, в этом государстве существовала бы отвечающая русским национальным условиям и традициям смешанная военная система, состоящая из профессиональной армии и территориально-милиционного (земского) войска. Такая примерно, какой она была представлена в преобразовательных проектах декабристов и нашла отражение в оборонительной войне 1612 года.

Следует отметить научный подвиг генерал-лейтенанта Л.И.Зедделера. Опираясь на сотрудничество военных и литераторов, он смог за 15 лет (начиная с 1837 года) подготовить первый в России 14-томный «Военный энциклопедический лексикон», потратив на его издание часть собственного достояния. Благодаря этому русская публика своевременно получила необходимые общенаучные и военно-исторические сведения, позволяющие со знанием дела судить о военных делах.

Основы современной военной системы заложены были в 60–70-х годах прошлого века военным министром при Александре II фельдмаршалом Д. Милютиным. Он децентрализовал

¹ В проекте конституции Н. Муравьева был предложен другой, имперско-федеративный путь. Однако на него Россия по существу также не вступила.

военную систему, ввел военные округа и всеобщую воинскую обязанность, что поставило русскую армию (наконец!) в один ряд с европейскими армиями. Однако впоследствии новая военная система постепенно утратила необходимые боевые качества, что привело к неудачам в русско-японской войне и «вооруженным полчищам» Первой мировой войны, сыгравшим роковую роль в судьбе русской революции. Дело милютинских реформ закончилось после его отставки. Затем на протяжении 30 лет фельдмаршал избегал публичных выступлений по военному вопросу, и только в 1912 году в «Известиях И.Н.В.А.» появляются «Старческие размышления о современном положении военного дела в России», написанные в 1909 году.

Время alexandrovских реформ выдвинуло талантливых аналитиков и практиков русского военного дела. Среди них особое место занимает «оппонент» Д. Милютин генерал-майор Р. Фадеев. В ходе военной реформы Фадеев публикует книгу «Вооруженные Силы России», а некоторое время спустя появляется его полемический труд «Наш военный вопрос». В конце жизни выходят «Письма о современном состоянии России».

В этот же период, несколько позднее, плодотворно работает «кабинетный стратег» генерал Г. Леер. Этот уникальный человек подробно разработал критический метод военной науки, применил его при анализе военно-политических явлений на страницах «Сборника государственных знаний», написании работ «Стратегия», «Прикладная тактика» и других. Под общим названием «Энциклопедия военных и морских наук» Г. Леер переиздал «Военный энциклопедический лексикон», придав ему большую научную и «русскую, отечественную» направленность.

Живое военное творчество в духе суворовских традиций восстанавливает на полях сражений Европы и Средней Азии «белый генерал» М. Скобелев. Деятельность его впоследствии стала предметом специального изучения, результаты которого широко использовались в военном образовании и патриотическом воспитании.

Между русско-японской и Первой мировой войнами военная мысль переживает настоящий ренессанс. Выпускается многотомная «История русской армии и флота»¹, «Столетие военного министерства». В нескольких выпусках печатается «Курс истории Русского Военного Искусства» А. Баиова, который, по сути дела, закладывает основы национальной русской военной доктрины². Появляются фундаментальные военно-реформаторские работы А. Риттиха, Д. Ларского, А. Деникина, Н. Головина, В. Новицкого, А. Незнамова, И. Маслова и других военных писателей. На страницах «Морского сборника»

¹ Для военных училищ была составлена «История Русской Армии» С. Михеева в шести небольших по объему выпусках.

² См.: Штейфон Б.А. Национальная военная доктрина. Профессор генерал А.К. Баиов и его творчество. — Таллинн, 1937.

старшее и молодое поколения морских офицеров занимаются разработкой русской военно-морской идеи.

Часть офицеров объединяется в группу (В. Новицкий, В. Апушкин, К. Величко, А. Шварц, А. Геруа, Н. Кладо и другие), которая при поддержке Товарищества И.Д.Сытина начинает инициативное издание многотомной «Военной энциклопедии». В список общественных сотрудников в редакции включается более 300 (!) человек. Военные сведения подбираются таким образом, чтобы «способствовать выработке недостающей нам военной доктрины как гармонического сочетания идей, лежащих в основе организации дела государственной обороны и психологического настроения при осуществлении ее»¹. С 1911 по 1915 год редакция успела выпустить 18 томов. Работа прекратилась после начала мировой войны и больше уже не возобновлялась.

Параллельно на страницах периодической печати начинается дискуссия о форме и конкретном содержании военной доктрины. Отмечается непоследовательность проводимых военных реформ, отсутствие в них руководящих идей, устойчивой планомерной работы по подготовке к войне. В конечном итоге предлагается принять военно-политическую доктрину государства². Но вскоре следует высочайшее повеление прекратить в печати дискуссии по этому вопросу. Вместо военной доктрины правительство накануне войны принимает «Большую программу по усилению русской армии», которой так и не суждено было воплотиться в жизнь.

В 1917 году Временное правительство сталкивается с необходимостью восстановления боеспособности разлагающейся армии. Однако попытки реорганизовать старую военную систему потерпели неудачу. Поэтому принимается решение о возрождении русской армии на тех основаниях, которые давно уже были разработаны передовыми офицерами и генералами. В докладе Н.Н. Духонина, утвержденном А.Ф. Керенским, речь идет о Русской Народной армии, комплектуемой добровольно и создаваемой на территориальных началах³. Однако из всего этого замысла удалось реализовать только идею формирования ударных добровольческих батальонов. В дальнейшем определенные его идеи нашли отражение в Добровольческой Армии А. Деникина.

Красная армия развивается уже в соответствии с «законами классовой борьбы». Добровольчество уступает место принудительной воинской обязанности, возникшая в

¹ Военная энциклопедия. М., 1911. — Т. I. — С. VII.

² См.: Новое звено. — 1913. — № 1, 2.

³ О попытках Временного правительства России реорганизовать армию // Исторический архив. — 1961. — № 4. — С. 88 — 112.

двадцатых годах территориально-милиционная система в конечном итоге заменяется кадровой, неспособной в силу ряда причин предотвратить фашистскую агрессию.

Творческая военная мысль в этот период постепенно исчезает. Сначала в журналах «Военное дело» и «Вестник милиционной армии», других изданиях ведутся споры о военной доктрине, но, как и прежде, без серьезного практического результата. Один за другим смиряются с зависимым положением военспецы-ученые. Несломленным дольше всех остается профессор А. Свечин, впоследствии названный в западной литературе «русским Клаузевицем». Он выступает против импровизации в военном деле, раскрывает природу культурно-классовых типов армии, пишет серьезные работы по военному искусству и стратегии. Призвав на помощь военную историю, как наиболее безопасный предмет исследования в условиях усиливающейся «классовой борьбы», Свечин разрабатывает принципиальные положения о подготовке Советского Союза к новой предстоящей мировой войне, предсказывает ее основной стратегический облик. В 1930 году профессор подвергается организованной научно-политической травле ¹ (при участии М.Н.Тухачевского). Вслед за этим заключаются на год в концлагерь и наконец в 1938 году физически уничтожается.

Однако военный дух России не угас. Он возродился с небывалой силой в Русском Зарубежье. Лучшие люди военной эмиграции, физически лишившись Родины, душой остались с ней. Они сразу же приступили к решению патриотической задачи: всесторонней разработке национальной военной доктрины будущей, освобожденной России.

В это время глубоко и основательно переосмысливается история армии и флота, изучается опыт мировой и Гражданской войн, многочисленные книги и журналы издаются в Харбине и Софии, Париже и Белграде. Создается уникальный и единственный в своем роде Русский военно-научный институт. Свободная военная мысль достигает небывалых для того времени вершин, приобретает выстраданный национально-патриотический характер.

Тон и направленность военной литературы определяются известными аналитиками, непосредственно познавшими на своей судьбе печальный опыт революции, Гражданской войны и Белого движения. Он подробно отражается в работах А. Деникина («Очерки русской смуты», «Старая армия») и П. Краснова («Душа армии», его художественные произведения). Появляются фундаментальные научные труды генерала И. Головина («Мысли об устройстве будущей Российской Вооруженной силы», «Социология войны» и другие). В «Русском колоколе» и «Военном сборнике» публикуются статьи о военной

¹ См.: Против реакционных теорий на военно-научном фронте. Критика стратегических и военно-исторических взглядов проф. Свечина. – М., Госвоениздат, 1931.

доктрине и основах строительства русской армии профессора А. Баиова. Обличительный труд о старой военной системе («Полчища») выпускает А.Геруа, выводя из него основные положения новой военной доктрины. В дискуссиях о ее содержании также участвуют Ю. Данилов, В. Апушкин, В. Драгомиров, Е. Месснер, Б. Штейфон, А. Егоров и другие военные мыслители.

Угасание надежд на быстрое освобождение от большевистского ига и угроза новой мировой войны для России усиливают в среде патриотической эмиграции желание и стремление оказать практическое содействие Советскому правительству в подготовке страны к отражению агрессии. Дело не ограничивается определением нравственной позиции, косвенными или прямыми советами. В 1936 году А.Ф. Керенский в статье «Оборона и эмигранты» пишет: «...мы требуем в предвоенный период, пока еще не совсем поздно, таких внутренних политических и хозяйственных перемен, которые уменьшали бы до возможного минимума опасность поражения Красной Армии и нового разгрома и расчленения России»¹.

Сталин, как и его предшественники, проигнорировал голос и содействие лучшей русской военной общественности, находящейся в этот раз за границей. Их предложения были отвергнуты. Победу в Великой Отечественной войне 1941–45 гг. Советский Союз одержал невероятным напряжением народных сил и «большой кровью». В конечном итоге, она не спасла страну от движения в сторону национальной катастрофы, которая и произошла в конце XX века (развал Советской империи). Старшее поколение военной эмиграции уже не дожило до этого позорного времени...

Основное содержание духовной работы военной эмиграции наиболее ярко выражено в книгах и статьях Антона Антоновича Керсновского, человека более молодого поколения первой волны эмиграции. Ему не удалось получить специального военного образования. И тем не менее именно его перу принадлежит замечательная работа «История русской армии», написанная в 1933–1938 годах².

Б. Геруа характеризует этот многолетний труд следующим образом: «Его книга — не учебник и не академическое исследование. Для первого ей не хватает сухости и олимпийской безгрешности. Для второго — первоисточников и, главное, — места. Но это письменный памятник истории войн Императорской России. Это своего рода “Слово о полку Игореве”»³.

¹ Новая Россия. — 1936. — № 4. — С. 3.

² Сокращенное изложение данного труда предлагается в настоящем выпуске «Российского военного сборника». В ближайшее время читатель сможет ознакомиться с полным текстом работы по источнику: Керсновский А.А. История русской армии. Т. I–IV. — М.: Голос, 1992–1993.

³ Часовой. — 1938. — № 221. — С. 19.

«История русской армии» писалась для того, чтобы найти верные основания военной доктрины, делу возрождения которой А. Керсновский посвятил лучшие свои годы. «Величественное здание Русской Национальной Военной Доктрины, — считал он, — стоит с 1800 года незаконченным. Туда нам давно надлежало бы перейти с тех чужих задворков, где мы ютимся уже в продолжение нескольких поколений. Суворов из своей могилы приказывает всем нам его закончить, приказывает вспомнить, что мы Русские и что с нами Бог. На достройку и отделку этого величественного здания и должны быть устремлены все наши дружные усилия...»¹

В 1939 году А. Керсновский издает небольшую работу «Философия войны», излагая в ней в «суворовском духе» основные историко-методологические положения военной доктрины России. Суть их выражают следующие оригинальные тезисы автора:

Понятие военной доктрины

Под «доктриной» разумеется совокупность взглядов по данному вопросу и совокупность методов при решении этого вопроса. Военная доктрина представляет собой мировоззрение данной нации по военному вопросу. Основное свойство доктрины — ее национальность. Она является производной исторических, бытовых и военных традиций данной нации — ее политических, географических, племенных условий, духа и психологии народа или народов, ее составляющих. Пересадка и культивирование чужих доктрин представляет насилие над духом нации — насилие, к добру никогда не приводящее (с.86).

Отношение к войне и миру

Война — это моральная болезнь человечества. Но во имя мира к этому злу надо готовиться, увеличивая сопротивляемость организма страны посредством профессиональной дипломатии и не менее профессиональной армии. Нельзя безответственно распускать армии или заменять их народным ополчением. Ограничивая или запрещая вооружения, следует помнить, что кровопролитность боя является результатом не столько «техники», сколько плохой тактики, самого темпа, «ритма» операций, качества войск и ожесточения сражающихся.

Война в защиту высших духовных ценностей — безусловно необходима и справедлива. «Интегральная война» на уничтожение, разработанная Клаузевицем и воплощенная Лениным, представляет собой разновидность человеконенавистнической теории, ее необходимо целиком отвергнуть. Это лжеучение не соответствует ни российской традиции,

¹ Керсновский А.А. Философия войны. Издание «Царского вестника». — Белград, 1939. — С. 4.

ни русской воинской этике. Для них характерен был отпечаток высшей гуманности, стремление избегать бесчеловечных действий. Войну ведут не затем, чтобы убивать или терроризировать население неприятельской страны, а для того, чтобы побеждать, не разоряя противника и не озлобляя его. Немедленной целью войны является победа, конечной — мир, восстановление гармонии, являющейся естественным состоянием человеческого общества.

Чтобы снизить риск войны (внутренней и внешней), надо укреплять государственный организм соответствующим режимом и профилактикой, повышать сопротивляемость к пацифистским утопиям и марксистским лжеучениям. На сильных никогда не нападают! Но для этого они должны уметь своевременно показать свою силу и не производить впечатления слабых. Германия провоцирует войну в 1914 году, потому что не желает иметь дела с сильной русской армией 1920 года — армией, явившейся бы результатом семилетней «Большой военной программы» 1913 года. В то же время война объявляется и Франции, которая кажется Германии слабой (с. 5–19).

Коалиционная война

Основным правилом в коалиционной войне должна быть полная свобода действий. Государство ведет войну, поскольку этого требуют его интересы, а не интересы союзников. Никогда не следует заключать предварительных «военных конвенций», соглашений, декларации о заключении сепаратного мира. Никаких цифр, никаких сроков, никаких формальных обязательств. Обещать немного. Но все обещанное сдерживать свято. Предъявлять счет за каждую оказанную услугу — и, в свою очередь, платить немедленно за услугу союзника. Полководец — полный хозяин своей вооруженной силы и своих решений. Сазонов закабалил Россию Лондонским протоколом в сентябре 1914 года, связал ей руки и обратил русскую армию в пушечное мясо для чужестранной выгоды. Выручая Верден в марте 1916 года, мы положили у неразбитой немецкой проволоки у Нарочи двести тысяч русских офицеров и солдат, надорвали свои силы и не получили от союзников даже простой благодарности. Два с половиной миллиона павших со славой русских воинов мировой войны диктуют нам эти основные правила коалиционной борьбы (с.51–52).

Элементы войны

Политика — целое, стратегия — часть. Оба этих «элемента национального действия» должны быть на высоте. Разнобой их служит признаком расшатанности государственного механизма, где правая рука утрачивает чувство солидарности с левой. Упадочный период нашей старой государственности можно вообще резюмировать как несогласованность политики и стратегии. 1877 г. Наша политика на высоте, война Турции объявляется вопреки Европе. Стратегия плачевна. 1878 г. Стратегия выправилась. Русская армия у стен

Царьграда. Но тут капитулирует политика. В 1905 году — полный разнобой. Россия идет на риск конфликта с Японией, не позаботившись даже закончить Сибирский путь и сосредоточить войска. Русская стратегия Великой войны была связана по рукам и ногам плачевнейшей политикой. Россия беспрекословно подчинялась самым абсурдным требованиям своих союзников. Необходимо было соблюдать достоинство и продавать нашу помощь союзникам так же, как они продавали нам свою. Несостоятельность политики сказалась и в Гражданскую войну. Антигосударственники — красные, оказались государственниками по методу. Государственники — белые — оказались по методу анархистами, что привело Белое движение к гибели. Романтика взяла верх над политикой, добровольчество над регуляторством, импровизация над государственностью. Многие ошибки Деникина были затем исправлены в Крыму генералом Врангелем, но последний не использовал выгоды польско-советской войны. Надо было не мешать красному врагу русской государственности сокрушить польского врага русской государственности.

Стратегия есть ведение войны. Оператика — ведение сражения. Тактика — ведение боя. Для удачного ведения боя тактика стремится как можно лучше использовать оба своих составных элемента: постоянный — человека и переменный — технические средства. Тактика имеет первенство над техникой. Сначала додумались до войны, а лишь затем до оружия. Техника выполняет задачи, поставленные ей тактикой. Тактика — порождение духа — властвует над техникой — порождением материи. Большое количество пушек в Русской армии XVIII века объясняется не методом исторического материализма, а тем, что тогдашние наши уставы отводили артиллерии первое место и проводили огневую тактику. Плод техники созрел в лучах солнца тактики. Новая техника влечет за собой не новую тактику, а лишь новые тактические навыки. Не «новая техника — новая тактика», а «новая тактика — новая техника!» Тактика как производная величина военной доктрины, вытекающей из доктрины национальной, не может не иметь превосходства над техникой. Это явление такого же порядка, что и превосходство политики над экономикой, искусства над ремеслом, головы над брюхом и духа над материей...

Политика и стратегия, оператика и тактика — суть сомножители полководчества. При недооценке какого-либо из них умалывается все полководчество. При приравнении одного из сомножителей к нулю — все произведение обращается в нуль. Пример — проект генерала Врангеля идти на соединение с Колчаком — проект, где оператика приравнена к нулю. Хорошая стратегия всегда исправит посредственную тактику — тогда как искусство и героизм ротных командиров никогда не выправят промахов главнокомандующего. Древняя пословица гласит: «Лучше стадо ослов, предводимое львом, чем стая львов, предводимая

ослом». Справедливость ее не раз уже, со смерти последних екатерининских орлов, пришлось испытать на себе львиной стае, именуемой Русской армией (с.24–43).

Природа военного дела

Военное дело слагается из рациональной вещественной части и части иррациональной, духовной. Первый элемент является достоянием военной науки. Второй — достоянием военного искусства. Искусство дается Богом и является уделом немногих избранных. Наука — удел многих — дается человеку его трудами. Военная наука должна быть в подчинении у военного искусства. Бывают случаи, когда науке приходится затенять искусство, играть роль как бы его суррогата. Это случается в критические периоды военного искусства. Так было во второй половине XVIII века на Западе, когда вербовочные армии пытались найти спасение в рутине линейных боевых порядков, а нашли его на путях системы вооруженного народа, созданной французской революцией. Война 1914–1918 годов выдвинула кульминационный пункт и одновременно вырождение «вооруженных народов» — «полчищ». Выход для военного искусства был найден после войны в старорусской системе сочетания идеи количества — народной армии (земского войска) с идеей качества — малой армии профессионалов (княжеской дружины). Эта старая русская система применялась в последний раз в 1812 году (Кутузов и Раstopчин).

Военное искусство — достояние личности. Отсутствие военного гения можно заменить научным коллективом — Генеральным штабом, как это и было на полях мировой войны. Но личность все равно окажется решающим фактором. В решительные моменты творчество Жоффра, Галлиени и Манжена оказалось выше творчества Мольтке-младшего, фон Клука и Людендорфа — подобно тому, как последние оказались выше Великого Князя, Жилинского, Русского, Иванова. Это обстоятельство и определило характер войны, предрешило ее исход.

Военное искусство национально, так как отражает духовное творчество народа. «Науку побеждать» мог создать только русский гений. «О войне» мог написать только немец. Военное искусство понижается или повышается вместе с национальным самосознанием. Военная наука относится к категории социальных наук. Она национальна и субъективна, является сама в себе социологией, заключая в себе всю совокупность социальных дисциплин. Это социология на военном положении, социология патологическая (считая войну явлением патологическим) (с. 20–23).

Военный человек

Основных воинских добродетели три: дисциплина, призвание и прямодушие. Храбрость — только производная этих основных главных качеств.

По форме дисциплина всех организованных армий — сходственна. Естество же дисциплины различно, смотря по армиям, народам и степени духовности этих народов. Русской армии соответствует дисциплина, осмысленная по существу, но жесткая по форме.

Пламенная вера в свое призвание является в отличие от дисциплины добродетелью врожденной. В армию идут те, у кого есть военное призвание, кто, глядя на растерзанные полотнища, ощущает себя в строю сен-готардских мушкетер, шенграбенских гусар, бородинских егерей. Любить военное дело мало. Надо быть еще в него влюбленным, верить в свое призвание, ощущать в ранце фельдмаршальский жезл. Эта любовь — самая бескорыстная. Военная профессия — единственная, не приносящая дохода. Она требует все, а дает очень мало, но в моральном отношении это «мало» — огромно.

Дисциплина имеет корни в воспитании, призвание вытекает из психики, прямодушие — вопрос этики. Деспот начальник может погубить дисциплину в своих подчиненных. Угодничанье (подхалимство) обращает в отрицательные величины все остальные добродетели. Воровство и трусость не могут быть возведены в систему в сколько-нибудь организованной армии. Подхалимство и его неизбежное следствие — очковтирательство — могут, и тогда — горе армии, горе стране! Не бывало и не может быть случая, чтобы они могли опереться на гнущиеся спины...

Под военной этикой разумеется совокупность правил и обычаев, которыми противники должны руководствоваться на войне. Конец XVII и почти весь XVIII век — с их «кабинетными войнами», веденными за государственные интересы профессиональными армиями, — были золотым веком человечества. Война велась без ненависти к врагу. Были только противники, упорные и свирепые в бою, учтивые и обходительные после боя, не терявшие чувства чести в самом жарком деле. Профессиональные (и полупрофессиональные) армии сообщали войнам оттенок гуманности, впоследствии совершенно утраченный.

Революция 1789 года с ее вооруженными «массаами» нанесла жестокий ущерб воинской этике. Воскресли картины варварских нашествий и религиозных войн. Крымская и Итальянская война были последними из больших войн, веденных джентльменами. Уже война 1870 года и поведение в ней германского вооруженного народа показали всю несовместимость правил морали и воинской этики с интеллектом вооруженных народных масс. О безобразных бойнях 1914 года нечего и говорить. Заменив профессиональные «воспитанные» армии свирепыми народными ополчениями, человечество усугубило бедствия войны.

Изжив психоз «вооруженного народа», придав вооруженной силе характер сколь можно более профессиональный и сообщив нашей жизни сколь можно более церковный дух, мы освободимся от петли, наброшенной на нашу шею доктринарами 1789 года и их последователями. Войне можно будет тогда придать характер «доброкачественной язвы» вместо злокачественного фурункула и можно будет опять говорить о военной этике.

Воинская этика — это совокупность правил, которыми члены военной семьи (солдаты по призванию) руководствуются при сношении друг с другом. Воинская этика «снизу вверх» — подчиненных в отношении к начальникам — заключается в соблюдении «писанных» правил. Сверху вниз — от начальников к подчиненным — в соблюдении правил «неписанных». Каждый начальник, какую бы должность он ни занимал, должен всегда помнить, что он не просто «командует», а имеет честь командовать. Он это обязан помнить как в мирное время, уважая в подчиненном его воинское достоинство, так и особенно — на войне, когда с честью вверенной ему роты, корпуса либо армии неразрывно связана и их личная честь, их доброе имя в главах грядущих поколений. Два качества лучше всего выражают сущность воинской этики: благожелательность к подчиненным — таким же офицерам, как начальник, — и сознание величия «честь командовать»...

Все качества военного человека имеют в своей основе два начала — «умовое» и «волевое». Ум без воли — абсолютный нуль. Воля без ума — отрицательная величина. Волевое начало свойственно русскому народу, создавшему мировую державу в условиях, при которых всякий другой народ погиб бы. История дает нам таких исполинов воли, как Александр Невский, патриархи Гермоген и Никон, Петр Великий. Оно свойственно и русскому полководчеству.

Суворов явил нечеловеческую силу воли под Измаилом, сверхчеловеческую в Муттенской долине. Кто сможет по достоинству оценить волю Барклая, шедшего против течения и спасшего страну помимо ее стремлений? Кутузов, пожертвовавший Москвой, выявил большую силу духа, чем Наполеон, принявший Лейпцигскую битву.

Уклад, сообщенный нашей армии Александром I по окончании наполеоновских войн (эпоха, неправильно именуемая «аракчеевщиной»), не способствовал образованию, а главное, выдвижению сильных характеров. Паскевич заморозил Армию, Милютин привил ей растлевающий «нестроевой дух», Ванновский обезличил, Куропаткин деморализовал...

Волевые натуры встречались и в Восточную войну (Корнилов, Нахимов, Муравьев, Бебутов) и в Турецкую (Радецкий, Гурко, Скобелев, Тергукасов). Но безволие уже начинало брать верх на Дунае и в Крыму. Волевые натуры были и в Мировую войну: Лечицкий, Плеве, Юденич, Брусиллов, граф Келлер. Но русское полководчество определяли, сообщали ему

характер катастрофический военачальники упадочного типа — Алексеев, Рузский и Эверт. У наших начальников отсутствовала вера в свое призвание, вера в великое будущее Родины и Армии, воля схватиться с врагом и победить — победить во что бы то ни стало...

Необходимый и ценный помощник полководца — Генеральный штаб — совершенно неправильно именуют в просторечии «мозгом армии». Армия имеет один мозг — и этот мозг — ее главнокомандующий. Генеральный штаб — не мозг, а нервная система, претворяющая в дело решения мозга, передающая эти решения во все части организма, обеспечивающая функционирование организма. Назначение штаба — поставить военачальника в возможно лучшее положение для принятия им единоличных решений...

Из специальных качеств на первое место поставим личный почин — инициативу. «Местный лучше судит», — учил Суворов. Невозможно провести точную грань между дозволенной инициативой и гибельным своеволием. Мы можем лишь указать эту грань приблизительно. Инициатива — явление импровизированного характера. Она уместна и желательна в тактике, с трудом допустима в оператике и совершенно нетерпима в стратегии. Воспитанный на примерах тактической инициативы лихих бригадных командиров 1866 и 1870 годов, фон Клок перенес инициативу в область Стратегии, что оказалось печальным для Германской армии. Достоинство для тактика, инициатива превращается в порок для стратега (с. 53–71).

Вооруженная сила

Трем элементам природы — земле, воде и воздуху — соответствуют три вида вооруженной силы — сухопутные, морские и воздушные. Армия и Флот — близнецы. Авиация — их младшая сестра. Гармония между этими тремя видами вооруженной силы должна соблюдаться строго. Гипертрофия одного из них в ущерб другим вредна, атрофия — пагубна. Потеря господства над морем парализует сухопутную силу. Утрата господства над воздухом ставит сухопутные и морские силы в самое невыгодное положение.

Море составляет три четверти нашей планеты. Все государства дышат морем. Это их легкие. Потерю господства над морем можно сравнить со скоротечной чахоткой. Та кровь, что проливает тогда сухопутная армия не что иное, как кровохарканье надорванного государственного организма. Это случилось с Россией в мировую войну 1914–1917 гг. Она захлебнулась кровью, не будучи в состоянии дышать... Флот — показатель здоровья государственного организма, показатель государственного ума правителей и мерило великодержавности. Страна, имеющая только 40 дивизий, но 20 могучих броненосцев, значит в мире больше, чем страна, имеющая 100 дивизий на суше, но всего 5 кораблей на

мировых океанских путях. Удельный вес Британской империи в союзной коалиции 1914–1918 гг. во много раз превосходил удельный вес России...

Устроителю вооруженной силы надлежит разрешить две задачи: устройство постоянного состава, дав ему статут военной касты, либо военного сословия, и устройство переменного состава — статут вооруженного народа. Краеугольный камень всего здания — офицерство. Невозможно придать офицерскому корпусу партийную окраску.

Партийность несовместима с воинским духом и воинской этикой — плачевная история Красной армии тому наглядный пример. Партийность несовместима и с Православием, а стало быть и с русскостью. Союз профессионалов шпаги противоречит самому естеству российской вооруженной силы, единственной в мире не имевшей в своих рядах наемных ландскнехтов и кондотьеров. Кастовая гордость и заносчивость глубоко претят православному русскому мирозерцанию — и не нам, чьи предки затупляли мечи о тевтонские черепа, перенимать обычаи потомков побежденных на Неве, в Ледовом побоище, в Раковорской битве и при Грюнвальде. Остается служилое сословие.

При организации военной семьи российского служилого сословия нам надо взять за образец петровский гвардейский обычай. Всех готовящихся к офицерскому служению писать юнкерами в гвардейские полки... Для специальных войск и авиации оставить училища и школы.

Главным устоем офицерского корпуса должна быть крепко спаянная и тесно сплоченная офицерская полковая семья. В полках создается дух Армии, как на кораблях куется дух флота. Командир полка должен быть полным и единоличным хозяином своей части, подчиняясь командиру бригады, дивизии и корпуса лишь в чисто строевом отношении. Он должен иметь права командира корабля в отдельном плавании. Командир творит полк по своему образу и подобию, накладывает на него свой, подчас неизгладимый отпечаток...

Вооруженная сила — часть народа. Устроителю вооруженной силы надлежит привлечь в ее ряды лучшую часть народа. Этого не понял Милютин. Его Устав о всеобщей воинской повинности 1874 года под видом «льгот по образованию» фактически освободил всю образованную часть населения от долга защищать Отечество. Он лишил армию сотрудничества культурных сил страны и в значительной степени способствовал отчуждению между армией и обществом.

Вооруженная сила — один из элементов политики. Утверждение, что «Армия вне политики» — нелепо. Армия — это как раз вооруженная политика. Армия не «меч Государства». Она рука, держащая меч. Живая рука, направляемая волей головы. А голова —

Царь. Это — единственно возможная в русских условиях формулировка. Всякая другая исключается. Коммунистическое варварство, демократический маразм, тоталитарно-диктаторское богоборчество одинаково растлевают страну, одинаково развращают вооруженную силу. Трехединый завет «За Веру, Царя и Отечество» — не казенный лубок. Во всей своей краткости он целиком заключает в себе тысячелетнее бытие России, когда, черпая силу в православной вере, наши цари создали нам величайшую страну — наше Отечество.

Проблема организации страны в военное время формулируется просто: извлечь наибольшую пользу при наименьшем напряжении организма страны, добиться наибольших результатов с наименьшими жертвами. Как можно больше подходящих людей на подходящих местах и как можно меньше дилетантов при полном исключении импровизации. Без тыла нет фронта. Неудачи фронта всегда поправимы при условии хорошо налаженного тыла. Расстройство же тыла неизбежно влечет за собой непоправимую катастрофу фронта. Пример Российской империи 1917 года и Белых армий 1919–1920 гг. — трагическое тому доказательство. Лозунг «Все для фронта» доказал свою несостоятельность. Это все равно если бы совершающий тяжелую физическую работу человек заботился исключительно о своих руках, не обращая никакого внимания на свой организм. Тыл хуже переносит войну. Необходимо поэтому, чтобы он как можно меньше ощущал ее тяготу. Население не должно ни в чем испытывать недостатка. Говядина по рублю фунт была в 1915 году большим ударом для России, чем падение Новогеоргиевска и Ковны (с. 72–81).

В основу организации вооруженной силы русская национальная военная доктрина всегда кладет принцип качества и принцип отбора («не множеством побеждают»). На идее отбора — привлечении в первую очередь дворянства — Петр и построил всю армию. Русская армия XVIII века — прежде всего армия отборная, этим и объясняются все ее подвиги в тот великий век.

Сама организация Российской вооруженной силы — как Московского государства, так и Петровской империи — была следствием нашей самобытности. «Мы мало сходствуем с другими европейскими народами», — писал Румянцев в своих «Мыслях по устройству вооруженной силы». Упадок нашей армии начался с подражания иностранным образцам при Павле.

Мы должны вести войну, стремясь как можно меньше отягощать, истощать организм страны. Это достигается лишь сохранением на своих местах возможно большего количества специалистов своего дела — все равно, хлебопашцев или железнодорожников, ремесленников или торговцев. Не станем повторять ошибки гипноза полчищами, роковой ошибки 1916 года.

Но для того, чтоб наша армия могла дать все, что она способна дать, ее нужно и применять соответственно. И русская национальная военная доктрина дает тому законы. Это прежде всего «смотрение на дело в целом» — синтез. Затем — «глазомер, быстрота, натиск». Венец же всему — победа, и притом «победа малой кровью одержанная».

В воспитательном отношении наша доктрина всегда выдвигала религиозное начало и национальную гордость. «Мы — русские, с нами Бог!» — учил Суворов. Поэтому-то его наука и сделалась действительно «Наукой побеждать». Каждое из ее слов дошло до бесхитростного сердца чудо-богатыря, а все суворовское поучение — одно из самых чистых творений суворовского гения — величайший памятник православной русской культуры.

Затем нашу доктрину характеризует требование сознательного отношения к делу: «Каждый воин понимает свой маневр». Проявление частной инициативы на низах. Петровское требование «не держаться устава яко слепой стены» и суворовское: «Местный лучше судит... я вправо — ты видишь, надо влево, — меня не слушать». Способствование этой инициативы на верхах — румянцевское: «Не входить в подробности, ниже предложения на возможные только случаи, против которых разумный предводитель войск сам знает предосторожности, и не связывать рук».

И в этом отношении — как и во всех других — единственный способ, единственное спасение — это возврат на тот путь, с которого нас полтора столетия назад своротили гатчинским вахт-парадным экспонатом на путь, указанный нам Петром, Румянцевым и Суворовым (с. 88–91)...

А. Керсновский не ограничивается общими поучениями по вопросам военной доктрины. Он активно сотрудничает в журналах «Русский военный вестник», «Царский вестник», «Часовой». Анализирует военно-политическую обстановку в Европе и Азии 20–30-х годов. Строит на этой основе конкретный план воссоздания вооруженной силы освобожденной от большевиков России. План этот был выработан своевременно, за 8–10 лет до нападения фашистской Германии на Советский Союз. Он предусматривал осуществление мер, позволяющих России наилучшим образом подготовиться к предстоящему испытанию. Среди основных из них можно назвать следующие:

1. Создание вооруженной силы, состоящей из т р е х э л е м е н т о в: немногочисленной, но отборной постоянной армии с ее резервом («ударных войск»); территориальной армии — войск кадрово-милиционных, предназначенных для сбережения крови «ударных поисков» и действий на второстепенных направлениях; частей особого назначения — «народной защиты»: корпуса пограничной стражи, корпуса жандармов,

сохраненных милиционных формирований для защиты уязвимых мест страны. Данная идея базировалась на выводе, что система «полчищ» не выдержала экзамена Великой войны и что в эпоху стремительного прогресса техники и необходимости повышенной политической благонадежности войск «вооруженного народа» быть уже не должно. Она исходила из логичности и продуманности существующей кадрово-милиционной организации Красной армии, которую и не предполагалось отменять одним росчерком пера ¹.

2. Условием успешного ведения современных и будущих войн явилась военизация страны: моральная и военная подготовка населения; объявление осадного положения при мало-мальски подозрительных международных осложнениях; наступательный образ действий вплоть до «предупредительной войны» (самой гуманной из всех); оборудование пограничных военных округов; мобилизация тыла; культивирование чувства патриотизма и землячества, особенно путем введения чрезвычайно благоприятной для нас территориальной системы; развитие интереса к военной службе — этой основной задачи возрожденной России. Маленькая, подвижная, хорошо управляемая армия должна состоять на треть (а то и на половину, и даже больше) — из сверхслужащих и добровольцев, быть в изобилии снабженной всеми чудесами современной техники и от главнокомандующего до кашевара проникнутой отважным, наступательным духом.

Эта армия должна опираться на строго организованный и милитаризованный тыл — одни без других ничего не могут ².

3. Отбор и создание крепкого офицерского и унтер-офицерского кадра, позволяющего побеждать не числом и не техникой, а командованием и умением. В специальной статье по этому вопросу³ А. Керсновский предлагает комплектовать офицерский корпус будущей армии как за счет «красного начсостава», так и путем специальной подготовки молодых людей из среды эмигрантов на специальных военно-училищных курсах, осуществляемой опытными офицерами бывшей русской армии. В этой связи предлагается придать гвардейским частям учебный характер и поднять престиж офицерской службы: материальное обеспечение, возможность почетно устроиться на гражданской службе после отставки; уравнивание офицеров гвардии, Генерального штаба и армейских (флотских) офицеров в правах на выбор места службы, занятие высших командных должностей, обучение в Академии Генерального штаба, через которую должно пройти возможно большее число ротных, батальонных и батарейных командиров.

¹ См.: А.А. Керсновский. Наша будущая малая армия // Царский вестник. — 1931. — № 194.

² См.: Керсновский А.А. Военизация страны // Царский вестник. — 1928. — № 1.

³ См.: Керсновский А.А. Наш будущий офицерский корпус // Царский вестник. — 1930. — №№ 100–101.

Приведенные положения раскрывают в целом военно-политическое мировоззрение А. Керсновского. Его перу, вероятно, принадлежат и другие книги и статьи, не попавшие в поле нашего внимания в силу их отсутствия в библиотеках и архивах новой России. Будем пока знакомиться с теми источниками, которые нам доступны. И в первую очередь прочтем, пусть и сокращенную, «Историю русской армии».

1993 г.

А. Савинкин

ИСТОРИЯ РУССКОЙ АРМИИ

А . Керсновский

Предисловие

Писать о подвигах прошлого не имеет смысла без твердой веры в подвиги будущего. Книга эта, написанная и изданная еще в эмиграции, предназначается для офицеров возрожденной Русской Армии — как слушателей Императорской Николаевской Военной Академии, так и строевых. Одним она сможет помочь при изучении стратегии, военной истории и истории военного искусства, другие узнают из нее то, чему их не научили в «нормальных школах» и на командных курсах.

Основная идея этого труда — это самобытность русского военного искусства, неизреченная его красота, вытекавшая из духовных его основ, и мощь русского военного гения — мощь до сей поры, к сожалению, недостаточно осознанная, вернее, неосознанная совсем.

Ересь «анациональности» военного искусства привела к засорению русской военной мысли иноземными — по большей части с клеймом «made in Germany» — рационалистическими учениями. Все это имело своим результатом Севастополь и три Плевны, Мукден и Сольдау. Минус на плюс не мог не дать минус.

Военная доктрина — всегда национальна. Она составляет — этого никогда и ни на минуту не следует забывать — лишь одну из сторон, одну из многочисленных граней доктрины общенациональной, является отражением духовного лика данного народа, производной его психологии. Из этого в достаточной степени явствует вся противоестественность заимствования иностранных доктрин — все равно, будут ли эти последние «приспособлены к русским условиям» или нет.

Здание Русской Национальной Военной Доктрины, начатое Петром I, Румянцевым и Суворовым, стоит и поныне недоконченным. Со смерти Суворова никто к нему не прикасался. Мы стали копировать иностранные учения, свернули с пути, завещанного нашими великими учителями. И победа покинула нас... Она отлетела от наших знамен, к которым должна была бы навеки быть прикрепленной. Поражения стали сменяться поражениями, одна потерянная война стала следовать за другой.

Свернем с этого гибельного пути и возвратимся на единственно верный — на тот, где веками служат Лесная и Полтава, Пальциг и Кунерсдорф, Ларга и Кагул, Рымник и Требин. Продолжим этот путь новыми веками!

И если эти строки помогут проникнуться — конечно, серьезно проникнуться — и начать серьезно работать хоть тридцати читателям — офицерам, автор сочтет себя сторицею вознагражденным за свой скромный труд.

А. К.

1. Основные законы русской государственности

Сорок князей, царей и императоров в тысячу лет создали Россию. В их черед были правители слабые и неудачные, были искусные и гениальные. Недостатки одних на протяжении веков выравнялись деяниями других. Все вместе создали нашу Родину, ее мощь и красоту, ее культуру и величие — и мы, русские, навсегда останемся их неоплатными должниками.

В своем исполинском тысячелетнем деле создатели России опирались на три великих устоя — духовную мощь Православной Церкви, творческий гений Русского Народа и доблесть Русской Армии.

Будучи помазанником Божиим, проникнутый сознанием святости самодержавного строя, русский царь Богу одному отдавал отчет в своих действиях, управлял вверенной ему Богом страной по совести — через посредство лучших ее людей и не вверял судьбы ее бессмысленной толпе, никогда не знающей, чего хочет, и вожакам толпы, слишком хорошо знающим, чего хотят.

В троичности «Вера, Царь, Отечество» недаром понятие, выражающее идею Родины, поставлено не на первом, а только на третьем месте. Для Русского Народа оно является лишь результатом первых двух, своего рода производной их. Понятие «Россия», неосмысленное предварительно понятием «Вера», неоплодотворенное понятием «Царь», является для него чуждым, абстрактным, лишенным внутреннего содержания и смысла. И далеко не случайность, что когда при советском владычестве не стало ни Веры, ни Царя — то само собой отпало и понятие «Россия», уступив место сочетанию административных инициалов.

До этого последнего лихолетья России пришлось уже однажды пережить смертельную опасность. Природная династия Рюриковичей угасла, до избрания новой законной династии додумались не сразу (в претендентах незаконных и неприродных недостатка не было, что создало анархию). Царский престол был пуст, но помимо него существовал еще один

престол — престол патриарший. И этот престол спас тогда Россию. В сложившейся веками русской государственной машине царская власть являлась как бы ходом поршня, а духовная власть патриарха (до учреждения патриаршества — митрополита Московского) являлась своего рода инерцией махового колеса, обеспечивавшей ход машины, когда она начинала давать перебои и поршень становился «на мертвую точку». Гениальнейший из русских царей, перестраивая заново эту машину на иноземный образец, упразднил патриаршество и этим нарушил гармонию духовной жизни Русского Народа. Сообщенной Петром стране мощной инерции хватило на полтора с лишним столетия, но когда она стала иссякать и государственная машина стала давать перебои — спасительной «инерции маховика» уже не оказалось. И машина остановилась...

Занимая совершенно особое положение среди прочих государств, Россия является страной самобытной, а в духовном отношении и самодовлеющей.

Историческое ее развитие — превращение в великую, а затем и в мировую державу — совершалось с севера на юг: от Новгорода к Киеву, от Киева к Царьграду. Это — путь Олега, Святослава и Владимира Святого. Внутренние неурядицы и монгольский разгром с его последствиями заставили Россию в продолжение целых шести веков сойти со своего великодержавного пути. За весь этот тяжкий период русской истории не могло быть и речи о дальнейшем развитии русской великодержавности: шла борьба за самое право существования России, а затем, медленно и с трудом, возвращалось и собиралось утраченное достояние. Это было великим делом нашей первой династии — династии, давшей Александра Невского и Иоанна Калиту.

За все время своего существования России приходилось отбиваться от двух врагов.

Первый враг — враг восточный — приходил к нам из глубины азиатских степей, сперва в облике обров и половцев, затем монголов и татар и, наконец, турок. Эти последние, покорив пол-Европы, превратили Царьград в Стамбул — тем самым став поперек нашего исторического пути.

Второй враг — враг западный. Имя ему было и осталось — немец. Враг упорный и беспощадный, хитрый и бездушный, коварный и бесчестный. На протяжении семисот лет — от Ледового побоища до Брест-Литовска — враг традиционный, но не раз по капризу истории надевавший личину «традиционной дружбы» — всякий раз все к большей своей выгоде и все к большей беде России.

С восточным врагом боролись Димитрий Донской, Иоанн III, великая Екатерина, Царь Освободитель. С западным — Александр Невский, два первых Романова — Цари Михаил и Алексей, дочь Петра Елисавета.

Три царя боролись одновременно с обоими врагами — Иоанн IV, Петр I, Николай II: Царь Грозный, Царь Великий, Царь Мученик...

Царю Иоанну удалось сокрушить восточного врага. Покорение Казани в истории христианства — праздник не меньший, чем битва при Лепанто и освобождение Вены. Однако борьба с западным врагом — вначале успешная — оказалась под конец ему не по силам.

Петр Великий, первый после Александра Невского, заставил западного врага обратиться вспять. В борьбе же со врагом восточным потерпел неудачу.

Удачнее их действовал Император Николай Александрович. На третьем году беспримерной в Истории борьбы ему удалось поставить восточного врага на оба колена, западного на одно... Но тут явился третий враг — враг внутренний — духовный сын западного врага, поспешивший на помощь своему отцу...

И Царя не стало! Ужасною ценою заплатила тогда страна за свою минутную слабость и невольное предательство. Историческая задача России, бывшая накануне своего славного разрешения, снова отодвинулась в кровавую мглу — и для разрешения ее, для признания за собой права на место под солнцем, нам придется еще долго, много и упорно воевать.

Борьба с восточным врагом обратилась для России сперва в защиту христианской веры, а в последующие века в освобождение угнетенных единоверцев и единоплеменников. И тот же освободительный характер приняла и самая большая из ее войн с врагом западным.

Все это сообщает войнам, веденным Россией, характер совершенно отличный от войн, веденных другими народами, и придает им отпечаток той высшей гуманности, за которую на этом свете не существует человеческой награды. Ведя эти войны, Россия выполняла задачу — задачу «Божьей рати лучшего воина» — многовековый непрерывный крестовый поход.

Француз умирал за славу, за белое знамя, за императора — и просто за прекрасную Францию. Англичанин погибал на краю света «за все большую Британию» и лил во славу старой Англии свою кровь во все моря земного шара... Русский офицер и русский солдат полагали свою душу «за други своя». Со смертью каждого из них словно одной звездочкой становилось больше на небе. И если бы удалось собрать в один сосуд всю кровь, пролитую ими на протяжении веков на полях Германии и Франции, Галиции и Польши, в горах

Болгарии и Армении, то единственной надписью на этой чаше могло бы быть: «Не нам, не нам, а Имени Твоему».

2. Вооруженные силы Московской Руси и России при Петре I

XVII век был веком упадка русской государственности. Медленно оправляясь от последствий Смутного времени, Россия Царя Михаила Федоровича не раз переживала тяжелые кризисы, участившиеся и принявшие грозный характер в правление Царя Алексея.

Правление этого слабого государя не было счастливым, несмотря на присоединение Хмельницким Малороссии. Царская власть ослабела, самодержавие существовало лишь на бумаге, обратившись в господство дьяков. Ссора царя с Патриархом Никоном удалила от Престола единственный государственный ум России того времени. Хозяйничанье же дьяков привело к государственному банкротству (медные рубли) и к закрепощению крестьянского сословия (простая полицейская мера Годунова была превращена в половине столетия в крепостное право стараниями «крючкотворцев»). Внутри страны не прекращались восстания и бунты. Внешние войны Царя Алексея Михайловича закончились плачевно... Умирая, он оставлял Россию в состоянии несравненно худшем, чем принял.

В 70-х и 80-х годах страна погрузилась в глубокий и полный маразм, раздираемая религиозными настроениями, внутренними смутами, придворными интригами и военными бунтами.

Военное бессилие России было полным. Московское правительство, не будучи в состоянии совладать с крымскими татарами, опустошавшими Украину и низовья области своими набегами, унизились до платежа ежегодной дани крымскому хану! Обуздать этих степных хищников, уведших в рабство в Турцию в одном напр. 1688 г. свыше 70 000 человек, оно не было в состоянии. Русскими невольниками были переполнены рынки Востока и, увы, Запада — что вечным позором ложится на «просвещенную Европу», уже тогда торговавшую человеческим мясом с «каннибалами»¹. Ослабевшее Московское государство ограничивалось лишь пассивной обороной...

Военная система России, как Московской, так и Императорской, — резко отличалась во все времена от западноевропейской.

¹ По мнению известного слависта проф. В.И.Ламанского, с XV века в продолжение 4 столетий (по XVIII век включительно) Великая и Малая Русь и часть Польши лишилась от 3 до 5 миллионов жителей обоего пола, уведенных в турецкую неволю и проданных в рабство.

На Западе царил принцип найма, вербовки. Военное дело являлось там прежде всего доходной профессией. Ландскнехты и кондотьеры служили за деньги — сегодня цесарю и папе против христианнейшего короля, завтра королю против цесаря и папы. Западноевропейский солдат до конца XVI века был наемником.

В основу русской военной системы испокон веков положен был принцип ее обязательности — принцип долга для каждого защищать Русскую землю — принцип «повинности».

Московская рать явилась первой национальной армией в мире, подобно тому, как петровская армия весь XVIII век была единственной национальной армией в Европе.

Регулярное войско — стрельцы — было у нас заведено при Иоанне Грозном. Большая же часть армии состояла из земского ополчения (дворяне и даточные люди), созывавшегося по принципу обязательной повинности и лишь в военное время, что придавало вооруженной силе Московского Государства милиционный характер.

«Солдаты более способные на грабеж, чем на битву», — пренебрежительно выразился о московских ратниках немец Пуффендорф, наблюдавший Московскую Россию в ее упадочную пору, в XVII веке ¹. Это утверждение мы оставляем на его совести (уж в чем ином, а в недоброжелателях и клеветниках у нас никогда недостатка не было). О вооруженных силах Московской России в цветущий ее период — XVI век — предшественники Пуффендорфа судили иначе: «Ни один из христианских государей, — пишет один из них о войске Василия III, — не имеет армии более грозной и лучше устроенной, чем великий князь Московский». В Ливонскую войну рати Иоанна IV не раз бивали в открытом поле шведов и немецких наемников в равных и даже превосходных силах. Защитники Вендена, не желая сдаваться, удавились на своих орудиях. Наемные солдаты других армий в их положении наверное поспешили бы сдаться и поступить на службу к новому хозяину! В укрепленных городах московские ратные люди могли отсиживаться и успешно отбиваться целыми годами: военная история всех стран и народов не знает подвигов, могущих сравниться с защитой Смоленска, Пскова и Троице-Сергиевской Лавры.

Дружинники Святослава, обещавшие «сложить свои головы, где его голова ляжет», храбрые жители Козельска — «злого города» Батяга, Веденские пушкарники, предпочитавшие смерть плену, сергиевские иноки, смольняне и псковичи, целовавшие крест сидеть до конца,

¹ Летопись московской рати не знает позорных событий вроде разграбления Рима католическими же ландскнехтами Фрундсберга, Магдебург был разгромлен озверелыми рейтарами Тилли, не щадившими ни женщин, ни детей и умертвившими весь гарнизон за упорное сопротивление. А грозный царь Иоанн Васильевич, отпуская на все четыре стороны гарнизон Полоцка, одарил его богато за храбрую защиту...

— вот от кого произошли по прямой линии полтавские драгуны, цорндорфские фузилеры, рымникские чудо-богатыри! Двух армий — «московской» и «императорской» не существует — есть одна Русская Армия...

Войска иноземного строя стали у нас заводиться при Царе Михаиле Федоровиче. Первые из сохранившихся патентов выданы полковнику драгунского полка Ван Даму в 1632 г. и полковнику солдатского полка Шарлю Эберсу в 1639 г. Признавался желательным состав этих войск на одну треть из иноземцев и на две трети из русских (те и другие — профессионалы). На самом деле они состояли почти сплошь из русских.

В 1642 году сформировано два «выборных» (т.е. отборных) полка из московских слобожан и стрелецких детей — Первомосковский и Бутырский. Полкам этим суждено было явиться связующим звеном старой московской и новой петровской армий — символом единства и нераздельности Русской Армии. В начале царствования Царя Алексея, в 1648 году, был издан первый в России воинский устав — «Учение и хитрости ратного строя пехотных людей».

Однообразных штатов не существовало. Иноземные полки делились на роты, стрелецкие имели сотенную организацию. Те и другие именовались по полковникам. Число полков колебалось: солдатских (т.е. пехотных иноземного строя) бывало от 25 до 35, рейтарских и драгунских — до 25, стрелецких 40–45 (в одной Москве 18). По росписи 1689 года считалось: «стройных» войск 110000, «нестройных» 55000, «городовых» до 25000. Всего на бумаге тысяч до 200, но плохо организованных, еще хуже дисциплинированных, в общем, слабой боеспособности...

Личность Петра встает перед нами во весь свой гигантский рост со всеми ее достоинствами и недостатками. Достоинства проявились в области внешней политики и на войне, недостатки отразились на внутренней политике.

Этот последний вопрос, как будто, выходит за рамки настоящего труда, но на нем следует остановиться, указав на две капитальные ошибки великого преобразователя, сыгравшие печальную роль в дальнейшем ходе русской истории — чрезмерное форсирование европеизации и «вавилонское пленение» Церкви.

Первая из этих ошибок невольно влекла за собой раболепство перед всем иностранным и недооценку и хулу всякого русского, как бы недоверие к собственным достоинствам. Качества эти совершенно отсутствовали у Петра I лично, но на протяжении двухсот лет они явились самой скверной чертою русского характера — считать каждого малограмотного

иностранца «барином», а каждого сколько-нибудь грамотного уже «авторитетом». Особенный вред это преклонение перед иностранщиной принесло, как мы увидим, в военном деле.

Что касается второй ошибки — упразднения патриаршества, то она оказалась роковой для России. Будь в России в 1917 году патриарх, то к нему, а не к предателям с генерал-адъютантскими вензелями, обратился бы за советом Император Николай Александрович — и все пошло бы по-другому. Во всяком случае «временного правительства» мы не имели бы¹ ...

Внешняя политика Петра безупречна (кроме отклонения турецких предложений в Прутском походе). Выгода России — вот единственный критерий, руководивший первым русским Императором в его сношениях с иностранными державами. Петр выказывает себя на протяжении всей войны лояльным союзником. Он не любит связывать себя заранее обещаниями и договорами, но раз дав слово, сдерживает его свято. Союзники не раз вырuchались русскими в различные периоды войны... Однако лишь только Царь увидел, что они совершенно не платят взаимностью и стремятся в действительности лишь эксплуатировать Россию, загребать жар русскими руками — он немедленно порвал с ними все отношения и в дальнейшем вел войну совершенно отдельно.

Впоследствии эта мудрая петровская традиция была позабыта. Сколько несчастий удалось бы избежать России, если бы на протяжении двух столетий русская кровь лилась лишь за русские интересы!

Но где гений Петра сказался полностью — это в военном деле: в устройстве вооруженной силы и в предводительствовании ею. Гениальный организатор и крупный полководец, он значительно опередил во всех отношениях свою эпоху.

Основное положение Петра Великого, как организатора, выражено полностью его знаменитым изречением: «Не множеством побеждают»...

Элементу качества отводится главное место. Как этого добиться? Очевидно, путем наибольшего привлечения в армию того сословия, которое наиболее хранило воинские традиции и издревле предназначалось к отправлению ратной службы. И Петр издает указ, вводящий обязательную, личную и пожизненную службу дворян. По достижении известного возраста (16 лет) недорослей, т.н. «новиков», экзаменовали особыми комиссиями (грамота, «цыфирь» и прочая несложная премудрость). Не выдержавшие этого экзамена «писались

¹ Подчинение Церкви Государству привело при Павле I к «цезарепанизму» (Император — глава Церкви) — полному порабощению власти духовной властью светскою со всеми отрицательными явлениями, с этим сопряженными, из коих угодничество перед властями предержажими стоит отнюдь не на последнем месте. Чиновники в рясах из Святейшего Синода подготовили дорогу комиссарам в рясах из «живой церкви».

солдатами» без выслуги, а выдержавшие брались на государственную службу: две трети в военную, треть в гражданскую. От службы не освобождался никто. Таким образом, наиболее ценное в военном отношении сословие было использовано полностью.

Установив для дворянства личную воинскую повинность, Петр I придал рекрутской повинности других сословий общинный характер.

Каждая община, сельская или мещанская, обязывалась поставить по рекруту с определенного числа дворов (впоследствии — с числа душ), решив своим приговором, кому идти на службу. Рекруту должно было иметь от 20 до 35 лет, ничего другого от него не требовалось: военные приемщики должны были принимать «кого отдатчики в отдачу объявят и поставят»¹.

Итак, Петр сохранил основной принцип устройства русской вооруженной силы — принудительный характер обязательной воинской повинности, резко отличавшийся во все времена от наемно-вербовочной системы западных стран. Более того, принцип этот был еще ярче оттенен Петром: повинность эта объявлена пожизненной и постоянной (тогда как в Московской России она носила лишь временный характер).

Система комплектования носила определенно территориальный характер. В 1711 г. полки были расписаны по губерниям и содержались за счет этих губерний. Каждый полк имел свой определенный округ комплектования — провинцию, дававшую полку свое имя. В Псковском полку служили псковичи, в Бутырском — солдатские дети Бутырской слободы, в Ингерманландском — жители северных новгородских пятин... Великий Царь оценил все значение столь развитого в русском народе чувства землячества (первая ступень патриотизма). К сожалению, после Петра на сохранение территориальной системы не было обращено надлежащего внимания, полки непрерывно меняли свои квартиры и свои округа комплектования, переходя из одного конца России в другой. К половине XVIII века система эта совершенно заглохла, и в результате Россия — единственная страна, имевшая в начале XVIII века территориальную систему, к началу XX века является единственной страной, системы этой не имевшей...

Сухопутные вооруженные силы разделялись на действующую армию, местные войска — гарнизонные и ландмилицию и казаков. Ландмилиция была образована из остатков прежних войсковых сословий (пушкарей, солдат, рейтар) в 1709 г. и поселена на Украине

¹ Община собирала поставленному рекруту деньги, обычно 150–200 рублей, что по тем временам представляло крупную сумму, раз в пять больше премии западноевропейским наемникам. Служба избавляла от рабства, и при Петре являлось много охотников из беглых крепостных. При Елисавете беглых перестали принимать, являвшихся секли и отсылали обратно к помещикам, чем совершалась громадная психологическая ошибка.

для защиты южных границ. Губернии Архангелогородская и Астраханская содержали и комплектовали флот.

После булавинского бунта Петр не особенно доверял казакам, но, понимая большое значение казачества в жизни Российского Государства, селил казаков на окраинах. Неудачный поход Бухгольца в Среднюю Азию имел следствием учреждение Сибирского казачьего войска, а результатом персидского похода явилось переселение части донских казаков на Терек, чем положено начало Терскому войску (названному сначала Астраханским).

Вся тяжесть рекрутской повинности легла на десять тогдашних великороссийских губерний (на юге и по сие время «москаль» является синонимом «солдата»). Малороссийское население служило в войсках милиционных, иррегулярных — ландмилиции и казачьих. Такой порядок — великороссы в солдатах, малороссы в казаках, продержался до Екатерининских времен.

Перейдем теперь к полководчеству Петра. По определению ген. Леера, это был «великий полководец, который умел все делать, мог все делать и хотел все делать»...

У Петра ум государственный. Царь совмещает в себе политика, стратега и тактика — большого политика, большого стратега, большого тактика. Это редкое в истории сочетание встречалось после него лишь у двух великих полководцев — Фридриха II и Наполеона. Гармония между этими тремя основными элементами военного искусства у царя соблюдена в полной степени, и его стратегия всецело подчинена политике...

Роль офицеров Гвардии, этих первородных «птенцов гнезда Петрова», и значение их в стране были весьма велики. Они исполняли не только военную (а подчас и морскую службу), но получали часто ответственные поручения по другим ведомствам, напр. дипломатического характера, цар. курьеров, ревизоров и т.д. Так, в обязанности обер-офицера Гвардии входило присутствие в качестве «фискалов» на заседаниях Правительствующего Сената и наблюдение за тем, чтоб г.г. сенаторы не занимались посторонними делами. Вообще петровский офицер, гвардейский в особенности, был мастером на все руки подобно своему великому Государю, пример которого был на глазах у всех.

Петр Великий понял значение офицера в стране и всячески стремился дать ему привилегированное положение. В табели о рангах при равенстве чинов военные имели преимущество перед гражданскими и придворными. Производство обер-офицеров в штаб-офицеры и из штаб-офицеров в генералы обуславливалось баллотировкой, и этот порядок,

имевший, конечно, свои выгоды, но и большие неудобства, сохранился до самой смерти Петра. Иноземцы, поступая на русскую службу, прикомандировывались к генералам и штаб-офицерам, при которых несли ординарческие обязанности, присматриваясь к службе и овладевая языком. По окончании этого стажа они получали производство и зачислялись на службу. Оклады иноземцам в среднем были двойные, как и подобает наемникам. К концу царствования Петра I на верхах их было около трети общего количества генеральских и штаб-офицерских чинов (в 1726 г. в войске из 5 аншефов — 2 иноземца, из 19 ген. поручиков и ген. майоров — 8, из 22 бригадиров 5, из 115 полковников — 32).

За особые заслуги жаловались ордена, св. Андрея Первозванного (первый и долгое время единственный русский орден, основанный в 1698 г.), а в конце царствования и св. Александра Невского (осн. 1722 г.).

Управление войсками в мирное время сосредоточивалось в руках военной коллегии, учрежденной в 1719 г. и имевшей первоначально 3 отделения («экспедиции») — армейское, гарнизонное и артиллерийское, ведавшие соответственно полевыми войсками, гарнизонными и материальной частью.

Высшие тактические соединения, бригады (2–3 полка) и дивизии (2–4 бригады) составлялись лишь в военное время. В мирное время высшей административной единицей был полк.

К концу царствования Петра I в армии считалось — пехоты: 2 гвардейских, 2 гренадерских и 42 пех. полка (из коих 9 «низового корпуса» в Персии), всего 70000 штыков при 200 орудиях полковой артиллерии; конницы: 33 драгунских полка — 37850 ч., 100 ор. конной арт.; артиллерии: 1 гв., 4 арм. канонирных роты — 4190 ч. с 21 пол. и 160 осадн. ор.; сапер: 2 роты — инженерная и минерная. Всего в действующих войсках 112000 строевых при 480 ор. Конница составляла т. обр. третью часть полевых войск, а на каждую тысячу бойцов приходилось в среднем 3 пушки (не считая осадных). Кроме того имелось 68000 гарнизонных войск (50 пех. и 4 драг. полка), 10.000 ландмилиции (4 пех. и 16 кон. полков) и 35000 казаков. Всего 225000, а считая сюда личный состав флота — 250000 пожизненных профессионалов ¹...

Каждая пехотная и драгунская рота имела свое знамя. Знамя 1-й роты считалось полковым и было белым, цвет остальных был по выбору полковника (чаще всего — черным).

¹ При отводе войскам квартир «Устав Воинский» требовал одной кровати на трех человек, из расчета, что двое будут на ней спать, а третий занят караулами. Мы можем из этого убедиться, что отправление караульной службы в те времена поглощало третью часть наличного состава войск.

Срок службы знамен был 5 лет, и они считались амуническими вещами, хотя потеря их уже тогда считалась позорной и части могли быть лишены знамен по суду. (Штандарты в первый раз введены при образовании кирасир в 1733 г.)...

Обмундирование состояло из длинного однобортного кафтана зеленого цвета (со времени Петра и до начала XX века, на протяжении двухсот лет, зеленый цвет являлся традиционным цветом обмундирования русских войск), камзола, коротких штанов до колен, зеленых же чулок и низких башмаков (на походе и караулах — сапоги, у драгун ботфорты). Зимой надевалась епанча — род плаща.

Довольствие было отличное. Ежедневный «порцион» состоял из фунта мяса, двух фунтов хлеба, двух чарок вина и гарнца (кварты) пива. Ежемесячно выдавалось полтора гарнца крупы и два фунта соли. Царь сам испытывал на себе в продолжение месяца этот паек, раньше чем утвердить его. Солдату полагалось жалованья 24 рубля в год, из которого, впрочем, половина вычиталась за обмундирование.

Казарм не было и войска располагались постоем у обывателей.

Дисциплина петровской армии была суровой: под арест сажали в окопах, телесные наказания были часты, но особенной жестокостью не отличались. Разжалование (в тяжелых случаях с «шельмованием» и без выслуги) практиковалось широко. Офицеры, иногда и старшие генералы, как Репнин, «писались в солдаты», нижние же чины «писались в извозчики» (т.е. обозные). «Посрамлению» могли подвергаться и воинские части ¹.

«Краткий артикул» 1706 г. вводил наказание шпицрутенами, до тех пор применявшееся (как иноземное наказание) лишь к иноземцам, служившим у нас. Шпицрутены назначались исключительно по суду, и виновного прогоняли сквозь строй (наибольшее количество шпицрутенов — прогонка сквозь строй полка, назначалось за рецидив грабежа). Наказания батогами (розгами) назначались в дисциплинарном порядке.

Со всем этим телесные наказания в русской армии XVIII века были не так часты и не так жестоки, как в иностранных армиях.

¹ Вот что писал Петр в одном из своих воинских артикулов: «Полки или роты, которые с поля сражения побегут, судить в генеральном военном суде, и если найдется, что начальники тому причиной, то их шельмовать и преломив над ними палача шпагу, повесить. Если виновные офицеры и рядовые, то первых казнить как сказано, а из последних по жребию десятого, или как повелено будет, также повесить — прочих же наказывать шпицрутенами и сверх того без знамен стоять им вне обоза, пока храбрыми деяниями загладят преступление. Кто же докажет свою невиновность, того пощадить». Петр I вводил т. обр. в войска принцип римской «децимации» (казни десятого). Если вспомним, что «Устав Воинский» ставит в образец малую армию «Юлиуса Цезаря», то сможем утверждать, что устраивая полки Третьего Рима, Царь брал пример с легионов Первого. К чести русской армии надо прибавить, что к подобного рода наказаниям прибегать не пришлось. Тем не менее эта грозная сентенция сослужила свою службу, наставив на путь истинный не одно робкое сердце.

Немногие сохранившиеся «сказки» петровских полков — строевые рапорты, донесения всякого рода, отчетность и переписка, позволяют нам судить о быте войск. Рассматривая эти «сказки», мы, прежде всего, поражаемся размерами дезертирства. Например, в Бутырском полку, считавшемся одним из самых лучших в армии, с 1712 г. по 1721 г. бежал 361, т.е. за десять лет свыше четверти штатного состава. Объясняется это явление новизной для русского народа суровой и тяжелой рекрутской повинности, бывшей к тому же пожизненной. Призванный под знамена «даточный» первое время не мог свыкнуться с мыслью, что он никогда больше не увидит родной семьи, родного села, родных полей. Отсюда и большинство побегов. Характерно, что из всего указанного в Бутырском полку числа побегов — 361 за десять лет, лишь один состоялся перед неприятелем (за что виновный и «казнен смертью» — расстрелян). Это обстоятельство служит своеобразным показателем высокого качества войск.

Мало-помалу подневольный профессионал свыкался со своей участью — долей «отрезанного ломтя». С каждым годом оставленные близкие становились все более далекими, постылый вначале полк все более близким... Всю свою привязанность солдат переносил на него, свою вторую и последнюю семью, и на товарищей, «солдатство». Так понемногу, постепенно, из поколения в поколение, создался бессмертный тип русского солдата, петровского и елисаветинского фузилера, екатерининского чудо-богатыря, николаевского служаки...

Принимая во внимание тяжелые потери в боях и походах первой половины Северной войны, мы можем утверждать, что в продолжение всей этой двадцатилетней борьбы русская армия переменила полностью свой состав три раза. Потери наши определяют до 300000 «приблизительно», кто может сосчитать в точности, сколько их легло в финские болота, в польскую глину, в немецкий песок? Сколько было «за благочестие кровию венчано» на полях Лифляндии, Ингрии, Польши, Германии, Малороссии... И сколько погибло там же от разных «язв» и «горячек», от всякого рода сверхчеловеческих трудов и нечеловеческих лишений?

Вспомним, какая великая доля выпала хотя бы солдатам полков Островского и Толбухина, первых поселенцев Котлина и Петропавловской фортеции! В далеких финских дебрях, с ружьем в одной руке и топором в другой, расчищали они бурелом на месте будущей Невской перспективы, под волчий вой и выстрелы шведских партизан. И кости этих первых пионеров, сложивших свои головы в том далеком, неприглядном краю, явились сваями Санкт-Петербурга, фундаментом российской великодержавности... Вспомним тех же Бутырцевых, прадедов по прямой линии Гаврилы Сидорова, пронесших на своих плечах и в

еще более диких дебрях корабли из Белого моря в Онежское озеро... И вся эта петровская армия, терпящая лишения, но бодрая духом, железною рукою направляемая все к новым подвигам, в распутицу и стужу совершающая тысячеверстные переходы — от Полтавы к Риге, от Риги к Яссам, из Ясс на Копенгаген — не была ли она армией великого народа, армией великого Царя?

Русский солдат петровских времен, навсегда простившийся с семьей во имя службы России, являл собою пример стойкости и терпения, верности и самоотречения, каких не знать другим народам. И благодарная Россия сохранит его образ в своем сердце навеки...

3. Век Екатерины

Царствование Императрицы Екатерины II в военном отношении может быть разделено на две половины — «румянцовскую» и «потемкинскую». Первая обнимает собою 60-е и 70-е годы, вторая 80-е и 90-е.

«Румянцовскому периоду» предшествовала в самом начале короткая переходная эпоха. По свержении Петра III президентом военной коллегии был назначен Чернышев. Преданный Петру и казавшийся «новым людям» подозрительным, Румянцов получил приказание сдать армию Панину и два года после этого оставался не у дел.

Первые же распоряжения Екатерины отменяли постылые «голштинские» порядки. Полкам возвращены их славные имена, возвращена и старая елисаветинская форма. Голштинцы водворены к себе на родину, поход на Данию отменен, но и война с Пруссией не возобновлена.

Под руководством Чернышева был издан в 1763 г. новый полевой устав. Устав этот почти полностью подтверждал положение предыдущего «шуваловского» устава 1755 года. Те же линейные боевые порядки, то же одностороннее увлечение «производством огня», та же пруссачина во всех видах и проявлениях... Для составителей Устава 1763 года опыт только что минувшей Семилетней войны пропал даром. Они не видели, не хотели видеть, блестящей штыковой работы наших цорндорфских и кунерсдорфских полков — они видели лишь огонь прусского развернутого строя! Их творчество является одним из слишком многочисленных примеров бессмысленного нашего благоговения пред иностранцами вообще и пруссаками в частности.

В следующем 1764 году Румянцов, оцененный Императрицей по достоинству, возвратился к деятельности. Творчество доморощенных потсдамцев было сдано немедленно в архив, и для русской армии наступила новая эра.

Румянцовский период. При всеобъемлющем уме Румянцов отличался цельностью характера, с которой сочеталась редкая гуманность. Без шуваловского дилеттантизма, без миниховского рутинерства и суетливости он разрешал все разнообразные проблемы устройства российской вооруженной силы.

Глубокий мыслитель, смотревший всегда и раньше всего «в корень дела», Румянцов понимал самобытность России и все различие между русской и западноевропейской военными системами — различие, вытекающее из этой самобытности. «Мы мало сходствуем с другими европейскими народами», — подчеркивал он в своих «Мыслях по устройству воинской части». Румянцов был первым военным деятелем после Петра Великого, посмотревшим на военное дело с точки зрения государственной, без одностороннего увлечения специалиста. Он указывает на необходимость соблюдать соразмерность военных расходов с другими потребностями. Благосостояние армии зависит от благосостояния народа, поэтому надо стараться, чтобы «несоразмерным и бесповоротным вниманием (податей и рекрутов) не оскудеть оный».

В эпоху господства во всей Европе бездушных прусских рационалистических теорий, формализма и автоматической — «фухтельной» дрессировки Румянцов первый выдвигает в основу воспитания войск моральные начала — нравственный элемент, причем воспитание, моральную подготовку он отделяет от обучения, подготовки «физической»¹.

Поучения и наставления свои Румянцов собрал в 1770 г. в «Обряде службы», ставшем с тех пор строевым и боевым уставом славной екатерининской армии.

Требую от подчиненных точного знания устава, Румянцов прежде всего добивался с их стороны дела и работы. «В армии полки хороши будут от полковников, а не от уставов, как бы быть им должно». В этом отношении особенно примечательны его «Инструкция полковничья полку пехотному» (1764) и таковая же полку конному (1766).

Лишь в великой румянцовской школе могли создаться такие военные гуманисты, как Вейсман, Потемкин, Петр Панин, Репнин, сам Суворов... Гению Румянцова обязана русская армия появлением Суворова, творчество которого смогло благоприятно развиваться лишь в

¹ Историки «левого» толка, в том числе и Ключевский, стремятся изобразить Румянцова «крепостником», намеренно искажая правду. Победитель при Кагуле точно не жаловал утопий Руссо, входивших тогда в моду у современных снобов, и сознавал всю их антигосударственность, что делает честь его уму. Румянцов признавал, правда, лишь в крайних случаях, воспитательное значение телесных наказаний, но не был таким энтузиастом порки, как Фридрих II в Пруссии, граф Сен-Жерменский во Франции и пресловутые энциклопедисты — эти патентованные «передовые умы» XVIII века. Гуманность Румянцова в защите не нуждается, она была отмечена современниками («благословен до поздних веков да будет друг сей человеков», — писал про него Державин) и сделалась своего рода семейной традицией. Старший его сын, канцлер, противился бесполезной для страны войне 1812–14 гг., младшему Россия обязана указом о вольных хлебопашцах.

обстановке, созданной Румянцовым. Не будь Румянцова, в силе оставалась бы пруссачина — и командир Суздальцев не преминул бы получить от военной коллегии «реприманд» за несоблюдение устава и требование наистрожайше впредь руководиться лишь артикулами одного... Полк лишился бы «Суздальского учреждения», а Армия — «Науки Побеждать»...

В полевом управлении войск Румянцовым проводится разумная децентрализация, частная инициатива, отдача не буквальным приказаний, а директив, позволяющих осуществление этой инициативы. Он отнюдь «не входит в подробности, ниже предположения на возможные только случаи, против которых разумный предводитель войск сам знает предосторожности и не связывает рук»...

Полководческие дарования Румянцова сказались уже в Семилетнюю войну, где он первый ввел в русскую тактику активные начала, взамен господствовавших до тех пор активно оборонительных. В первую турецкую войну Екатерины, особенно в кампанию 1770 года, гений его выявился в полном размере. Полководец оказался на высоте организатора.

Румянцов явился основоположником русской военной доктрины. Он проявил творчество во всех областях военного дела. «Есть многие отделы, в которых не видно следов влияния напр. великого Суворова или Потемкина, — пишет один из авторитетнейших исследователей русского военного искусства ген. Д.Ф. Масловский, — но нет ни одного отдела, где не осталось бы следов Румянцова. В этом смысле он единственный наследник дела Петра I и самый видный после него деятель в истории военного искусства в России, не имеющий себе равного и до позднейшего времени».

В 60-х годах проведено много реформ. Прежде всего Чернышевым и Паниным возвращена в конце 1762 г. из заграничного похода армия и произведена ее «демобилизация». Иррегулярные войска — казаки и калмыки, отосланы в свои области, а регулярные разведены по стране на «непременные квартиры». По последней «елисаветинской» росписи 1761 г., все ружейные силы составили 606000 чел., из коих, однако, свыше двух пятых — 261000 — иррегулярных. По-видимому, добрая треть, а то и больше, всех этих сил существовала лишь на бумаге. В Семилетнюю войну, как мы видели, некомплект в войсках часто достигал половины штатного состава.

В 1763 г. Россия разделена в военном отношении на восемь «дивизий», т.е. округов: Лифляндскую, Эстляндскую, Финляндскую, С.-Петербургскую, Смоленскую, Московскую, Севскую и Украинскую. Главная масса войск стояла т. обр. в северо-западной части страны. В 1775 г., после первого раздела Польши, прибавлена Белорусская дивизия, а из Московской выделены Казанская и Воронежская. В 1779 г., при обозначившемся уже поступательном движении на Кубани и к Кавказу, учреждена на юго-востоке еще пограничная дивизия.

«Дивизии» эти представляли собою чисто территориальные организмы, наивысшей строевой единицей мирного времени оставался по-прежнему полк.

В 1763 же году у нас появилась легкая стрелковая пехота — егеря. Впервые они были заведены Паниным в своей финляндской дивизии в количестве 300 чел. — по 5 на роту из отборных стрелков. Опыт этот увенчался успехом и уже в 1765 г. при 25 пех. полках (примерно половина общего их числа) были заведены отдельные егерские команды в составе 1 оф. и 65 егерей. В 1769 г. такие команды учреждены при всех полках. Назначение егерей было служить застрельщиками и драться не по прусскому образцу «в тридцать темпов», а по собственной русской сноровке, со «скоростью заряда и цельностью приклада». Егеря носили особую форму — темно-зеленый доломан со шнурами, темно-зеленые же брюки в обтяжку, маленькую шапочку и сапоги до колен...

К концу румянцовского периода конница состоит из двух основных типов: тяжелой — карабинер и легкой — казаков. Из 20-ти елисаветинских драгунских полков осталось всего 6 — из 17-ти кирасирах Петра III — только 5...

В бытность Румянцова генерал-губернатором Малороссии, в 1767 г., там произведена перепись населения (т. наз. «румянцовская») — и на эту область распространена рекрутская повинность, лежавшая до той поры, как мы знаем, лишь на населении великороссийских губерний. Оборона южных границ подверглась полной переработке. Румянцов обратил главное внимание на устройство населения пограничных областей; его реформы (упразднение слободских войск, ландмилиции, поселений, с их администрацией) имеют целью централизацию и облегчение управления края. Вместо прежней кордонной системы укрепленных линий Румянцов ввел систему «опорных пунктов», защищаемых подвижными силами.

В 1764 г. гарнизонные полки переформированы в гарнизонные батальоны числом 84 (40 пограничных, 25 внутренних, но «пограничного» штата, 19 внутренних). Для службы на окраинах в 1770 г. учреждено 25 полевых команд из всех родов оружия (упраздненных, однако, уже в 1775 г.).

Румянцов проектировал разделить русскую армию на четыре рода сил: полевые войска, составляющие действующую армию, крепостные — для обороны укрепленных пунктов и усиления при надобности действующей армии, губернские — для несения чисто караульной службы внутри страны и, наконец, запасные — для обучения рекрут и подготовки их для полевой армии. Этим реформам не суждено было осуществиться. Начавшиеся войны отвлекли Румянцова в сторону полководческой деятельности, а по окончании их на северном небосклоне заблестела уже звезда Потемкина...

Потемкинская эпоха. В 1774 году, по окончании Первой Турецкой войны, Потемкин был назначен вице-президентом военной коллегии. Его чудесная карьера начиналась — и скоро он стал первым после Императрицы лицом в государстве.

Натура богато одаренная, но неуравновешенная, гениальная и мелочная в одно время, могучий ум и неровный характер, в котором творческое вдохновение чередовалось с периодами полной прострации. Достоинства Потемкина были достоинствами государственного человека, его недостатки — недостатками временщика. Идеи его внешней политики были грандиозны (и в то же время выполнимы) — он сообщил этой политике подлинно великодержавный размах, открыл России новые горизонты.

Влияние его на армию было благотворным. Здесь Потемкин явился продолжателем дела Румянцева, в школе которого многому научился. Это был блестящий организатор, большой гуманист, но не военный в душе. Полководческих дарований ему не было дано.

В 70-х годах Потемкин как бы дополняет Румянцева, но его влияние все возрастает. Кагульский победитель по цельности своего характера, чистосердечию и философскому образу мыслей не был притворным. Его осыпали почестями и постепенно удалили от дел. В 1784 г. Потемкин назначен президентом военной коллегии (с производством в фельдмаршалы) и стал полновластным хозяином в армии.

Все его мероприятия направлены прежде всего к облегчению условий службы солдата. Вместо неопределенного, пожизненного срока службы — «доколе силы и здоровье позволят» введен определенный — 25 лет. В кавалерии положено служить 15 лет, после чего переводится в пехоту либо в гарнизоны.

Строевая часть, уже упрощенная Румянцовым, упрощена еще более. Солдат учат лишь тому, что им может пригодиться в походе и в бою. При стойке обращается внимание на простоту и естественность. Движения должны быть свободны — «без окостенения, как прежде было в обычае». Телесные наказания, и так очень редко применявшиеся Румянцовым, были при Потемкине совершенно выведены из обихода армии. Этим отсутствием заплечных дел мастерства, отсутствием тем более знаменательным, что телесные наказания официально отменены не были, русская армия будет всегда гордиться. И в этом отношении — как решительно и во всех остальных — армия Екатерины II стоит неизмеримо выше армий Фридриха II, Иосифа II и Людовика XVI.

В 1786 г. введена новая форма: зеленый камзол с погоном (жгутом) или эполетом на одном плече, просторные красные штаны, внизу обшитые кожей, и каска черной кожи с оранжевым гребнем и белой кокардой («романовские» и георгиевские цвета) и наушниками.

Отменены парики и косы, солдатам стали стричь волосы, отчего они выигрывали в опрятности. Вычеты из жалованья за обмундировку отменены были еще Румянцовым.

Упразднены рогатки, требовавшие громадных обозов и утяжелявшие армию на поход. В пехоте упразднены ручные «гренады».

Егерские команды пехотных полков еще в 1777 г. сведены в отдельные егерские батальоны числом 6. В 1784–85 гг. батальоны эти развернуты в егерские корпуса 4-х батальонного состава. Число этих егерских корпусов к концу царствования Императрицы Екатерины доведено до 10-ти ¹...

Деятельность Потемкина сказалась особенно в устройстве казачьих войск. Императрица Екатерина еще в начале своего царствования обратила особое внимание на казачество. В 1770 году Волгское войско переведено на Кавказ, где вошло отдельным Волгским полком в состав Терского. В этом же году на Кавказе основаны войска Кубанское, Моздокское, а в верховьях Дона — Хоперское (впоследствии переведенное подобно Волгскому на Кавказ, но в составе Кубанского войска).

После Пугачевского бунта Императрица стала недоверчиво относиться к казакам. В 1776 г. решено ликвидировать Запорожскую Сечь, давно ставшую гнездом всякого рода беспорядков и грозившую стать очагом «пугачевщины» при введении в Малороссии новых порядков. Ликвидация Сечи поручена ген. Текели с 25-тысячным войском. Экспедиция эта обошлась без кровопролития, однако в скором времени почти все запорожцы выселились на Дунай, в Турцию ².

Впоследствии — во время Второй Турецкой войны — по ходатайству за них Потемкина, запорожцы вновь приняты в русское подданство под именем Черноморского войска, и им отведены земли по Кубани. Войско это было затем слито с Кубанским (один из Кубанских полков и поныне носит название Запорожского).

К концу царствования Екатерины в Русской Армии считалось 3 гвардейских, 12 гренадерских, 56 пехотных полков, 10 корпусов и 3 батальона егерей, 20 отдельных, полевых пех. батальонов и гренадерских корпусов. Кавалерия состояла из 1 гвардейского (конного), 6 кирасирских, 16 карабинерных, 1 конно-гренадерского, 11 драгунских, 11 легкоконных, 4 конно-егерских полков. В общей сложности 103 пех. и 50 рег. конных полков. Общая

¹ Кавказский, Таврический, Бугский, Белорусский, Финляндский, Лифляндский, Кубанский, Днепровский, Кабардинский, Горский.

² Сечь была застигнута врасплох (по донесению Текели, запорожские часовые «заняты были упражнением сна»). Под предлогом рыбной ловли запорожцы стали затем целыми ватагами уходить по Днепру в море и больше не возвращались. Когда Текели хватился, из 13000 казаков не осталось и тысячи. В Добрудже запорожцы уже застали «некрасовцев» — потомков бунтарей Булавина — староверов, враждебно относившихся к России и служивших в турецких войсках.

численность всех действовавших войск составила 287000 чел., необходимо, однако, учесть некомплектность, никогда не бывшей меньше пятой части. Гарнизонные войска составляли 107 батальонов (91 на пограничном, 16 на внутреннем положении). Казачьи войска могли дать до 50 полков.

Гвардия имела в екатерининские времена совершенно иной характер, нежели в петровскую эпоху. Петровские гвардейские полки имеют тройкое назначение: политическое (опора царской власти при проведении реформ), воспитательное (подготовка офицеров для армии, показания примера армейским полкам в боях и экзерцициях) и, наконец, собственно боевое, как тактические единицы. Уже при ближайших преемниках Петра это последнее назначение отходит на второй план — в походах Миниха участвует лишь половина Гвардии, по батальону на полк. Обстоятельства воцарения Елисаветы отнюдь не способствовали упрочению дисциплины в Гвардии. Своеволие лейб-кампанцев передалось и в прочие части, взбунтовавшиеся было в Финляндии в шведскую кампанию 1712 г. После этого Гвардия не участвовала в Семилетней войне, а из войн Екатерины II приняла участие лишь в шведской, тоже в половинном составе. Ее назначением осталось охранение Престола и подготовка офицеров для армии.

Эти последние — недоросли из дворян — писались в Гвардию в раннем детстве, зачастую от рождения. Указ о вольностях дворянских избавлял их от личной явки на службу по достижении юношеских лет, и добрая половина дворян, записанных в Гвардию, при Екатерине лишь «числилась» в строю, а на самом деле благополучно проживала в своих поместьях. Производство их в унтер-офицерское звание и первый офицерский чин шло заочно, «за выслугу лет», — и очень многие «уходили в отставку», так и не увидев ни разу своего полка! Те же, кто являлся в полки, несли легкую и приятную службу. Живя в столице, они все свое время посвящали светским развлечениям и в свои части заглядывали лишь изредка, для проформы. Когда им приходила очередь заступать караулы, слуги несли их ружья и амуницию. Службу за них отправляли гвардейские солдаты, взятые по набору (сдаточные) и служившие безо всяких побряжек.

Производство офицеров велось не по полкам, а по армии. При открывавшейся в полку вакансии туда переводили не очередного однополчанина, а офицера, имевшего из всех офицеров данного рода оружия вообще большее старшинство, пусть даже и другого полка. Благодаря этому полки екатерининской армии обращались в своего рода «проходные дворы». Офицеры в них не засиживались, состав их все время обновлялся, а это препятствовало установлению полковых традиций, полкового духа. В Бутырском полку,

напр., в 1779 г. из 45 офицеров лишь четверо участвовали в его рядах в Кагульской битве 9 лет назад.

Великое воспитательное значение полковых традиций не было осознано (носителями их являлись по преимуществу старые унтер-офицеры). Старыми полками поэтому не дорожили. Седой ветеран Царя Михаила Федоровича — Бутырский полк, во главе которого Царь Петр получил свои «три пули» в Полтавской битве, обращен в 1785 г. с легким сердцем в Кубанский егерский корпус, очевидно, как бывший из всех наиболее «под рукой». Его же брат близнец — Первомосковский, бывший Лефортов, совершенно расформирован в 1790 г.

В 1769 году, при начале турецкой войны, основан орден св. Великомученика и Победоносца Георгия, жаловавшийся за военные отличия и имевший четыре «класса» — степени. Первым георгиевским кавалером была сама великая Основательница, возложившая на себя знаки 1-го класса. Затем кавалерами Первой степени в царствование Екатерины были пожалованы: в первую Турецкую войну — Румянцов за Ларгу, Орлов за Чесму, Панин за Бендеры, Долгорукий за Крым; во вторую Турецкую — Потемкин за Очаков, Суворов за Рымник, Репнин за Качин; в Шведскую — Чичагов за Ревель ¹.

В 1782 г. учрежден орден св. Владимира, жаловавшийся как за гражданские, так и за военные заслуги (в последнем случае с мечами и бантом)...

В сентябре 1795 г. персияне под предводительством Ага Мегмет-хана напали на Грузию и разгромили Тифлис. Императрица Екатерина немедленно двинула в Грузию 8-тысячный отряд Гудовича, остановивший нашествие. Вслед за этим отрядом были двинуты более крупные силы, составлявшие 35-тысячную армию гр. Валериана Зубова. Зубов двинулся от Кизляра на Дербент, Кубу, Баку и в продолжение 1796 г. овладел всем восточным Кавказом и дошел до Ганжи (ныне Елисаветполь), но получил здесь повеление восшедшего на престол Императора Павла прекратить военные действия и вывести русские войска из Грузии. Неприязнь Императора к Зубовым сказалась в том, что он, игнорируя главнокомандующего, послал это повеление непосредственно командирам полков.

Вскоре царь Грузии Георгий XIII, не будучи в силах совладеть с раздиравшими страну усобицами, выразил желание отдаться во власть России. Император Павел Петрович повелел

¹ 4-я степень св. Георгия могла жаловаться и за выслугу лет (25 лет в офицерских чинах в армии, 18 морских кампаний во флоте). Это отменено в 1855 г. в Восточную войну. Из Русских Императоров после Екатерины 1-ю степень имел Александр II (со дня столетия ордена 1869 г.). Имп. Александр III имел 2-ю степень (за 1877 г.). Остальные государи имели 4-ю степень, за исключением Имп. Павла, не имевшего вовсе. Первой степенью были награждены Кутузов (за изгнание Наполеона), Барклай де Толли (за Лейпциг), Беннигсен (в 1818 г. за труды его предыдущих кампаний), Дибич (за Забалканский поход), Паскевич (за Варшаву), Вел. Кн. Николай Николаевич Старший (за выигрыш войны 1877-78) и Вел. кн. Михаил Николаевич (за Аладжу).

тогда ген. Лазареву с 17-м егерским полком (бывший Бутырский) двинуться в Грузию и принять ее в русское подданство. Это и было выполнено в ноябре 1799 года, после трудного зимнего похода через Кавказский хребет ущельем Терека. Вслед за егерями Лазарева в Грузию двинут Кабардинский мушкетерский полк ген. Гулякова. Эти два полка и дали начало славной Кавказской Армии.

1 ноября 1800 года в сражении на р. Иора егеря Лазарева и мушкетеры Гулякова разгромили скопища аварцев и лезгин и победой этой окончательно упрочили Грузию за Россией, положив тем самым основание русскому владычеству на Кавказе ¹.

Русская национальная военная доктрина. «С удивительной скоростью и послушанием построенный опять карей генерал поручика Племянникова, воскликнув единым гласом «виват Екатерина!» шел вперед...»

Эти строки взяты из донесения Румянцова Императрице Екатерине о кагульской победе, донесения великого полководца великой Императрице. В этих немногих словах, как в изумительном по своей силе и мощности ракурсе, встает перед нами вся Россия великого Восемнадцатого века, Россия, умевшая побеждать и умевшая пить полными глотками из чаши своей славы. Чем-то героическим, несказуемо прекрасным веет и от этого «виват Екатерина!» — торжествующего вызова в лицо смерти горсти русских офицеров и солдат в далекой молдавской степи, и от их неудержимого стремления вперед, бывшего в те достопамятные годы общим чувством, общим стремлением молодой торжествующей Империи.

На западе возвращены старые исконные русские земли — колыбель России — Киевщина и Волынь. Исправлена несправедливость четырех столетий. На востоке сокрушение хищной державы османов положило конец пятивековому угнетению русского племени восточным его врагом, мрачной эпохе торговли христианами... Все это сообщает войнам Екатерины Великой отпечаток высшей гуманности, а славе этих войн — особенный блеск...

Орлов-Чесменский и Румянцов-Задунайский, Потемкин-Таврический и Суворов-Рымникский... До несправедливости суровая мачеха-история подарила Россию одной улыбкой, и этой улыбкой был век Екатерины...

¹ 1200 русских егерей и мушкетеров (по батальону) с 4 ор. батальным огнем отразили 15000 горцев Омар-Хана, положив до 2000 их на месте и взяв 11 знамен. Вспомогательные грузинские войска (до 3 тыс.) довершили поражение неприятеля. Наши потери: убит мушкетер, ранены 1 оф. и 2 мушкетера.

Никогда еще русское военное искусство не стояло так высоко, как в конце восемнадцатого века. План его величественного здания был начертан Петром, фундамент заложен Румянцовым, самое здание вознесено до небес великим Суворовым.

Основной чертой русского военного искусства является его самобытность. Самобытность, вытекающая из нашего «малого сходства с другими европейскими народами».

Русская армия тех времен мало походила на другие европейские армии. Она глубоко от них разнилась и внешним видом — простой, удобной «потемкинской» формой, и устройством — будучи единственно национальной армией в Европе, и обучением — моральным воспитанием, а не европейской бездушной дрессировкой, и самой стратегией и тактикой.

В отличие от европейской стратегии, преследовавшей чисто географические цели, овладение разными «линиями» и «пунктами», русская стратегия ставит своей целью разгром живой силы противника (никто не берет города, не разделавшись прежде с силами, его защищающими). Румянцов в Молдавии и Суворов в Италии дали нам непревзойденные образцы этой стратегии.

Линейный боевой порядок, царивший тогда в Европе, совершенно не привился в России. Да и как он мог привиться, когда из четырех встреч российских войск с носительницей линейного принципа, прусской армией, одна, при Цорндорфе, окончилась вничью, а в трех других эта «образцовая армия» была сокрушена? Прусско-немецкая доктрина была доктриной побежденных. Победители под Пальцигом и Кунерсдорфом, Кагулом и Рымником применяли совершенно иную тактику, на полстолетия обогнав косневшую в рутине Европу.

«Перпендикулярная тактика» была выработана и широко применялась нашей армией задолго до революционных наполеоновских войн. Вспомним боевой порядок Суворова под Туртукаем, его батальонные и даже ротные каре, рассыпной строй далеко за флангами, блестящее применение конницы.

Линейное построение исключало всякое маневрирование в бою. Перестроения без риска полного разгрома были невозможны, пехотный бой можно было подготовить, но им нельзя было управлять.

Русская тактика, наоборот, основана на том, что каждый понимает свой маневр. Управление войсками в бою допускает самое широкое проявление частной инициативы. Иностранные армии, как правило, атакуют одним сплошным, непрерывным фронтом. В Рус. Армии ее части — дивизии — получают самостоятельные задачи. Кампания 1770 г.

особенно поучительна в этом отношении. При Рябой Могиле сложный ночной маневр, глубокий охват укрепленной позиции противника, является результатом самостоятельных, однако согласованных главнокомандующим действий частных начальников. При этом одной части, бригаде Потемкина, дается, напр., такая сложная для той эпохи задача, как глубокий (радиусом 7 верст) заход правым берегом Прута, отдельно от прочих частей армии, развертывающихся на левом берегу. На Ларге и при Кагуле части армии тоже маневрируют самостоятельно, тогда как еще в Семилетнюю войну она наступала одной общей массой.

Эшелонирование войск в глубину, наличие боевых резервов и умение своевременно пользоваться ими давало Русской Армии всегда преимущество в борьбе с линейными построениями пруссаков.

Русская тактика, как и вся русская доктрина, гибка и эластична: ей чужды шаблоны и трафареты, она всегда своевременно применяется к обстановке, всегда на высоте обстоятельств, всегда грозна для врагов.

«Баталия в поле, — учил Суворов, — линией против регулярных, кареями против бусурманов»... А когда его чудо-богатырям пришлось встретиться в Италии с «безбожными французишками, воевавшими немцев и иных колоннами», то они немедленно пошли на них колоннами же и погнали перед собой доселе непобедимые войска Республики! С того времени наша тактика стала разделяться на тактику против французов — колоннами и тактику против турок — кареями. Однако и тут никакого шаблона, сухой схематичности не наблюдалось («может случиться против турок, что пятисотенному карею надлежит будет прорвать пяти или семитысячную толпу — на тот случай бросается он в колонну»). Суворов видел залог успеха не столько в форме построения, сколько в энергии атаки. (Вообще же он предпочитал трехшереножный развернутый строй устава 1763 года двухшереножному «румянцовскому».) Суворов больше всех других начальников придерживался элементарных форм устава, зато в применении их отступал от уставных норм тоже больше всех.

Суворовская наука побеждать, катехизис, подобного которому не имеет и не будет никогда иметь ни одна армия в мире, в своей философской основе изумительно полно отражает дух русской православной культуры. Оттого-то она и сделалась наукой побеждать, оттого-то она и завладела сердцами чудо-богатырей Измаила и Праги.

Исследователи этого величайшего памятника русского духа, русского гения, все впадают в одну и ту же ошибку. Романтики и позитивисты, «штыкопоклонники» и «огнепоклонники» — читали своими телесными глазами то, что писалось для духовных

очей. Неизреченная красота Науки побеждать, ее глубокий внутренний смысл остались для этих «телесных» глаз скрытыми.

Наиболее блестящий из комментаторов Суворова, но в то же время менее всех его понявший, ген. М.И. Драгомиров пытался, например, резюмировать всю суворовскую доктрину крылатой фразой, пример «пуля дура, штык молодец».

Фраза эта взята, выхвачена из другой и ей придан тенденциозный смысл. Суворов сказал иначе: «Стреляй редко да метко, штыком коли крепко, пуля обмишкулится, штык не обмишкулится, пуля дура, штык — молодец».

Суворовское изречение приобретает здесь другой смысл, свой настоящий смысл.

Если уж характеризовать суворовское обучение пехоты одной фразой, то, конечно, это не будет «пуля дура», а несколько иное положение:

«Гренадеры и мушкетеры рвут на штыках, — говорил Суворов, — а стреляют егеря». Это разделение боевой работы и проводится им неукоснительно. Но при этом он требует «скорости заряда и цельности приклада» и от grenадер с мушкетерами, а «крепкого укола» и от егерей. Каждому свое, а Наука побеждать — всем.

Суворов всегда отдавал должное огню. Под Столовичами он не атакует сразу Огинского, а сперва подготавливает как следует атаку огнем, расстраивает необстрелянные еще войска коронного гетмана. При Козлудже он атакует турецкий лагерь лишь после трехчасовой артиллерийской подготовки, при Фокшанах — после часовой. Янычары при Гирсове и спаги на Рымнике сокрушаются батальным огнем. В то время как во всей армии на стрельбу отпускалось по три патрона в год на человека, в одном полку отпускалось не три, а тридцать. Нужно ли говорить, что это был Суздальский полк полковника Суворова?

Но Суворов ценил лишь хороший огонь, стрельбу, а не пальбу. Премьер-майором в Казанском полку он был при Кунерсдорфе. Он помнил, как быстро, бешено, отчаянно и... безрезультатно пала оробевшая прусская пехота в тот навеки славный момент, когда на нее по трупам зейдлицких кирасир пошли в штыки карей Салтыкова.

Перенесемся мысленно в обстановку, в которой протекала деятельность Суворова. Со времен Миниха, а особенно Шувалова, активно оборонительные «петровские» начала все более уступают место началам чисто пассивным. Безобразные уставы 1755 и 1763 гг., пытающиеся навязать нам прусские линейные боевые порядки, прусскую огневую тактику и строящие бой на огне артиллерии, не оставляют на этот счет ни малейшего сомнения.

Суворов борется с этим злом. Он сознает всю рутину, преодолевает инерцию окружающей среды. Для преодоления этой инерции нужны сильные средства, яркие образы, лапидарные формулы. «Пуля дура, штык молодец» и является одним из таких

подчеркиваний, подчеркнутым концом фразы (но не самостоятельным предложением, как хотел представить эти четыре слова ген. М.И. Драгомиров).

Противники «драгомировской романтики», позитивисты, грешат против Суворова иным образом. «Во времена Суворова, — рассуждают они, — пуля била всего на сто шагов и могла считаться дурой. Теперь она бьет на три тысячи шагов. Меткость увеличена во столько-то раз, огневые средства части — во столько-то десятков раз. Следовательно, в Науке побеждать должно делать поправку на современные обстоятельства. Да и сам Суворов, живи он в наши времена, конечно, того бы не утверждал».

Подобный подход к делу — чисто материалистический. Бессмертие Науки побеждать именно и заключается в том, что положения ее верны во всякие эпохи и останутся верны до той поры, пока не перестанет биться хотя одно солдатское сердце.

Командуй Суворов полком в наше время, он, конечно, выразился бы так: «Гренадеры и мушкетеры рвут на штыках, а стреляют пулеметчики». И это опять не мешало бы ему отпускать на каждого grenадера и мушкетера, как и в те времена, патронов в несколько раз более принятой нормы. И так же добиваться от стрелков и ружейных пулеметчиков убойности стрельбы («редко да метко»). И так же внушать им, что «пуля обмишуются, штык не обмишуются»... Ибо горе той пехоте, которая хотя на миг допустит мысль, что ее штык когда-нибудь сможет «обмишуются». Такая пехота разбита еще до начала боя, ее не спасет никакая пальба и ее ждет участь прусской пехоты «франфорской баталии».

Ни в каких «поправках на современные условия» бессмертная Наука побеждать не нуждается. Бессмертие гения, все равно, будь это гений военный, литературный либо художественный, именно в том и заключается, что творчество его всегда «современно». Его лишь осознать, постигнуть дух гения. «Наука побеждать» писалась просто для военных, а для чудо-богатырей все равно — будут эти чудо-богатыри иметь кремневые ружья или усовершенствованные пулеметы. «Могий вместити, да вместит»...

Русская военная доктрина, такая простая и вместе с тем такая цельная, на много десятков лет опередила учения всех остальных европейских армий, так и оставшись непревзойденной. И родиться она могла лишь в тот век — век могучих национальных устремлений, когда каждый Россиянин, какое бы скромное положение он ни занимал, гордился своим именем Россиянина, чувствовал, что служит великой государыне, великой стране, великому общему делу.

Сущность русской национальной военной доктрины — это преобладание духа над материей. Ее основы были и будут: в области устройства вооруженной силы —

самобытность («мы мало сходствуем с другими европейскими народами»), преобладание качественного элемента над количественным («не множеством побеждают»). В области воспитательной — религиозность и национальная гордость («мы русские — с нами Бог!»), сознательное отношение к делу («каждый воин должен понимать свой маневр»), проявление частной инициативы на низах («местный лучше судит... я — вправо, должно — влево — меня не слушать»), способствование этой инициативе на верхах («не входить в подробности ниже предположения на возможные только случаи, против которых разумный предводитель войск сам знает предосторожности — и не связывать рук»). В области стратегической — «смотрение на дело в целом». В области тактической — «глазомер, быстрота, натиск» и использование успеха до конца («недорубленный лес вырастает»).

А венец всему — победа, победа «малою кровию одержанная». И эти великие заветы, эти гениальные предначертания дали великие результаты, достигнутые «дружным усилием всех», как любила говорить великая Императрица...

4. Русская армия при Александре I и Николае I

Царствование Императора Павла не принесло счастья Русской Армии. Вахтпарадным эспонтоном наша армия была соvrращена с пути своего нормального самобытного развития: пути, по которому вели ее Петр I, Румянцов и Суворов, и направлена на путь слепого подражания западноевропейским образцам...

Духовные начала уступили место рационалистическим. Национальные традиции и национальная доктрина — преклонению перед иностранщиной...

Петровский дуб был срублен. Вместо него на русскую почву пересажена потсдамская осина, и эту осину велено считать лучше дуба... Но не все дубовые ростки были вырваны, их сохранилось несколько в тени кавказских утесов. Не скоро про них вспомнили и не сразу решились вновь посадить их на место постылой немецкой осины. И целое столетие, а то и больше, русская военная мысль находилась под гнетом «идейного фухтеля» — заграничных, главным образом, прусско-немецких доктрин.

Русская военная доктрина — цельная и гениальная в своей простоте — была оставлена. Мы покинули добровольно наше место — первое место в ряду европейских военных учений, чтобы стать на последнее малочетное место прусских подголосков, каких-то под-пруссиков...

С павловских вахтпарадов Русская Армия пошла тернистым путем, через вейротеровскую диспозицию, пфулевскую стратегию и реадовскую неразбериху — к севастопольской Голгофе...

Российской, русской политики в царствование Императора Александра I, можно сказать, не существует. Есть политика европейская (сто лет спустя сказали бы «пан-европейская»), есть политика вселенной — политика Священного Союза. И есть «русская политика» иностранных кабинетов, использующих для своих корыстных целей Россию и ее Царя искусной работой доверенных лиц, имеющих на Государя неограниченное влияние (таковы, например, Поццо ди Борго и Мишо де Боретур — два удивительных генерал-адъютанта, заправлявших русской политикой, но за долговременное свое генерал-адъютантство не выучившихся ни одному русскому слову).

Здесь можно проследить четыре фазы:

Первая — эпоха преимущественно английского влияния. Это — «дней Александровых прекрасное начало». Молодой Государь не прочь помечтать в кругу интимных друзей о «проектах конституции российской». Англия — идеал и покровительница всякого либерализма, в том числе русского. Во главе английского правительства Питт-младший — великий сын великого отца, смертельный враг Франции вообще и Бонапарта в частности. Им пускается прекрасная идея освобождения Европы от тирании Наполеона (финансовую сторону Англия берет на себя). Результат — война с Францией — вторая французская война... Английской крови пролито, правда, немного, зато русская льется рекой при Аустерлице и Пултуске, Эйлау и Фридланде.

За Фридландом следует Тильзит, открывающий вторую эпоху — эпоху французского влияния. Гений Наполеона производит глубокое впечатление на Александра... Тильзитский банкет, георгиевские кресты на груди французских гренадер... Эрфуртское свидание — Император Запада, Император Востока... У России развязаны руки на Дунае, где она ведет войну с Турцией, Наполеон же получает свободу действий в Испании, Россия безоглядно присоединяется к континентальной системе, не обдумав всех последствий этого шага.

Наполеон отбыл в Испанию. В гениальной прусской голове Штейна созрел тем временем план освобождения Германии от ига Наполеона, план, основанный на русской крови... От Берлина до Петербурга ближе, чем от Мадрида до Петербурга. Прусское влияние начинает вытеснять французское. Штейн и Пфуль повели дело искусно, ловко представив русскому Императору все величие подвига «спасения царей и их народов». Одновременно их сообщники натравливали на Россию Наполеона, всячески инсинуируя несоблюдение Россией континентального договора, затрагивая больное место Наполеона, его ненависть к

главному своему врагу — Англии. Отношение между эрфуртскими союзниками окончательно испортились, и пустячного повода (искусно раздутого стараниями немецких доброжелателей) оказалось достаточно для вовлечения Наполеона и Александра в жестокую трехлетнюю войну, обескровившую и разорившую их страны — но оказавшуюся до чрезвычайности прибыльной (как на то рассчитывали зачинщики) для Германии вообще и для Пруссии в частности.

Используя до конца слабые стороны Александра I — страсть к позе и мистицизм, — иностранные кабинеты тонкой лестью заставили его уверовать в свой мессианизм и через своих доверенных людей внушили ему идею Священного Союза, превратившегося затем в их искусных руках в Священный Союз Европы против России. Современная тем печальным событиям гравюра изображает «клятву трех монархов на гробе Фридриха Великого в вечной дружбе». Клятву, за которую ужасной ценой заплатили четыре русских поколения. На Венском конгрессе от России отбирается Галиция, незадолго до того ею полученная, а в обмен дается герцогство Варшавское, чем предусмотрительно, к вящей славе германизма, в состав России вводится враждебный ей польский элемент. В этот четвертый период русская политика направляется по указке Меттерниха.

Русская армия в первую половину царствования Александра I. Вступив на престол в памятное утро 11-го марта 1801 года, молодой Император в первом своем манифесте изъявил волю идти по стопам своей великой бабки.

На армии это, однако, не отразилось. Армия Александра I явилась прямым продолжением армии Императора Павла. Доктрина, уклад жизни, система обучения, «шагистика» и увлечение мелочами службы остались те же. Внешний вид войск изменился. Екатерининская форма, простая и удобная, правда, не была возвращена, но упразднена павловская косметика — букли и пудра. Косы на первых порах сохранились, но размер их был укорочен. Были введены темно-зеленые, очень короткие и очень узкие мундиры с большими стоячими воротниками, оставлены штiblеты и белые панталоны и введены погоны различного (по полкам) цвета. В 1803 г. треуголки заменены высокими кожаными киверами, а в 1806 г. совершенно упразднены косы. Русская Армия окончательно приняла тот вид, который всем нам так хорошо известен по батальным картинам последовавшей затем славной для нее эпохи...

Графа Аракчеева, по справедливости, можно назвать создателем современной русской артиллерии. Она — плод его трудов, двадцатилетней упорной планомерной продуманной работы как теоретической, так и практической. С этих времен у нас завелся тот артиллерийский дух, установились те артиллерийские традиции, носители которых на всех

полях Европы отстояли за русской артиллерией место, указанное ей суровым гатчинцем, — первое в мире. Из многотрудной аракатеевской школы вылетели орлы наполеоновских войн — Ермолов, Яшвиль, Никитин, Костенецкий, Железнов — все те, кто «вели в атаку передки и гнали банником полки» на полях Шенграбена, Пултуска, Эйлау и Бородина!..

В бытность Аракатеева военным министром в 1809 г. введено отдание чести (причем салют первоначально производился левой рукой) и вообще приняты строгие меры к упрочению субординации и дисциплины в войсках, в частности, в офицерской среде, сильно было распутившейся после смерти Императора Павла ¹..

В 1810 г., в бытность военным министром Барклая де Толли, учреждены постоянные «пехотные корпуса», которых положено сперва иметь шесть (сформировано пять: I–IV и VI). В эти корпуса вошла лишь часть всех дивизий (по 2 д-ии на к-с), а именно стоявшие на западной границе. В 1811 г. в предвидении решительной борьбы с Наполеоном сформировано еще 4 пех. и 6 кав. дивизий, так что к 1812 г. число первых доведено до 30, вторых до 11. В действующей армии образовано 8 пех. и 5 кав. корпусов. В 1812 г. из рекрут, запасных войск и ополчения сформировано еще 18 пех. и 8 кав. дивизий, предназначенных для пополнения убыли и полностью израсходованных в эту кампанию.

В заграничный поход 1813 г. сформирован Гвардейский корпус, а в 1814 г. — Гренадерский. По возвращении из-за границы вооруженные силы России в 1816 г. составили 33 пех. и 17 кав. дивизии. Помимо имевшихся десяти пехотных корпусов (Гвардейский, Гренадерский, I–VIII армейские), было образовано два отдельных корпуса на окраинах — Грузинский и Финляндский. Каждый корпус состоял в принципе из 3 пех., 1 кав. и 1 арт. дивизий.

Большие перемены произошли в центральном управлении. В 1802 г. упразднены коллегии и учреждены министерства. Военная коллегия сменилась «министерством сухопутных сил», ставшим именоваться с 1812 г. военным министерством. Министерство это разделялось на семь департаментов, сменивших прежние «экспедиции» — инспекторский (ведавший строевой частью), артиллерийский, инженерный, провиантский, комиссариатский (административная часть), медицинский и аудиторский (военно-судебный). Первым военным министром был ген. Вязмитинов. В бытность министром гр. Аракатеева (1808–1810) значительно сокращена переписка и упрощено делопроизводство.

¹ Распушенность эта являлась неизбежной реакцией на павловские порядки. С 1801 по 1815 г. офицерам вне службы разрешалось ходить в штатском. По свидетельству современников, в начале царствования Александра I офицерский состав армейских полков был (особенно в артиллерии) более высокого качества, чем в гвардии, где сколько-нибудь аристократическими могли считаться лишь Кавалергарды и Лейб-Гусары.

В 1810 г. официально введена очередная система, выработанная «эмпирически» самим населением и давно применявшаяся на практике. Семьи подлежащих призыву вносились в «очередь» по порядку числа работников в семье. Одна семья не могла давать более одного рекрута в наборе и более трех рекрутов вообще, единственные сыновья освобождались совсем. При наборе в первую очередь брали холостых либо бездетных, старших братьев предпочтительнее младшим.

Весною 1812 года было выработано «Положение об управлении большою действующею армией» — самый важный из военных статуты России после «Устава Воинского» 1716 г. Оно стало основой для всех последующих наших Положений о полевом управлении войск. Одним из существенных его нововведений было подчинение штабов и администраций строевым начальникам, чем устранялось одно из главных неудобств нашей военной системы...

В 1815 г. положено начало жандармерии путем обращения Борисоглебского драгунского полка в семь полевых жандармских эскадронов.

Армия перевооружена в 1810–11 гг. новыми 7-линейными ружьями, длиннее и тяжелее прежних мушкетов (весом 18 фунтов без штыка), но лучших баллистических качеств. На стрельбу выдавалось по шесть патронов в год, что было очень немного ¹. Впрочем, в те времена Русская Армия стреляла не на полигонах и стрельбищах, а на полях сражения — и стреляла, по отзывам врагов, хорошо.

Из всех сыновей Императора Павла Александр I в наиболее сильной степени унаследовал «гатчинские традиции» и страсть к муштре. Плацпарадная выучка войск в его царствование была доведена до неслыханного совершенства. В кампанию 1805 г. весь поход — от Петербурга до Аустерлица — Гвардия прошла в ногу.

Копирование пруссачины сказывалось в области не только строевой, но и в научной (особенно яркий пример — пфулевщина). В этом отношении царствование Императора Александра I — после некоторых начальных колебаний — явилось продолжением Павловской эпохи. Сын Императора Павла оказался сильнее внука Екатерины..

Непрерывные войны с 1805 по 1815 г., зачастую две и три войны, веденные одновременно на различных театрах, требовали от России небывалого еще со времен

¹ Один лишь Барклай в бытность свою военным министром (1810–1812) обратил внимание на стрелковое дело. Он требовал обучения стрельбе обязательно с примкнутыми штыками и в боевом снаряжении.

Великой Северной войны напряжения ¹, рекрутские наборы производились ежегодно. В 1805 г. в полевой армии числилось 340000 чел., не считая 100000 гарнизонных и 110000 казаков, различных войск. В 1806 г. пришлось прибегнуть к призыву ополчения, мере, не принимавшейся с нашествия Карла XII — (призвано было 110000 государственных крестьян). В 1809 г. в Армии считалось 733000 чел.

За этот десятилетний период было поставлено не менее 800000 рекрут, не считая 300000 ополчения Двенадцатого Года. Можно считать, что под ружьем постоянно либо на время — в первую половину царствования Императора Александра I находилось не менее 1500000 чел, с казаками и ополчением (что составит 4 проц. 40 миллионного населения страны). Из этого числа погибло не менее 800000 человек — одна война с Наполеоном 1812–14 гг. обошлась России в 600000 жизней... Если к этому прибавить восемь разоренных французским нашествием губерний, сожженную Первопрестольную, громадные материальные убытки и денежные затраты на развитие вооруженной силы и ведение десятилетних войн, то получится ясная картина того огромного напряжения, что потребовалось в те грозные времена от России, столь блестяще эти испытания выдержавшей.

Подвиги русских войск, прославившие царствование Императора Александра Павловича, не остались без вознаграждения. Шенграбенское дело имело следствием введение георгиевских знамен и штандартов. Первыми полками, удостоившимися этого отличия, были Киевский гренадерский, Черниговский драгунский и Павлоградский гусарский...

Прославленный Кульневым Гродненский гусарский полк наименован Клястицким в память боя, где во главе его не стало этого русского Баярда. После Клястицкого лишь два полка получили имена за боевые отличия: за отличие при взятии Эривани 7-й карабинерный полк наименован в 1827 г. Эриванским, а за отличие в Польскую войну 1831 г. Л. Гв. Драгунский полк назван Конно-Гренадерским...

«Войну 1812 года мы вели за чуждые нам интересы, — пишет автор «России и Европы» Н.Я. Данилевский, — война эта была величайшею дипломатическою ошибкою, превращенной русским народом в великое народное торжество».

¹ В 1805 г. — война с Францией и Персией, 1806 и 1807 — с Францией, Персией и Турцией, 1808 и 1809 — с Персией, Турцией и Швецией, 1810, 1811 — с Персией и Турцией, 1812 — со всей Европой и Персией, 1813, 1814 и 1815 — с Францией. Всего за десять лет 1 год войны. Упомянем для памяти о походе 1809 г. в Галицию (демонстрация против Австрии) и о войне с Англией (на море) в 1808–1811 гг.

Совершив капитальную ошибку своего царствования — разрыв с Наполеоном, — Император Александр в дальнейшем действовал безупречно. Он отстоял честь и достоинство России — и в тот великий Двенадцатый год оказался воистину Благословенным.

Это свое имя Благословенного Александр I мог бы сохранить и в сердцах грядущих поколений, если бы возвысился душой до награждения своего верного народа за совершенный им необыкновенный подвиг. Он этого не сделал — и имя Благословенного за ним не удержалось... Реформа 1861 года опоздала на полстолетия — промежуток между нею и нашествием 1914 года, нашествием, породившим катастрофу 1917-го, — оказался слишком невеликим для воспитания сыновей рабов. И если бы тот рождественский манифест, провозгласив освобождение России от двадцати язык, возвестил освобождение от рабства двадцати пяти миллионов верных сынов России, то вифлеемская звезда засияла бы над ликующей страной. В том великом нравственном подъеме наша Родина обрела бы неисчерпаемые силы для преодоления всех грядущих невзгод и лжеучений... Но Бог судил иначе.

Война эта была войной народной. Вооруженные народы Европы столкнулись здесь с вооружившимся русским народом. Главный интерес этого столкновения в том, что здесь на русской стороне оказались все выгоды, на французской же все невыгоды системы «полчищ».

С русской стороны мы видим в Отечественную войну сочетание двух элементов: сравнительно небольшой постоянной армии — армии профессионалов и «вооруженного народа» (партизаны и ополчения), опирающегося на эту армию. Иными словами, в 1812 году русские «стихийно» осуществили то, до чего немецкий ум (в лице ген. фон Зеекта) додумался лишь сто с лишним лет спустя. И в этом отношении — как вообще во всех решительно отраслях военного дела — мы, Русские, идем далеко впереди... Если бы мы могли сознать всю мощь нашего военного гения!

Профессиональная армия и вооружившийся народ блестяще поделили между собою работу, как бы дополняя друг друга. Однако главное значение имела, конечно, армия. Предположим, что в Бородинском сражении Наполеону удалось уничтожить Русскую Армию. Государь остался бы тогда непреклонен. Москва была бы сожжена, народное восстание вспыхнуло бы и в этом случае. Но никого не было бы в Тарутинском лагере и некому было бы заступить завоевателю дороги при Малоярославце... Наполеон смог бы расположить свою армию на зимние квартиры где-нибудь в Калужской либо Орловской губернии (терпя, разумеется, большой ущерб от партизан) — и весной 1813 г. возобновить военные действия, опираясь на неисчерпаемые ресурсы подвластной ему Европы.

Армия Наполеона являет собою другой вид «вооруженного народа», разнообразную массу людей, в общем служащих непродолжительное время. Это прототип «массовых армий» Великой войны. В боевом отношении противники равноценны, но в военном — воинском — отношении на стороне Русской Армии профессионалов громадное преимущество. Находись эта армия в положении «двадцати язык», она никогда не допустила бы того упадка дисциплины, что привел тех к гибели.

Русская стратегия, как только ей удалось освободиться от тлетворного влияния пфулевщины, — образцова как в добородинский период при Барклае, так и в послебородинский при Кутузове. Единственное темное пятно, единственная ошибка нашей стратегии — это Бородино. Но Кутузов так же не ответственен за Бородино, как не ответственен и за Аустерлиц. Этого сражения он не желал, понимая его бесцельность и риск, — оно было ему навязано, 60000 жизней было принесено в жертву Молоху общественного мнения.

Бородинское сражение оказалось преждевременным. С ним поторопились на два месяца. Его следовало дать не в конце августа, а в конце октября, когда французская армия была в достаточной степени подточена изнутри. Имей Кутузов тогда в строю те десятки тысяч, что погибли бесцельно в бородинском бою, будь жив Багратион — генеральное сражение было бы дано где-нибудь под Вязьмой — и тогда не ушел бы ни один француз, а Наполеон отдал бы свою шпагу Платову...

Кутузова обвиняют в слишком осторожном образе действий, в том, что он «выпустил» Наполеона. Эти упреки неосновательны. Наполеона выпустил не Кутузов, а Чичагов (место которому было на мостике флагманского корабля, а не во главе отдельной армии). Кутузов действовал в духе плана войны — он загонял зверя в расставленные тому сети. Сети эти оказались расставленными неискусно, командовавший армией моряк заснул на вахте... К событиям на Березине Кутузов совершенно не причастен. Он мог бы дать генеральное сражение с громадными шансами на успех при Малоярославце. Он мог бы добить разгромленную под Красным армию Наполеона так же, как мог бы взять за год до того штурмом слободзейский ретраншамент великого визирия... К чему было проливать русскую кровь, драгоценную русскую кровь — уже и так зря растрченную в бородинском побоище, — когда жребий врага так ясно был начертан на снегу пустынной смоленской дороги?

Если стратегия Наполеона — стратегия Аннибала, то Кутузов — Фабий. Как никто умеет он заставить работать на себя и время, и обстоятельства, и даже самого врага. И он помнит своего учителя: «Последнюю кампанию, — говаривал Суворов, — неприятель

потерял счетных семьдесят пять тысяч, чуть не сто, а мы одной тысячи не потеряли. Вот это называется вести войну, братцы! Господа офицеры, какой восторг!»... И Петр узнал бы в старом екатерининском орле птенца своего гнезда и поздравил бы его со знатною викторией, малою кровью одержанною. Кутузов был последним гуманистом великого века — и после него надолго «стратегия минотавра» сделалась основным типом русского полководчества.

Громадное большинство русских военачальников оказалось на высоте тех геройских задач, которые им приходилось решать. Барклай сберег армию в самый критический период войны. Багратион совершил блистательный марш от Несвижа до Смоленска, получил здесь право на звание полководца, смерть же его явилась жесточайшей утратой в армии. Витгенштейн под Клятицами и Полоцком успешно держал экзамен на самостоятельного командующего армией. Ермолов, Милорадович и Дохтуров блестяще подтвердили старую и славную репутацию. Обратили на себя внимание Раевский, Паскевич, Неверовский, Остерман. Громкую славу себе и всему казачеству стяжал «вихорь-атаман» Платов. Такой яркой плеяды вождей и командиров с тех пор Россия больше не имела...

Неудачно себя проявили Чичагов и Беннигсен (доказавший лишний раз, при Тарутине, что он отличный составитель планов и совершенно слабый их исполнитель)...

Действия французов, по большей части, очень неудачны. Иероним вестфальский плачевен. Даву, показавший (хоть и тщетно) замечательный глазомер накануне Бородина и после Малоярославца, в начале кампании действовал очень слабо (Салтановка). Да и сам Наполеон был как будто уже не тот. Ни один его план не удался, не оправдался ни один его расчет — как политический, так и стратегический. Занятием Москвы Россию на мир он не склонил. Разбить обе русские армии порознь, как австрийцев в Италии и пруссаков под Иеной и Ауэрштедтом, ему не удалось. Не удалось и поймать их в мешок у Смоленска, благодаря глазомеру Баркляя, героизму Неверовского и упорству Дохтурова. Не удалось добить Русскую Армию после Бородина, благодаря мужественному решению Кутузова пожертвовать Москвой без боя. Отступление же в направлении «кратчайшем геометрически» привело к небывалой катастрофе. В утро Бородина светило «солнце Аустерлица», но освещало оно совсем не тактику Аустерлица...

Наполеон разбросал свои силы. Он оставил в Польше корпуса Виктора и Ожеро, отправил Макдональда в бесцельный курляндский поход, держал корпус Ренье при армии Шварценберга, усилил Удино под Полоцком еще корпусом Сен Сира. Всех этих сил ему недоставало под Бородиным, где ему надлежало победить во что бы то ни стало.

А главная ошибка повелителя Европы — ошибка психологическая. Он не знал России, а еще менее Россиян. Едва ли не самым трагическим моментом его необыкновенной жизни

было напрасное ожидание «бояр» на московской заставе. Он никогда ничего не слышал про Ослябю и Пересвета, Пожарского и Минина, Гермогена и Сусанина. И если бы ему суждено было постичь гений породившего их народа — то нога его не ступила бы на русскую землю...

Заграничный поход Русской Армии от Тарутина на Париж — с Оки на Сену — неоднократно осуждался многими историками и публицистами, рассматривавшими его в свете тех несчастий, что причинила России впоследствии освобожденная ею тогда Германия.

Война Александра с Наполеоном была, конечно, роковой ошибкой. Хижина на острове Святой Елены для одного, подвал Ипатьевского дома в Екатеринбурге для правнучатого племянника другого — явились результатом войны 1812, 1813 и 1814 годов — результатом в первом случае непосредственным, во втором — косвенным.

Но непоправимое уже свершилось в 1811 году. Весною 1812 жребий уже был брошен. И в тот, навсегда торжественный момент, когда русские войска на льду Немана служили благодарственный молебен за избавление Родины от «двадцати язык», было уже поздно идти вспять. «Недорубленный лес» грозил вырасти. Наполеон, шаткий престол которого, подобно престолу всякого завоевателя, держался лишь непрерывными победами, никогда не смог бы примириться с разгромом 1812 года. Через год или два он вновь собрал бы войска подвластной ему Европы и снова бы повторил нашествие — причем, конечно, постарался бы избежать прежних ошибок.

Это знал Император Александр Павлович — и это чувствовал последний рядовой его славного войска. Поход за границу был настоятельной государственной необходимостью. Мистицизм Императора, видевшего себя в ореоле спасителя Европы и рода человеческого, лишь довершал эти государственные соображения.

Армия Александра Благословенного. «Совершена война, для свободы народов и царей подъятая. Победа, сопровождая знамена ваши, водрузила их в стенах Парижа. При самых вратах его ударил гром ваш. Побежденный неприятель протягивает руку к примирению! Нет мщения! Нет вражды! Вы даровали ему мир, залог мира во вселенной! Храбрые воины, вам, первым виновникам успеха, принадлежит слава. Вы снискали право на благодарность отечества — именем отечества ее объявляю».

Так гласил приказ, отданный Императором Александром Павловичем своей победоносной армии в завоеванном Париже, в Духов день 1814 года. Он возвещал окончание славного пути с Оки на Сену — пути, где веками служили Тарутино и Красный, Кацбах и Лейпциг, Ла Ротьер и Фер Шампенуаз.

Войска оставались недолго в неприятельской столице, столь восторженно их встретившей. Желая привлечь к себе сердца недавних врагов, Император Александр уже в мае повелел начать эвакуацию парижского района и отвод войск в восточные французские провинции и на Рейн (1-я Гв. дивизия была перевезена из Шербурга в Петербург морем). Государь всячески щадил самолюбие побежденных, но при этом, увы, слишком часто приносил ему в жертву самолюбие своих войск. Благодаря этому победители не раз чувствовали себя в Париже как бы побежденными — и пребывание их в столице Франции мало у кого из них оставило приятные воспоминания. В июне Александр I отбыл в Россию, а осенью отправился в Вену, где заседала мирная конференция — тот Венский Конгресс, что на целое столетие предопределил судьбу Европы.

В характере Государя по окончании заграничного похода стала наблюдаться разительная перемена. Прежняя застенчивость и нерешительность сменились твердостью и резкостью, усилилась подозрительность и недоверие к окружающим. Ему нужны были уже не советники, а лишь слепые исполнители. Мистицизм (всегда бывший у него сильно развитым) окончательно завладел им. Он пришел к заключению, что Промысел Божий предназначал ему осуществить на земле братство народов посредством братства их монархов — некую всемирную теократическую монархию, «монархический интернационал»¹. Идеи эти привели к заключению Священного Союза.

Работы Венского Конгресса были в марте 1815 г. внезапно прерваны известием о возвращении «Буонапарта» (как его опять стали называть) с о. Эльбы. Вооруженным силам коалиции был объявлен поход. Численность их простиралась до 650000 (из коих 167000 русских).

Решительные действия в эту «Кампанию Ста Дней» произошли в Бельгии. Вечером 6-го июня при Ватерлоо решилась судьба Наполеона. 10-го он отрекся от престола и 21-го армии Блюхера и Веллингтона вступили в Париж.

Русская армия Барклая де Толли (225000 чел. с союзными контингентами), собранная на среднем Рейне, в последних числах мая двинулась в Лотарингию и Шампань. Отделив осадные к-са под Мец (где встречено упорное сопротивление) и Бельфор, главные силы, при которых находились и союзные монархи, двинулись долиною Марны. Единственным сколько-нибудь крупным делом этой кампании был штурм Шалона 12-го июня отрядом Чернышева, захватившим при этом 6 орудий. Узнав о капитуляции Парижа, Император Александр остановил дальнейшее наступление и расположил армию на квартиры в

¹ Религиозность Государя носила в те времена характер интерконфессиональный. Он мечтал о «едином народе христианском», думал реформировать христианство, переделывал Библию.

Шампани. Весь поход он распоряжался лично, сведя роль Барклая к передаче своих распоряжений. С каждым днем он становился все более резким, все более требовательным по службе, все менее справедливым к войскам и их начальникам.

29-го июля 1815 г. Русской Армии привелось вторично вступить в Париж. Этим мероприятием Александр спас французскую столицу от грозившей ей беды: Блюхер со своими свирепыми ордами собрался было разгромить и разграбить беззащитный город. Оккупация эта длилась всего месяц, и за время ее случилось одно на вид незначительное происшествие, имевшее, однако, для Русской Армии самые печальные последствия и определившее на сорок лет весь уклад ее жизни.

Как-то, проезжая Елисейскими Полями, Император Александр увидел фельдмаршала Веллингтона, лично производившего учение двенадцати новобранцам. Это явилось как бы откровением для Государя: «Веллингтон открыл мне глаза, — сказал он, — в мирное время необходимо заниматься мелочами службы!»¹

И с этого дня началось сорокалетнее увлечение «мелочами службы», доведшее Россию до Севастополя... Еще в Париже начались ежедневные разводы и учения, утомительные (особенно после только что окончившегося похода) парады и еще более утомительные репетиции парадов.

В конце августа 1815 года вся русская армия во Франции, готовившаяся к обратному походу, была собрана в Шампани на равнине у Вертю. И тут, 28 августа, Император Александр Павлович показал ее во всем ее величии и блеске своим союзникам и недавним противникам. На смотре участвовало 150000 чел. и 600 орудий. Зрелище шедших разом в ногу 132 батальонов, причем из 107000 пехотинцев не один не сбился с ноги, вызвало изумление и восторг иностранцев.

К зиме 1815–16 гг. союзные армии были выведены из Франции, где осталось, однако, 150000 оккупационных войск. В состав этой оккупационной армии вошли и две русские д-ии (27000 при 84 орд.), составившие сводный корпус гр. Воронцова.

Никогда еще Россия не имела лучшей армии, чем та, что, разгромив Европу, привела ее же в восхищение и в трепет на полях Верно. Для войск Ермолова, Дохтурова, Раевского, Дениса Давыдова и Платова не существовало невозможного. До небес вознесли эти полки

¹ Современники, как Ермолов, Муравьев и др., а за ними и позднейшие историки, находят происшествие это далеко не случайным и приписывают его хитроумному расчету Маттерниха. Зная болезненную страсть Александра I к муштре, австрийский канцлер без труда уговорил Веллингтона разыграть эту сцену, в надежде, что Император Всероссийский после этого с головой уйдет в дорогое ему экзерцирмейстерство и не будет больше вмешиваться в политику, благодаря чему у Австрии и Англии на конгрессе руки окажутся развязанными.

славу русского оружия в Европе и высоко стоял престиж их на Родине. Молодые тайные советники с легким сердцем меняли титул превосходительства на чин армейского майора либо подполковника, статс-секретарству предпочитали роту или эскадрон и в куске французского свинца, полученного во главе этой роты или эскадрона, видели более достойное завершение службы Царю и Отечеству, нежели в министерских портфелях и креслах Государственного Совета. Все, что было в России горячего сердцем и чистого душою, одело мундир в великий Двенадцатый Год — и большинство не собиралось с этим мундиром расставаться по окончании военной грозы.

Тактически армия, имевшая непрерывный десятилетний боевой опыт — и какой опыт, — стояла на недостижимой высоте. Наполеоновские уроки заставили вспомнить Суворовскую науку. Весь этот ценный, так дорого доставшийся опыт, надо было бережно сохранить, с благоговением разработать и передать грядущим поколениям.

К сожалению, этого сделано не было. Император Александр не чувствовал мощи священного огня, обуревавшего его славную армию, — он видел плохое равнение взводов. Он не замечал тактического совершенства этой армии — он видел только недостаточно набеленный этикет замкового унтер-офицера. И с грустью констатировал, насколько походы и сражения «испортили» его армию, отвлеченную на десять лет от своего прямого и единственного назначения — церемониального марша — такими посторонними делами, как войны — пусть и победоносные ¹. Такие войска стыдно вывести на Царицын Луг, их надо переучить и, главное, подтянуть. Подтягивать, к счастью, есть кому. Гатчинский дух еще не угас!..

Возвращавшиеся в Россию победоносные полки и не подозревали вначале об уготованной им участи. Население встретило их с энтузиазмом, войска разошлись по квартирам — и тут скоро все походные лишения показались райским блаженством.

«Гатчина» воскресла. И новая «Гатчина» далеко оставила за собой старую. А современники стали проклинать «аракчеевщину», подобно тому, как их прадеды кляли «бириновщину».

Ни один человек не был ненавидим современниками и потомством в такой степени, как граф Алексей Андреевич Аракчеев. И ни один деятель Русской Истории до 1917 года не оставил по себе более одиозной памяти, чем этот суровый и непреклонный исполнитель воли своего Государя.

¹ Беседа с приближенными в 1823 г. относительно оказания помощи Греции, ведшей геройскую, но слишком неравную борьбу за свержение турецкого ига, Александр I выразился так: «Войн и так было достаточно — они лишь деморализуют войска».

Перед оклеветанной памятью этого крупного и непонятого военного деятеля русский историк вообще, а военный в частности, еще в долгу.

Одинокий в семье, которой собственно у него и не было, одинокий в обществе, где все его ненавидели предвзятой ненавистью, Аракчеев имел на этом свете три привязанности. Во-первых — Служба, бывшая для него основой и целью всего существования. Во-вторых — Артиллерия — родной его род оружия, над которым он так много и столь плодотворно потрудился. В-третьих — и эта привязанность была главной — Государь. Его благодетель, Император Павел, соединил их руки в памятный ноябрьский день 1796 года, и его «будьте друзьями» стало для Аракчеева законом всей жизни.

И Аракчеев положил свою душу за царственного своего друга. Никогда никакой монарх не имел более жертвенно преданного слуги, чем был этот преданный без лести. Жертва Сусанина была велика. Но жертва Аракчеева куда больше — он отдал за Царя не только жизнь, но самую душу, обрек свое имя на проклятие потомства, принимая на себя всю тeneвую сторону царствования Александра, отводя на свою голову все проклятия, которые иначе поразили бы Благословенного. Наглядный пример тому — военные поселения, идею которых обычно все приписывают Аракчееву, тогда как он был совершенно противоположных взглядов на эту затею и взялся за нее лишь проводя непреклонную волю монарха ¹.

Аракчеева упрекают, и не без основания, в жестокости. Но он был не один, и далеко не один. Сам Государь еще в Париже неоднократно говаривал, что «строгость причиною, что наша армия есть самая храбрая и прекрасная». Как можно было после этого отказываться от фухтелей? Граф был груб, и даже чрезвычайно груб, был мелочен и педантичен — но все это как раз считалось в Гатчине атрибутами «истинного службиста». Он обращал внимание главным образом на показную сторону — но ведь по гатчинским воззрениям показная сторона — формализм — являлась именно основой всего военного дела. Перевоспитываться на шестом десятке лет было поздно, да и совершенно бесполезно: все эти гатчинские воззрения разделялись (и притом в гораздо сильнейшей степени) Императором Александром.

¹ Ходячее мнение об Аракчееве как о «мракобесе» ни на чем не основано. Этот «мракобес» основал на свои личные средства в Новгороде кадетский корпус (переведенный затем в Нижний и названный его именем), основал полтора десятка начальных училищ, ремесленных школ и первую в России учительскую семинарию, т.е. сделал для русского просвещения неизмеримо больше, чем, напр., тот министр Временного Правительства, что упразднил, равняясь по неграмотным, русское правописание. Бескорыстие Аракчеева сказалося в 1814 г. в Париже, когда он отказался от фельдмаршальского жезла, на который имел право как создатель сокрушившей Наполеона Русской Артиллерии. Тогда Александр пожаловал ему для ношения на груди свой портрет, украшенный бриллиантами. Портрет Аракчеев принял с благоговением и не расставался с ним до смерти, бриллианты же отослал обратно, в Имп. кабинет. Безгласный преданный Аракчеев был идеальным проводником в армию идей Государя. Кроме того, он был непричастен к 11 марта и не являлся, подобно многим (Беннигсен), живым упреком совести Александра, всю жизнь терзавшегося своим грехом.

Значит, не «Гатчину» надо было равнять по Двенадцатому Году, а наоборот, Двенадцатый Год «подогнать под Гатчину» — дух той великой эпохи вложить в гатчинские рамки, втиснуть в гатчинские «обряды неудобноносимые», а что не подойдет — выбросить, как неподходящее и вовсе ненужное.

В результате — могучий и яркий патриотический подъем незабвенной эпохи Двенадцатого Года был угашен Императором Александром, ставшим проявлять какую-то странную неприязнь ко всему национальному русскому. Он как-то особенно не любил воспоминаний об Отечественной войне — самом ярком национальном русском торжестве и самой блестящей странице своего царствования. За все многочисленные свои путешествия он ни разу не посетил полей сражений 1812 года и не выносил, чтобы в его присутствии говорили об этих сражениях ¹. Наоборот, подвиги заграничного похода, в котором сам он играл главную роль, были им оценены в полной мере (в списке боевых отличий Русской Армии Бриен и Ла Ротьер значатся, напр., 8 раз, тогда как Бородино, Смоленск и Красный не упомянуты ни разу).

Итак, вязкая тина «мелочей службы» стала с 1815 года засасывать наши бесподобные войска и их командиров. Вальтрапы и ленчики, ремешки и хлястики, лацканы и этишкеты сделались их хлебом насущным на долгие, тяжелые годы. Все начальники занялись фронтовой муштрой. Фельдмаршалы и генералы превращены были в ефрейторов, все свое внимание и все свое время посвящавших выправке, глубокомысленному изучению штаблетных пуговичек, ремешков, а главное — знаменитого, тихого учебного шага «в три темпа»...

Было повелено увольнять «вчистую» по выслуге 25 лет лишь тех солдат, что ни разу не были штрафованы за плохой фронт — штрафованные же должны были тянуть свою лямку бессрочно. Штрафовали за всякий пустяк, иногда за недостаточно развернутый носок. Мера

¹ Непостижимо для меня, записал в свой дневник в 1814 г. Михайловский-Данилевский, как 26 августа Государь не только не ездил в Бородино и не служил в Москве панихиды по убиенным, но даже в сей великий день, когда все почти дворянские семьи в России оплакивают кого-либо из родных, павших в бессмертной битве на берегах Колочи, Государь был на бале у графини Орловой. Император не посетил ни одного классического места войны 1812 г.: Бородина, Тарутина, Малоярославца, хотя из Вены ездил на Ваграмские и Аспернские поля, а из Брюсселя в Ватерлоо. В своих записках бар. Толь тоже констатирует «до какой степени Государь не любит вспоминать об Отечественной войне». На репетиции парада в Верту 26 августа 1815 г. Толь заметил, что «сегодня годовщина Бородина». Государь с неудовольствием отвернулся от него. Прусский король соорудил памятник Кутузову в Бунцлау, где скончался победитель Наполеона, и просил Царя осмотреть его на пути в Россию. Александр отказался. Он питал неприязнь к самой памяти Кутузова. Это странное обстоятельство объясняется «эгоцентрической» натурой Государя, требовавшего считать одного лишь себя центром всеобщего поклонения и завистливо относившегося к чужой славе. Опала Сенявина, виновного в победе над армией и флотом Наполеона, тогда как он, Александр, потерпел поражение при Аустерлице, почетная ссылка Ермолова на Кавказ, ревнивое отношение ко всем сколько-нибудь популярным в войсках начальникам — явление того же порядка, что и неприязнь к Кутузову. У Императора Александра Павловича были достоинства, были и недостатки. Мелочность являлась одной из отрицательных черт этой в высшей степени сложной и загадочной натуры.

эта повлекла за собой безысходное отчаяние и имела неслыханное в благочестивой Русской Армии последствие — появление самоубийств, неизвестных в суворовские и даже в суровые петровские времена и ставших в тяжелый 15-летний промежуток с 1816 по 1831 г. обычным бытовым явлением. Огромные размеры приняло дезертирство, в офицерской же среде — массовый уход со службы¹. Презренный столь еще недавно фрак канцеляриста и помещичий халат вдруг обрели всю притягательную силу... Военно-учебные заведения стали производить ускоренные выпуски, но покрыть ими все усиливавшийся офицерский некомплект не удавалось. Тогда пришлось прибегнуть к крайним мерам — производству из выслужившихся унтер-офицеров (что понижало качество офицерского корпуса) и просто «прикреплению» офицеров к службе в тех полках, где наблюдалась наибольшая утечка — а именно в поселенных войсках.

«Армия не выиграла от того, что, потеряв офицеров, осталась с одними экзерцицмейстерами, — писал уже в 1816 г. молодой Н-к 26-й пех. д-ии ген. Паскевич. — У нас экзерцицмейстерство принимает в свои руки бездарность, а так как она в большинстве, то из нее станут выходить сильные в государстве, и после того никакая война не в состоянии придать ума в обучении войск... Что сказать нам, генералам дивизии, когда Фельдмаршал (Барклай де Толли — ред.) свою высокую фигуру нагибает до земли, чтобы равнять носки гренадера? И какую потом глупость нельзя ожидать от армейского майора?»

«В год времени войну забыли, как будто ее никогда и не было, и военные качества заменились экзерцицмейстерской ловкостью».

Это столь сокрушавшее Паскевича «забвение войны» и замена военных качеств плацпарадными особенно ярко сказалось в уставах.

Пехотный устав 1816 года весь занят «танцмейстерской наукой» и ружейными приемами. Об атаке в нем не говорится ни слова!..

Поселяемый солдат переставал быть солдатом, но не становился крестьянином, а осолдаченный землепашец, переставая быть крестьянином, настоящим солдатом все не становился. Эти люди были как бы приговорены к пожизненным арестантским ротам: с 7 лет в кантонистах, с 18 в строю, с 45 «в инвалидах». Они не смели отступить ни на йоту от предопределенного им на всю жизнь казенного шаблона во всех мелочах их быта, их частного обихода. Перенимая пруссачину, мы «перепруссачили». Немецкая идея,

¹ Солдаты дезертировали в Галицию, в Буковину, к староверам, в пустынную еще Новороссию, в Молдавию, к некрасовцам на Дунай, пробирались и дальше — к турецкому султану и в Персию. Шах персидский образовал из этих дезертиров гвардейский б-н. Император Николай Павлович даровал им амнистию — и б-н в полном составе вернулся в Россию; солдаты были частью уволены в отставку, частью служили срок в кавказских полках. По общему отзыву, они служили безупречно, чему способствовал, конечно, и дух Кавказской армии.

пересаженная спицрутенами в новгородские суглинки и малороссийский чернозем, дала безобразные всходы (и еще более безобразные результаты получатся затем от пересаживания на русскую почву немецкого материализма и немецкого марксизма).

Император Александр и его советники, наверное, очень удивились бы, если бы им сказали, что идея военных поселений, скопированная ими на Западе и прививавшаяся ими с таким насилием над природой русского человека, существует уже в России испокон веков, притом в естественном, самобытном, вполне подходящем для русских условий виде. Для этого им только стоило обратить свои взоры вместо Запада (куда они упорно смотрели) на Юго-Восток. И они увидели бы, что это их «новое слово», это «содружество меча с оралом» было давно — и в идеальной степени — осуществлено Казачеством. К чему было вводить каторжный режим для сотен тысяч русских людей, калечить их души и тела псевдозаграничными хомутами и намордниками — когда те же «военные поселения» были уже давно осуществлены под именем «станец» тут же у нас в России? Учреждение поселений на Кавказе на казацкий образец и полный их успех показали жизнеспособность этой идеи, коль скоро она сообразуется с русскими национальными особенностями и условиями.

Как это ни покажется невероятным, но вопрос этот не пришел тогда никому в голову — так было сильно слепое и безрассудное преклонение перед иноземщиной, и долго владела умами вечная наша Мекка и Медина — потсдамская кордегардия...

Русская Армия при Николае I. Регулярная армия достигала к началу Восточной войны на бумаге внушительной цифры 27745 оф. и 1123583 н.ч. Император Николай, которому 30 лет докладывали лишь одно приятное, искренне верил в совершенство заведенной им военной системы. «У меня миллион штыков, — говорил он, — прикажу моему министру, и будет два, попрошу мой народ, будет три». Увы, миллион на бумаге дал на деле еле полмиллиона бойцов... Некомплект против штатов вообще достигал 20 процентов, а в «миллионную» цифру входили инвалиды, кантонисты, войска внутренней стражи, пестрая мозаика местных, гарнизонных, караульных команд... В полевых войсках пятую часть составляли разного рода нестроевые. Армию нельзя было мобилизовать, ничтожные кадры резервных частей не могли справиться с обучением призванной рекрутской массы. Ополчение же ни в коем случае не могло считаться боеспособным. Огорчение Государя, всю свою жизнь стремившегося лишь к одной цели — благу России — было безмерным. Он видел, что все огромные труды оказались бесполезными, вся тридцатилетняя работа — неплодотворной, и эти терзания сломили его железную натуру.

Крупнейшим организационным мероприятием этого царствования явилось преобразование «Свиты Его Величества по квартирмейстерской части» в Генеральный Штаб. Уже в 1826 г. было запрещено выпускать в Свиту молодых офицеров непосредственно из Корпусов. По окончании же Турецкой войны была назначена под председательством ген. Жомини комиссия по выработке штатов Ген. Штаба и учреждению высшего военно-научного заведения. Труды этой комиссии привели к разработке в 1832 г. штатов Ген. Штаба (17 ген., 80 шт. и 200 обер-оф.) и учреждению Императорской Военной Академии, первым начальником которой стал Жомини.

Швейцарский военный мыслитель пожал плоды многолетней и планомерной работы князя П.М. Волконского. Отцом российского Генерального Штаба был Волконский — Жомини был лишь «швейцарцем-гувернером», причем нельзя сказать, чтоб гувернером особенно удачным. Он мыслил Ген. Штаб герметически замкнутой, наглухо изолированной от Армии корпорацией. Армия, войска — сами по себе, Генеральный Штаб — сам по себе. Колонновожатые Волконского знали и понимали войска — академики Жомини обратились в каких-то военных институток, совершенно незнакомых с военными возможностями и строевой жизнью. С того времени пошел отрыв Ген. Штаба от войск — жесточайший промах российской военной организации, который так никогда и не удалось исправить... Переход из Ген. Штаба в другие ведомства и в строй был невозможен — долгое время считалась неуместной даже преподавательская деятельность в военно-учебных заведениях. Иными словами — Ген. Штаб стал существовать только для Ген. Штаба...

Академия была храмом отвлеченной военной науки, с уходом Жомини став храмом военной схоластики. Когда в 1834 г. Жомини ушел на покой, начальником Академии был назначен ген. Сухозанет 1-й, пробывший на этой должности все царствование Николая I. Плохо разбираясь в вопросах военной науки, он обращал внимание лишь на строевую часть, внешнее благоустройство. Учебной частью стал заведовать ген. Шуберт, н-к Ген. Штаба, бывший в то же время директором военно-топографического депо и сведший все преподавание к одностороннему увлечению математическими дисциплинами при почти что полном пренебрежении стратегией и тактикой. Академия стала выпускать превосходных чертежников, недурных астрономов, лихих наездников, но весьма посредственных квартирмейстеров.

Служба офицера Ген. Штаба была неблагодарной. Производство было лишь на открывающиеся в самой «корпорации» вакансии, а таковые были очень редки. Получить генеральский чин было гораздо труднее, чем в строю, тем более, что офицерам Ген. Штаба

полков не давали ¹. Обычным завершением карьеры здесь был чин полковника. Все это имело результатом сокращение числа кандидатов в Ген. Штаб. Источник его пополнения начал быстро иссякать — и в 1851 г. из всей миллионной Русской Армии изъявило желание поступить в Академию всего 7 офицеров.

Это обстоятельство сильно встревожило Государя, оказавшего Академии ряд милостей: офицерам Ген. Штаба дано усиленное содержание, обеспечено движение по службе и предоставлено право возвращаться в строй без всяких ограничений. Ряд старших начальников определился слушателями Академии, и престиж ее сразу возрос: с 1852 по 1856 г., несмотря на войну, ежегодно поступало по 35–40 чел.

Важнейшим военным деятелем царствования Императора Николая I был фельдмаршал Паскевич, граф Эриванский, светлейший князь Варшавский.

Паскевич пользовался неограниченным доверием Императора. В продолжение четверти столетия — с Польской кампании до Восточной войны включительно — он являлся полным хозяином российской вооруженной силы.

Человек безусловно одаренный, умный, честолюбивый и в высшей степени властный, Паскевич имел счастье с самой молодости обратить на себя внимание всех крупных военачальников великого века и составить себе блестящую карьеру. Он покрыл себя славой под Смоленском, во главе 26-й дивизии, а после войны получил 1-ю гв. д-ию, где имел подчиненными великих князей — Николая Павловича, к-ра 2-й, и Михаила Павловича, к-ра Петровской бригады. Император Николай всю жизнь звал его своим «отцом-командиром», и мнение «Ивана Федоровича» в его глазах являлось непогрешимым...

При всех своих достоинствах Паскевич обладал очень большими недостатками. Его властолюбие и деспотическая манера обращения с подчиненными делали его очень неприятным начальником, тем более, что приписывая все успехи всегда только себе, он все неудачи взваливал на подчиненных (качество, повторившееся затем в другом крупном военачальнике — Брусилове). Военные дарования Паскевича бесспорны, но чрезмерно переоценены современниками, доходившими в своей лести всесильному фельдмаршалу до самого недовольного угодничанья ². Со времен Потемкина ни один военный деятель не был

¹ По производстве в ген.-майоры они могли получить бригаду, но это случалось чрезвычайно редко. В 1843 г. офицерам ген. штаба было разрешено возвращаться в строй, но исключительно на вакансиях в той части, где они прежде служили.

² В 1847 г., еще при жизни Николая I и в апогей могущества Паскевича, Н.Устрялов предпринял панегирическое описание царствования. Описывая вторжение в Закавказье Абасса Мирзы в 1826 г., Устрялов не постеснялся написать: «Под стенами Елисаветполя ветретило его тот, кому судьба предназначила быть в наше

осыпан щедротами монарха в такой степени. Он получил чин ген. фельдмаршала, орден св. Георгия 1-й степени, титул графа Эриванского, затем светлейшего князя Варшавского, богатые вотчины, щедрые денежные подарки (напр. миллион руб. из персидской контрибуции). Как полководец, он отлично зарекомендовал себя в «эриванскую» кампанию с персами и особенно в «эрзерумскую» против турок, имея оба раза бесподобные кавказские войска и лихих кавказских командиров. В Польшу он прибыл уже «на готовое» после Дибича. Венгерский поход проведен им очень посредственно, а в Восточную войну, на Дунае, его полководчество оказалось совершенно несостоятельным. Молодым генералом он отлично отдавал себе отчет в неурействах нашей военной системы, став же фельдмаршалом, получив всю полноту власти, ничего не сделал для исправления этих неурейств. Паскевич ничего не дал армии, с его именем не связано ни одного положительного организационного мероприятия. Полководческой школы он отнюдь не создал, влияние же его на подчиненных в конечном итоге было отрицательным, благодаря его системе обезличивания.

Выше Паскевича следует поставить другого кавалера св. Георгия Первой степени — графа Забалканского. Он много поработал над созданием Ген. Штаба и занимался по преимуществу организационной и штабной работой (тогда как Паскевич — строевой командир). Дибич провел целиком всего одну кампанию — свой Забалканский поход, — но эта кампания блестяща по синтезу замысла, простоте плана (принесению второстепенного в жертву главному) и решительности выполнения.

Следует отметить победителя Гергея — генерала Ридигера, которого современники считали лучшим боевым генералом всей Армии, и героя Трансильвании ген. Лидерса, обнаружившего яркий полководческий талант. Оба этих замечательных военачальника не приняли, однако, участия на Восточной войне (жертва самолюбию «отца-командира») — и судьба Армии в Крыму была вверена третьестепенным величинам — Меньшикову и Горчакову.

Великий Князь Михаил Павлович — главнокомандующий Гвардией и Гренадерами, был начальник строгий и чрезвычайно требовательный по фронтовой службе, с особенной силой унаследовав «гатчинский дух» отца (Государю приходилось все время его сдерживать). Вместе с тем, отличаясь добрым и чутким сердцем, он входил в нужды каждого из своих подчиненных, постоянно обращавшихся к нему в трудную минуту. Особенную деятельность Великий Князь проявил по совмещаемой им должности главного начальника

время грозою врагов России в Азии и Европе, вождь, достойный русского воинства, — там встретил его Паскевич»...

военно-учебных заведений. Всего в царствование Николая I было открыто 14 кадетских корпусов ¹.

Гатчинские традиции продолжали соблюдаться во всей силе. Сам Государь и оба его брата были яркими приверженцами «фрунта» и прусской муштры.

В 1843 г. армия была перевооружена 6 линейными пистонными ружьями (взамен прежних 7 лн. кремневых обр. 1811 г.), отличных для гладкоствольного ружья баллистических качеств (били на 600 шагов). Кроме того, в пехоте введены нарезные штуцера, правда, в очень ограниченном количестве. Штуцерами этими, бившими на 1200 шагов, были вооружены стрелковые батальоны и отборные стрелки в пехоте, по 6 чел. на роту, составлявшие полковую штуцерную команду в 96 чел. (полная аналогия с командами екатерининских застрельщиков-егерей). В общем, на 40000 гладкоствольных ружей в строю корпуса приходилось около 2000 штуцеров — и эта пропорция (один штуцер на 20 гладкоствольных) сохранилась до конца Восточной войны.

На стрельбу по-прежнему отпускалось всего 6 патронов в год на человека. В иных полках не расстреливали и этих злополучных шести патронов из похвальной экономии пороха. Смысл армии видели не в войне, а в парадах — и на ружье смотрели не как на орудие стрельбы и укола, а прежде всего как на инструмент для отхватывания приемов. Идеалом истых «фрунтовики» являлось довести часть до такой степени совершенства, чтобы штыки ружей, взятых «на плечо», торчали не колеблясь, а ружья звенели при выполнении приемов. Для достижения этого эффекта (сильно умилявшего начальство) многие командиры не останавливались перед порчей оружия, приказывая ослаблять винты.

Основой обучения войск являлось так называемое «линейное учение», принесшее Русской Армии неисчислимый вред. Целью этого учения было приучить войска к стройным движениям в массе. Этого думали достигнуть путем управления войск «по линиям» (откуда и название всей системы), исключительно одной командой. Линейное учение, приняв внешние формы перпендикулярной тактики, влило, однако, в эти формы душу тактики линейной «фридриховской», к которой внуки кунерсдорфских победителей питали совершенно непреодолимое, странное (объяснявшееся, однако, «Гатчиной») влечение, несмотря на окончательное банкротство этой тактики в 1806 г. под Иеной-Ауэрштедтом.

Боевая подготовка войск на маневрах сводилась к картинному наступлению длинными развернутыми линиями из нескольких батальонов, шедших в ногу, причем все заботы командиров — от взводного до корпусного — сводились к одному, самому главному:

¹ Николай I очень любил кадет, со своей стороны обожавших его. При посещении им корпусов кадеты рвали себе на память перчатки, платки Государя, срывали даже пуговицы его мундира и эти реликвии хранили всю свою жизнь.

соблюдению равнения. Эти шедшие в ногу линии обычно не были прикрыты стрелковыми цепями (рассыпной строй — как мы видели — на смотрах не спрашивался)...

Так создавалась на плацах конца александровской и николаевской эпохи какая-то особенная «мирно-военная» тактика, ничего общего не имевшая с действительными боевыми требованиями. Система эта совершенно убивала в войсках, а особенно в командирах, всякое чувство реальности. Все было построено на фикции, начиная с «показных атак» дивизионного и корпусного учения и кончая «показом» заряжания и «показом выстрела» одиночного обучения. Методы, приведшие прусскую армию к катастрофе 1806 года, насаждались, уже много лет спустя, в Русской Армии с упорством, достойным лучшего применения. И лишь благодаря бесподобным качествам русского офицера и русского солдата мы вместо позора Иены получили скорбную славу Севастополя.

Один за другим сходили со сцены деятели наполеоновских войн. Скромно выходили «вчистую», отслужив свое, офицеры и солдаты — ветераны Бородина и Лейпцига. Их места занимали новые люди — те же русские офицеры и солдаты, но не имевшие боевого опыта и боевой сноровки своих предшественников и вообще не думавших о войне, как о конечной цели, не готовившихся к ней, не считавших войну с кем-либо вообще возможным, после того, как мы разгромили всю Европу во главе с самим Наполеоном.

Настоящий воинский дух, бессмертные российские военные традиции в полном блеске сохранили только кавказские полки. Остальные же армии мало-помалу разучились воевать...

Покорение Кавказа. Длившаяся полстолетия, стоившая громадных жертв и принесшая столько славы русскому оружию Кавказская война может быть разделена на три периода.

Первый период с 1816 по 1830 год может быть назван по имени главного героя Ермоловским. Кратковременное командование Паскевича, целиком занятое защитой Кавказа от покушения внешних врагов — Персии и Турции, — составляет одно целое с Ермоловской эпохой и является как бы ее логическим продолжением.

Второй период — 30-е и 40-е годы — это кровавая и грозная пора Мюридизма. Огненная проповедь Кази Муллы и Шамиля владеет сердцами и шашками Чечни и Дагестана.

Перелом в пользу русского оружия при Воронцове открывает собой третий период Кавказской войны, штурм Гуниба и пленение Шамиля наносит мюридизму окончательный удар — и с 1859 по 1865 г. происходит замирение края.

По заключении Гюлистанского мира с Персией можно было заняться устройством новоприсоединенного Кавказского края. Задача эта, вначале казавшаяся просто трудной, оказалась, однако, поистине исполинской.

Кавказ бурлил. Волнения горских племен по-настоящему не прекращались со вступления туда русских войск при Лазареве. Волновались Кахетия, Хевсурия и особенно «осиное гнездо» всего Кавказа — Чечня. Ген. Ртищев, уже лишившийся незаменимого помощника — Котляревского, предпринимал набеги на Чечню, обуздывая хищников, но Император Александр I не одобрял этих слишком решительных мер, требуя проявления к горцам «дружелюбия и снисходительности». Петербург проявлял полное незнакомство с обстановкой, а горцы считали «снисходительный» образ действий за признак слабости русских и все более осмелели.

В 1816 г. расположенные на Кавказе войска были сведены в отдельный Кавказский Корпус. Главнокомандующим же вместо ген. Ртищева был назначен Ермолов. С прибытием героя Эйлау и Бородина в истории Кавказа началась «ермоловская эпоха» — бесспорно самая блестящая ее страница.

Ознакомившись с обстановкой, Ермолов сразу же наметил план действий, которого затем придерживался неуклонно. Учитывая фанатизм горских племен, их необузданное своеволие и враждебное отношение к русским, а также особенности их психологии, новый главнокомандующий решил, что установить мирные отношения при существующих условиях совершенно невозможно. Надо было заставить горцев уважать русское имя, дать им почувствовать мощь России, заставить себя бояться. А этого можно было добиться лишь силой, ибо горцы привыкли считаться только с силой. Ермолов составил последовательный и систематический план наступательных действий. Не спуская горцам ни одного набега, он в то же время положил никогда не делать второго шага, не сделав первого — не начинать решительных действий, не оборудовав предварительно их баз, не создав раньше наступательных плацдармов. Существенную часть плана составляла постройка дорог и просеков, возведение укреплений (топору и заступу Ермолов отводил место наравне с ружьем), и, наконец, широкая колонизация края казаками и образование «прослоек» между враждебными нам племенами путем переселения туда преданных нам племен.

«Кавказ, — говорил Ермолов, — это огромная крепость, защищаемая полумиллионным гарнизоном. Надо или штурмовать ее, или овладеть траншеями. Штурм будет стоить дорого. Так поведем же осаду!»

Ознакомившись с планом Ермолова, Император Александр отдал повеление, в котором как бы резюмировал его сущность: «Покорять горские народы постепенно, но настоятельно; занимать лишь то, что удержать за собою можно, не распространяясь иначе, как став твердою ногою и обеспечив занятое пространство от покушений неприязненных».

Осенью 1817 года кавказские войска были усилены прибывшим из Франции оккупационным корпусом графа Воронцова ¹. В состав этого корпуса входили полки, которым суждено было обессмертить себя подвигами в надвигавшейся почти полувековой военной грозе — Апшеронцы и Ширванцы, Тенгинцы и Куринцы, гренадеры-Херсонцы и егеря-Мингрельцы. С прибытием этих сил у Ермолова оказалось в общей сложности около 4 дивизий, и он мог перейти к решительным действиям.

Положение представлялась в следующем виде: Закавказье оставалось спокойным, но на Кавказской линии обстановка складывалась угрожающе. Правому флангу линии угрожали закубанские черкесы, центру — кабардинцы, а против левого фланга за р. Сунжей гнездились чеченцы — самые отчаянные хищники, пользовавшиеся высокой репутацией и авторитетом среди горских племен. Черкесы ослаблялись внутренними раздорами, кабардинцев косила чума — опасность угрожала в первую очередь от чеченцев.

Весною 1818 года Ермолов обратился на Чечню. Рядом коротких ударов он привел в повиновение всю местность между Терекком и Сунжею, построил крепость Грозную и поселил по Сунже враждебные чеченцам племена, следуя принципу «разделять и властвовать». Обезопасив левый фланг со стороны Дагестана, Ермолов пошел в Аварию, на Дженгутай, где совершенно разгромил скопища аварцев. На зимние квартиры войска стали по Тереку.

В 1819 г. построена в Дагестане крепость Внезапная. Аварский хан пытался было предпринять поход с целью изгнать русских из своих владений, но предприятие это закончилось полной неудачей и он вынужден был покориться ².

В следующем 1820 г. предпринимались экспедиции, расширившие зону нашего влияния. В этом году Черноморское Войско (кубанские казаки) было причислено к Кавказскому Корпусу.

В Дагестане по внешности все обстояло благополучно, но в недрах его тлел огонь — в толщу воинственного его населения стала проникать фанатическая проповедь мюридизма ³.

¹ Корпус Воронцова с 1814 по 1817 г. оставался во Франции и, по свидетельству современников, более других проникся «новыми идеями», так что войска эти (в которых телесные наказания были совершенно выведены из обихода) были не столько «посланы» на Кавказ, сколько «сосланы».

² От Наурской станицы горцы были отражены женщинами-казачками (мужское казачье население было в походе).

³ Слово «мюрид» значит послушник. «Мюридизм» с точки зрения догматической является проповедью неизвестной народу частью Корана — деяний Пророка, т. наз. Тариката. Практически «мюриды»-послушники давали обет посвятить все свои силы и жизнь газавату — священной войне, борьбе с неверными.

Движение возглавил мулла Магомет, стяжавший себе громкую известность под именем Кази Муллы.

В 1825 г. обострение отношений с Персией потребовало присутствия Ермолова в Тифлисе. Его отъезд послужил сигналом к общему восстанию Чечни. Восстание это было усмирено ген. Лисаневичем (н-к 22-й пех. д-ии и Кавказской области), но этот генерал — сподвижник Котляревского и один из первых пионеров русского Кавказа — был предательски убит, как до него были убиты Лазарев и Цицианов. На его место был назначен ген. Вельяминов, и все наши усилия снова обратились на левый фланг линии. В конце января 1826 г. был предпринят зимний поход на Гехи, в Гойтинский лес.

Но дни Ермолова на Кавказе уже были сочтены. Против него давно велись интриги в Петербурге. Ермолов был опальным генералом. Этот большой русский человек своим саркастическим умом и независимым суждением нажил много врагов — и врагов сильных и влиятельных. Не выносивший новых «священносоюзных порядков» и немецкого засилья, этот последний продолжатель традиций екатерининских орлов «пришелся не ко двору» в России 20-х годов XIX века... Лица, запарывавшие шпицрутенами сотни людей у себя в военных поселениях, смели упрекать Ермолова в «жестокости с туземным населением». Инсинуировали о его злоупотреблениях (не приводя сколько-нибудь существенных доказательств) и о его «проконсульских замашках». Приводили, напр., его приказ в 1819 г., которым Ермолов самовольно переименовал полки Кавказского Корпуса и который он не отменил, несмотря на категорические приказания Военного Министерства ...¹

Пятидесятилетняя Кавказская война — школа, подобная петровской Северной войне и суворовским походам, — была благодеянием для Русской Армии.

Благодаря этой войне ей удалось сохранить свои бессмертные суворовские традиции, возжечь ярким пламенем начавший было угасать светильник.

Маленькая часть большой Русской Армии, заброшенная на далекую дикую окраину, свершила здесь великие дела. Ее не коснулись гатчинские вахтпарадные эспонтоны, ее не осквернили шпицрутены поселений военных, ее бессмертный дух не стремились угасить плацпарадной фикцией «линейного учения».

Горсть русских офицеров и русских солдат, не стесняемая тлетворным рационализмом доморощенной пруссачины, показала здесь, на что способен русский офицер, что может сделать русский солдат. Суворовское «мы Русские — с нами Бог!» огненным лучом пронизывает всю эпопею от Иоры и Аскерани до Веденя и Гуниба.

¹ Ермолов приказал полкам меняться наименованиями друг с другом. Апшеронский полк поменялся с Троицким.

В чащах чеченских лесов и на раскаленных дагестанских утесах, в молниеносных рукопашных схватках с отчаянно храбрым противником и в изнурительных напряжениях прокладки дорог и расчистки просек крепла воля, закалялись характеры, создавались легендарные боевые традиции, вырабатывался глазомер начальников и бесстрашие подчиненных. Из одних рождались Котляревские, из других Архипы Осиповы.

И эту свою русскую боевую сноровку, эти боевые традиции, эту Науку Побеждать кавказские полки передавали из поколения в поколение, показывали ее во всех своих дальнейших встречах со врагом — при Баш-Кадлыкларе и Кюрюк-Дара, в хивинских и текинских походах, на Аладае и при Деве Бойну и после, много лет спустя при Сарыкамьше и Эрзеруме, под Ивангородом и Козеницами, на Бзуре и на Сане...

Вот почему нам должна быть бесконечно дорога каждая капля русской крови, пролитая здесь, между тремя морями, должен быть дорог каждый выпущенный здесь патрон. И должна быть священной память всех вождей, командиров и рядовых бойцов, не давших угаснуть русскому духу.

Вечной благодарностью вспомним мы имена Карягина, Котляревского и Ермолова. Они явились творцами и основоположниками Кавказской Армии. Воздадим должное Паскевичу, прославившему русское оружие под Эриванью и Эрзерумом. Преклонимся перед памятью Слепцова и Пассека, запомним навсегда имена капитана Лико и Архипа Осипова, Гаврилы Сидорова и трех гергебильских героев. И оценим Воронцова и Барятинского, Клюки и Муравьева, Фрейтага Лисаневича и Евдокимова... Чтоб постичь высоты духа, творившего из них героев, приведем здесь один приказ.

«Товарищи, пора собираться в поход. Осмотрите замки, отточите штыки, поучитесь колоть наповал. Наблюдайте всегда и везде тишину, наблюдайте порядок и строй. В дело дружно идти, в деле меньше стрелять — пусть стреляют стрелки, а колонны идут и молчат. По стрельбе отличу — кто сробел, а кто нет — робким стыд, храбрым слава и честь. Без стрельбы грозен строй, пусть стреляют враги. Подойдите в упор, а тогда уже ура. А с ура — на штыки и колите, губите врагов. Что возьмете штыком, то вам Царь на разживу дает. Грозны будете вы, страшны будете вы татарве, нечестивым врагам. Осенитесь крестом, помолитесь Христу — и готовьтесь на славу, на бой!»

Чтоб отдать такой приказ, надо было иметь сердце солдата и душу поэта. По чеканности слога, мужественности и мощи размера, скрытой в этих строках торжествующей (хоть и не всякому доступной) победной музыки во всей русской словесности с ним могут сравниться лишь «Заветы Викинга» Жуковского. Это — последний приказ генерала Пассека,

отданный им своим Апшеронцам перед выступлением в Даргинский поход, откуда ему не суждено было вернуться...

Войска имели достойных командиров. Но и командиры имели достойные войска!..

Исследуя боевую работу русских войск в эту тяжелую войну, мы не можем не поразиться разницей между героическим неумением воевать на Дунае и в Крыму — и блестящими победами Кавказской Армии.

Тут — генералы, заколотые в штыковом бою, но своевременно не сумевшие распорядиться... Сбивчивые приказания и путаные контрмарши... Застывший под ядрами строй, смыкающий ряды и подравнивающий носки в ожидании приказа, который будет отдан лишь тогда, когда окажется невыполнимым... Батальный огонь, не причиняющий особенного вреда противнику; колонны, атакующие в ногу, с соблюдением равнения на середину, с потерей половины состава — и без всякого результата... Эти войска учились воевать — и платили за уроки кровавой ценой — хоть и брали за то полную дань восхищения врага. Эти войска отстаивали свои «ложементы» до последней капли крови, но были бессильны вырвать победу из рук врага. Они умели (и как умели!) умирать, но не умели побеждать, не имели «сноровки к победе».

Этой «сноровкой к победе» как раз в избытке наделены кавказские полки. Те же русские офицеры, те же русские солдаты, но воспитанные и закаленные совершенно в другой школе!

Одни воспитаны в «школе Паскевича» на шагистике линейного учения и очковтирательстве военных поселений. У других в недавнем прошлом — Гимры и Ахульго. Свои заветы они получили от Ермолова и Котляревского, как те от Суворова. На Кавказе дерется и побеждает армия Петра Великого — в севастопольских траншеях агонизирует армия Императора Павла..

На Кавказе никому и в голову не пришло бы ослаблять ружейные болты, чтобы ружья «звенели» на приемах. Тут винтовка всегда в порядке и всегда бьет метко. Парады, может быть, не столь картинны, штыки, быть может, кое-где и «колеблются» — зато в бою уходят в грудь врага по самую шейку. Традиции Котляревского, традиции Асландуза — «на пушки, братец, на пушки!» соблюдаются свято, да и немудрено: башкадыкларские карабинеры — родные сыновья асландузских егерей.

Утверждать, что на Кавказе и на Дунае «противники были разные», не приходится: при Ольтенице были такие же турки, что и при Баш-Кадлыкларе, — разные лишь русские командиры и разно обучены их войска.

Равным образом следует опровергнуть ходячее мнение, что основная причина наших неудач заключается, якобы, в «лучшем вооружении» союзных войск. Французская пехота вся проделала Крымскую кампанию с кремневым ружьем образца 1777 г., утвержденным еще Людовиком XVI. Нарезное оружие имели только зуавы (3 полка) и пешие егеря (5 батальонов) — пропорция примерно та же, что и у нас (1 б-н на корпус и кроме того полурота штуцерных на полк). Англичане были все вооружены нарезными «рифлями», но англичан-то как раз и били.

Наша армия в Крыму была побеждена «французской Кавказской Армией». Все дравшиеся в Крыму французские полки прошли суровую боевую школу африканских походов, во всех отношениях сходную с кавказской. У их начальников был боевой глазомер — у наших был лишь плацпарадный — для войск Боске, Канробера и Мак-Магона война была привычным делом — совершенно как для войск Пассека, Бебутова и Врангеля. Четыре года спустя — в 1859 году в Италии — французские командиры и войска пожнут новые лавры, разгромив закосневшую в рутине Австрию, и победитель Малахова Кургана станет герцогом Маджентским, не подозревая, какой конец готовит судьба его боевой карьере...

Французская армия не имела чего-либо подобного нашей Военной Академии — и наши старшие начальники были, конечно, образованнее французских (не говоря уж о традиционных военных невеждах — англичанах). Однако приобретенные им в школе Жомини познания имели исключительно отвлеченный, канцелярский характер — и наши военные столоначальники, блиставшие в канцеляриях и на полигонах, оказались беспомощными применить свои теоретические познания на практике в чуждой им органически боевой обстановке — на войне, к которой они не готовились и о которой они серьезно никогда не помышляли. Уступая им в академизме, в отвлеченном знании, французские командиры превосходили их в искусстве, в умении — и это обстоятельство оказалось решающим.

Обращает на себя внимание то, что к активному участию на Восточной войне не были привлечены такие крупные деятели, как победитель Гергея ген. Ридигер, которого современники считали единодушно лучшим боевым генералом царствования Николая I, и ген. Лидер, столь блестяще зарекомендовавший себя в Трансильвании. Оба они обречены на бездействие, тогда как действующие войска были вверены Меншикову и Горчакову. Совершенно так же, отправляясь на войну 1877 года, не подумают о Тотлебене и Леере, а Скобелеву не дадут сперва и роты.

Показателем высокой доблести русских войск в эту войну служит отсутствие трофеев у неприятеля. Альма, Инкерман, Черная — жестокие поражения, но врагу здесь не отдано ни одного знамени, ни одной пушки. За всю кампанию в полевых боях нами потеряно лишь 6 орудий — в неудачном конном деле у Евпатории, захвачено же одно знамя и 11 орудий (при Балаклаве). В плен русские не сдаются — количество пленных составляет не свыше 4 процентов потерь за всю кампанию, и все это — раненые, оставшиеся на поле сражения.

Злоупотребления в интендантской части превзошли все наблюдавшиеся до сих пор ¹. Разгул глубокого тыла, где шампанское лилось рекой, был умопомрачителен. В этом отношении, как в очень многих других, Восточная война явилась как бы прототипом войн, веденных Россией впоследствии.

В общем же, Русская Армия, воевавшая у себя дома, потерпела поражение от неприятельского десанта, подвезенного за три тысячи верст! Жестокая расплата за сорок лет застоя. На язвы, раскрывшиеся решительно во всех отраслях нашей военной системы, и обратилось все внимание начинавшегося царствования...

5. Русское общество и армия в эпоху реформ Александра II

Военные преобразования Александра II, совершенно изменившие облик Армии, явились одной из составных частей всех реформ Царя-Освободителя. Раньше, чем приступить к их изложению, нам необходимо напомнить в общих чертах сущность этих реформ, дав краткую характеристику и русскому обществу в том виде, в каком оно сложилось в середине XIX века.

Великие политические события первой четверти столетия, расцвет русской словесности во вторую вызвали могучее движение умов в тогдашнем обществе и вообще читавшей и мыслящей России. Этому способствовало и развитие среднего и высшего образования, понемногу становившихся общедоступными. Результатом такого обширного интеллектуального процесса явилось создание нового, как бы внесловного класса интеллигенции. Явление это было в высшей степени характерным и ярко подчеркивало

¹ «Начиная от Симферополя, — пишет один из севастопольцев, - далеко внутрь России, за Харьков и за Киев, города наши представляли одну больницу, в которой домирало то, что не было перебито на севастопольских укреплениях. Все запасы хлеба, сена, овса, рабочего скота, лошадей, телег – все было направлено к услугам армии. Но армия терпела постоянный недостаток в продовольствии; кавалерия, парки не могли двигаться. Зато командиры эскадронов, батарей и парков потирали руки... А в Николаеве, Херсоне, Кременчуге и других городах в тылу армии день и ночь кипела азартная игра, шел непрерывный кутеж, и груды золотых переходили из рук в руки по зеленому полю. Кипы бумажек, как материал удобоносимый, прятался подальше. Даже солома, назначенная для подстилки под раненых и больных воинов, послужила источником для утолщения многих карманов».

огромную разницу между русским обществом и западноевропейским. Там главным мерилom, определяющим критерием был кошелек — общество создавалось по признаку материального благополучия. У нас в России в XVIII веке мерилom явилась сословность, а в XIX общество создавалось по признаку интеллектуальности. Русская «интеллигенция» не имела ничего общего с западноевропейской «буржуазией». В Европе интеллектуальность, универсальная культура — удел очень небольших замкнутых кружков, у нас же она затронула самые широкие круги.

С самого начала — еще в сороковых годах — в интеллигенции наметилось два основных течения. Одно из них искало света на Западе, наивно преклоняясь перед всем тем, что носило европейский «штамп», и хуля все русское — ненавистные «русские порядки» в первую очередь. Другое течение, наоборот, отстаивало русскую самобытность; считало раболепство перед духовно нищей Европой унижительным и вообще бессмысленным, указывало на все глубокое различие основ русской культуры от западной и вообще считало Запад «прогнившим».

Представители первого течения — сторонники благоговейного равнения по границе — получили название «западников», представители второго течения — патриархально-националистического — «славянофилов». Западники отстаивали начала рационалистические — славянофилы ратовали за начала спиритуалистические.

Борьба этих двух течений закончилась полной победой западников, к которым примкнула огромная часть интеллигенции, замороженной модными рационалистическими теориями западной философии, преимущественно немецкой. От Вольтера, чрез Гегеля — к Марксу — таков был путь «передовых» (какими они себя искренне считали) мыслящих русских людей.

Значение славянофилов постепенно сошло на нет. В этом виноваты, главным образом, они сами, не сумев создать прочной базы своему учению, не разработав его научно. Им не хватало «диалектики» их противников, а самое главное, не хватало государственного образа мыслей (которым так или иначе были наделены «петербургские столоначальники» — объект добродушного брюзжания московских славянофильских кружков). Государственные идеи славянофилов поражают своей наивной, чисто детской трактовкой. Сознывая все капитальное значение Православной Церкви в истории Русского Государства, они не сумели сделать вывода, который сам напрашивался: необходимости освобождения Церкви от гнета светской власти, гнета, парализовавшего всю церковную жизнь страны. Отдавая себе отчет в огромных преимуществах самодержавно-монархического строя как единственно возможного для России, они в то же время смотрели не вперед — на охватившую два континента

Империю, а назад — на прогнившее царство дьяков-крючкотворцев XVII века упадочной эпохи Царя Алексея. У славянофилов не было мехов для их прекрасного по качеству вина. Их движение запоздало на полстолетия, а то и на больше — русское общество середины XIX века считало уже себя «слишком ученым» для того, чтобы им удовлетвориться. По той же причине правительство Александра II (а затем и Александра III) не придавало советам славянофилов никакого значения — неумелая и «негосударственная» трактовка обесценивала в глазах «столоначальников» самую сущность идеи.

Пятидесятые и особенно шестидесятые годы характеризовались стихийным «левением» русского общества, превращением его из «оппозиционного» в «революционное». Стоило лишь объявиться в Европе какому-нибудь радикальному материалистическому учению, как неизменно русская общественность оказывалась на «левом» его крыле. Антигосударственные теории охватывали это духовно неокрепшее общество с быстротой пожара, охватывающего сухой валежник.

Разрушительные микробы не встречали никакого противодействия в общественном организме. Интеллигенция вырывала из себя, втаптывала в грязь все, что было в ней как раз самого ценного и сильного — свое национальное лицо, свою национальную совесть, свое русское естество. Вырвав, вытравив из себя все свое, природное, Русское, более того — прокляв его, русская интеллигенция сама себя обезоружила, сама лишила свой организм сопротивляемости. И семена убогого, псевдонаучного материализма дали бурные всходы на этой морально опустошенной ниве. Русский радикальный интеллигент уподобился сибирскому инородцу — остяку либо тунгусу, падкому до «огненной воды» и гибнущему от нее на третьем поколении по той причине, что его организм лишен сопротивляемости ее разрушительному эффекту. «Огненная вода» Бакунина и Маркса и привела к гибели этих образованных (подчас даже ученых) «дикарей», на четвертом их поколении. Противоядие совершенно отсутствовало, у русской радикальной интеллигенции не было в прошлом пятнадцати веков рационалистической римской культуры, позволившей Западу преодолеть марксизм. Духовную же сокровищницу Православия она проглядело...

В более «умеренных», то есть не столь радикально-революционных кругах господствовало преклонение пред европейским либерализмом. Материализм и марксизм тут осуждать боялись из страха прослыть «отсталыми» (смертный грех, которого русское общество больше всего боялось и никогда не прощало). Однако главной идеей этих кругов была мистика Прогресса (с большой буквы), мистика, проникшая и в правительственные и даже в высшие военные сферы. Преклонение перед Европой и здесь составляло основу мышления, с той только разницей, что если радикальные, революционные круги вбирали в

себя отбросы европейской мысли с надеждой превзойти учителей, «сказать миру новое слово» и засадить человечество в свиной хлев усовершенствованного в России марксизма, то вождения кругов либеральных были более скромными. Они не тщились «сказать миру новое слово», все помыслы их были направлены к тому, чтобы «идти вровень с веком», «подняться до уровня Европы». Своего русского естества здесь стеснялись, национализм считали «зоологическим понятием». Все русское огульно осуждалось, объявлялось «отсталым». Создался культ некоего гуманного, просвещенного, мудрого сверхчеловека — «европейца», типа, на Западе в действительности не существовавшего.

Реформы Царя-Освободителя совпали с этим стихийным процессом «полевения» общества. Они не только не остановили его, но косвенно даже способствовали ему...

Главной реформой было уничтожение рабства. Эта капитальная реформа носила, однако, половинчатый характер. Крестьяне освобождались без земли, точнее, без своей земли. Заветная их мечта не получила осуществления — земля осталась за «миром» — общиной (известную отрицательную роль сыграли здесь славянофилы, доказывавшие, вопреки самой природе, что аграрный коммунизм свойствен русскому крестьянству). В первые же недели по объявлении воли сказались последствия этого рокового заблуждения. Повсеместно происходили бунты крестьян, утверждавших, что «господа настоящую золотую грамоту о воле утаили», а пустили подложную — «без царской печати и без земли». Более чем в 200 случаях пришлось прибегнуть к вызову воинских команд и применению оружия. Убитые и раненые в ту весну 1861 года считались сотнями во всех концах России. Разорив дворянство, реформа не удовлетворила чаяний крестьянских масс, не утолила их земельной жажды. Ненависть крестьян к помещику с тех пор лишь усилилась.

Судебная реформа 1864 г. даровала «суд скорый, правый и милостивый», равный для всех сословий. Характерной чертой русского суда являлась его неподкупность и редкая независимость, столь отличавшая его от продажной западноевропейской магистратуры, целиком находящейся в руках политических партий, финансовых кружков и политической полиции.

Наконец, земская реформа вводила широкую и либеральную децентрализацию страны. Императорское правительство добровольно уступило русскому обществу, русской общественности все те отрасли, где, по его мнению, общественная деятельность могла оказаться полезнее правительственной деятельности (в силу того, что «местный лучше судит»). Такой широкий либерализм на много десятилетий опередил «передовую Европу» (где о подобной децентрализации и частной инициативе не смели и мечтать). Но им сразу же

злоупотребила русская либеральная и радикальная общественность. В ее руках земский аппарат оказался мощным антиправительственным орудием.

Все эти реформы явились слишком поздно. Освобождение крестьян запоздало на полстолетия. Манифест «Осени себя крестом, православный народ» должен был быть прочтен Александром Благословенным в тот рождественский сочельник, когда на льду Немана его верная армия служила благодарственный молебен о избавлении Отечества от двадцати язык. 19-го же февраля 1861 года надлежало провести «стольпинскую» реформу отрубов 1911 года, тоже запоздавшую, по меньшей мере, на полстолетия.

Одновременно с этими правительственными мероприятиями и общественными сдвигами огромными шагами развивалась экономическая жизнь страны. За одно какое-нибудь десятилетие 1861–1870 Россия стала неузнаваемой. Была сооружена внушительная ж. д. сеть («железнодорожная горячка» конца 60-х и начала 70-х гг.)¹. Создалась промышленность — возник петербургский фабрично-заводской район. Создался и совершенно новый класс населения — городской пролетариат. Бывшие дворовые и крепостные крестьяне массами потянулись за заработком «на фабрику» в города. Утратив мало-помалу связь с землей, приобретя «городские» привычки, класс этот не мог их удовлетворить по скудости средств. Отсюда родилась зависть и ненависть к «богатым», жизнь которых протекала на виду этих деклассированных крестьян — вчерашних рабов помещика, сегодняшних рабов машины, мало-помалу ставших понимать обреченность и беспросветность своего существования. Так возникло «классовое самосознание», обострившееся к тому же невыносимыми условиями жизни и работы этого пролетариата (отметим хотя бы эксплуатацию детского труда, ужасную и бесконтрольную).

Шестидесятые годы, знаменовавшие собой наступление «века пара и электричества» и торжество «прогресса», можно сравнить лишь с концом девяностых годов XVII века и началом семисотых... Рушились вековые устои Святой Руси, исчезали крепкие патриархальные нравы и обычаи, сохранявшиеся в народе еще в Николаевские времена. Происходила всеобщая ломка и всеобщая нивелировка.

Но эта ломка и эта нивелировка ничуть не заполнили той пропасти, что создалась при Петре I между обществом и народом, когда-то составлявшими единую Русскую Нацию. Наоборот, пропасть эта стала шире и глубже. Социальные противоречия еще более обострились. Капитальным же событием, определившим жизнь России на три четверти

¹ В 1857 г. открытых для движения ж.д. считалось лишь 979 в. В 1863 — уже 3071 верста, в 1867 — 4243 в., в 1870 — 7654 в., в 1876 — уже 17658, а к концу царствования, в 1881 г., — 21900. В 60-х гг. ежегодно открывалось по 500 в., в 70-х — по 1400 в. Постройка велась почти исключительно частными концессионерами, выкуп в казну начался при Александре III, когда обращено серьезное внимание на сооружение стратегических линий.

столетия, следует считать одновременный процесс кристаллизации двух новых классов: «наверху» — интеллигенции, «на низах» — пролетариата.

Нарождался «социал», вначале незамеченный Правительством, впоследствии им недооцененный.

Севастополь исцелил русскую внешнюю политику от мистицизма. Священный Союз канул в вечность. Идеализм, однако, остался, и политика наша носила все это царствование характер sentimentalный и переменчивый, в зависимости от случайных настроений. Руководящая идея в русской внешней политике совершенно отсутствовала, и канцлера Горчакова нельзя даже издали сравнить с его замечательными современниками: Бисмарком, Кавуром, Андраши и Дизраэли, мастерски заправлявшими европейской политикой за счет России...

С Австрией отношения раз навсегда испортились, с Францией они стали натянутыми, с Англией все время можно было ожидать разрыва. Все дружеские излияния петербургского кабинета обратились в Берлин — столицу «нашего традиционного друга». Традиционный этот друг не замедлил использовать в своих целях такой выгодный для него оборот дел.

Период с 1863 по 1875 г. явился расцветом тесной русско-прусской дружбы, далеко выходящей за рамки простого дипломатического союза. С русской стороны дружба эта носила характер прямо душевный, с прусской — Вильгельм I лично платил своему царственному племяннику тем же...

Военные преобразования Александра II мы можем разделить на два периода — переходный «домилютинский» и основной «милютинский». Первый период — частичные реформы в рамках старой николаевской армии, второй — создание армии нового типа.

Первые мероприятия нового царствования имели целью раньше всего облегчить ставшее непосильным для страны бремя военных расходов. Решено было произвести сокращение непомерно разросшейся вооруженной силы, увеличив в то же время ее боеспособность, — пожертвовать в количестве, выиграть в качестве.

Еще осенью 1855 года, после падения Севастополя, была учреждена «Комиссия для улучшений по воинской части» под председательством главнокомандующего Гвардией и Гренадерами ген. гр. Ридигера. Старик Ридигер — лучший боевой генерал Императора Николая Павловича, сразу вошел в суть дела, усмотрев главное зло в чрезмерной централизации нашей военной системы, умерщвляющей всякую инициативу. Ридигер наметил ряд мероприятий по децентрализации — в первую очередь увеличение прав и ответственности командиров и дивизий, предоставление им возможно больше

самостоятельности. Осуществить все эти мероприятия победителю Гергею не пришлось — он умер уже в 1856 г.

К 1 января 1856 г. сухопутные силы России составили круглым числом 37000 оф. и 2226000 н.ч. из коих 32500 оф., 1742.000 н.ч. регулярной армий. За время войны с 1853 по 1855 г. было поставлено 866000 рекрут, призвано 215000 бессрочно отпускных, образовано наряду с 31 полев. пех. д-ей еще 11 рез. пех. д-ии к-са — Гв. Резервный и Балтийский.

Коронационным манифестом 1856 г. Имп. Александр II отменил рекрутские наборы на три года. Одновременно срок действительной службы был с 19 лет сокращен на 15. В этом году уволено «вчистую» 69000 чел., в бессрочный отпуск 421000 (гл. обр. севастопольцев, которым месяц считался за год). Расформированы 4 рез. дивизии, а остальные 7 приведены в кадровый состав. Кроме того распущено ополчение, не принесшее России в эту войну никакой пользы, и большая часть казачьих войск¹. С 2300000 вооруженные силы сведены на 1300000...

К 1862 г. армия мирного времени составила 800000 чел. — в три раза меньше росписи 1856 г. и в полтора раза меньше штатов мирного времени предыдущего царствования. Средний возраст солдата был около 35 лет — моложе 27 л. людей вообще не было, т.к. наборов не производилось шесть лет...

Из штатов Армии исключены упраздненные кантонисты и пахотные солдаты — последние остатки поселений.

Для приведения всей Армии на военное положение требовалось 6 месяцев.

Братья Государя получили высокие назначения. Вел. Кн. Константин Николаевич был назначен генерал-адмиралом, Вел. Кн. Михаил Николаевич — ген.-фельдцейхмейстером, а после смерти ген. Ростовцева (в 1861 г.) и гл. н-ком военно-учебных заведений...

Центр тяжести всех намечавшихся преобразований заключался в этой общей децентрализации. Проведение ее оказалось делом многотрудным. Назначенный министром по уходе на покой в 1856 г. фельдм. кн. Чернышева ген. кн. Долгорукий 1-й уже через несколько месяцев был заменен ген. Сухозанетом 2-м (брат известного н-ка Академии). Сухозанет 2-й пробыл военным министром с 1856 по конец 1861 г. При всех своих хороших качествах строевого командира он не обладал, однако, достаточно широким кругозором и

¹ «Ополчение 1855 г. стоило России дорого, оторвало от плуга 300000 человек, которые не только не принесли на войне решительно никакой пользы, но были бременем для армии и государства. В августе и ноябре 1855 г. прибыли в Крым дружины ополчения Курской, Орловской, Калужской и Тульской губ., а к началу марта следующего года половина их уже лежала в госпиталях, одержимая лихорадками и тифозными горячками, и между ними открылась страшная смертность... Ополчение представляло беспорядочную толпу мужиков, которых нельзя было употребить в дело против образованных европейских войск» (Затлер).

был несомненным рутинером, усвоив формы, но не будучи в состоянии проникнуться основной идеей намеченной Ридигером децентрализации.

В конце 1861 г. Сухозанет получил назначение в Польшу, а 9-го ноября на его место был назначен ген. Милютин.

Человек в высшей степени просвещенный, гуманный и образованный, ген. Д.А. Милютин обладал выдающимися административными способностями. Его противники видели в нем «кабинетного человека». Упрек, по форме не совсем обоснованный, — Милютин обладал боевым опытом Кавказской войны, где был ранен и где в конце концов занимал должность н-ка штаба Кавказской Армии при кн. Барятинском. По существу, он был безусловно человеком «кабинетного образа мыслей» и бюрократической складки. Воспитанник частного гражданского пансиона и московского университета, он, имея военный ум, не имел военной души, военного сердца, строевой жилки. Благодаря этому, ему не удалось стать вторым Румянцовым, а сообщенный им Русской Армии «нестроевой» уклад не принес ей счастья.

Милютин посмотрел на дело преобразования Армии очень широко, расширив и углубив идеи Ридигера.

В ноябре состоялось его назначение, а через два месяца, 15-го января 1862 г., он представил Государю свой знаменитый доклад, имевший последствием коренное преобразование всей военной системы России.

Отметив весь вред, принесенный войскам чрезвычайной децентрализацией их управления, Милютин предложил упразднить все высшие строевые инстанции — штаб 1-й армии и корпуса. Мотивировал он эту реформу тем, что, как показал опыт последних войн, корпуса, в силу своей громоздкости (3 д-ии по 16 б-нов) все равно никогда не применялись в полном составе на театре войны и из войск всегда приходилось составлять «отряды», сила которых соответствовала поставленной им цели. Т. обр. язву нашей военной системы — «отрядомании» — Милютин делал нормальным порядком вещей ¹. Высшим административным соединением мирного времени Милютин полагал иметь дивизию.

¹ Вот текст милютинской записки: «Прежнее устройство отличалось крайней централизацией, которая уничтожила всякую инициативу административных органов, стесняло их мелочной опекой высших властей. Такая же централизация со всеми ее вредными последствиями была развита и в строевых управлениях войск, где недостаток инициативы в частных начальниках, в особенности в военное время, проявлялся уже не раз и приводил к самым печальным результатам. Войска и в мирное время оставались соединенными в дивизии, корпуса и армии и т. обр. содержались все штабы от дивизионных до гл. штаба армии включительно. Хотя такой системе и приписывалась та выгода, что в случае приведения на военное положение армия имела уже готовые штабы и войска выступали в поход под начальством знавших их и знакомых им начальников, однако эти выгоды не вполне осуществлялись. На практике весьма редко случалось, чтобы не только армии, но даже и корпуса действовали на театре войны совокупно в нормальном своем составе мирного времени. Гораздо чаще, по разным стратегическим соображениям, на самом театре войны сформировались отряды из войск разных корпусов, для которых учреждались отрядные штабы. Так, в войну 1853–56 гг. ни один корпус действовавшей

Децентрализацию он решил начать с Военного Министерства, сохранив за ним лишь общее направление и контроль, и возложить исполнительную часть на особые местные органы — Военные Округа.

Военный Округ должен был явиться связующим звеном между центром и войсками. Начальник его — командующий войсками — имел права к-ра отдельного к-са (командующего армией) и сочетал в себе также обязанности военного ген. губернатора и н-ка внутренней стражи.

Это — существенная часть записки и существенная часть произведенной на ее основании реформы.

Переходя к устройству войск, Милютин подчеркнул ту аномалию, что Россия, содержа в мирное время вдвое, а то и втрое больше войск, чем первоклассные европейские державы — Пруссия, Австрия и Франция, — в военное время еле выставляет столько же войск, сколько каждая из этих держав. В мирное время у нас 766000 чел., по штатам военного времени определено иметь 1377000. Разница между штатами мирного и военного времени составляет 611000 чел., но ее нечем заполнить. Обученного запаса (бессрочных) имеется всего 242000, после того как значительное количество было вновь поставлено под знамена в 1859 г. Остальные 369000 будут т. обр. необученные рекруты. В действительности мобилизованная армия сможет составить только 769000 бойцов — т.е. столько, сколько выставляют Пруссия и Австрия — государства, уступающие России своими ресурсами во много раз.

Для искоренения этих опасных недочетов Милютин решил обратить особенное внимание на организацию запаса армии, накопление резервов и сокращение числа нестроевых. В этой последней области он наметил упразднение к-са Внутренней Стражи и сокращение местных войск.

В том же 1862 году приступлено к постепенному расформированию всех существовавших корпусов (Гв., Грен., I–VI пех., Кавказского, I–III кавал.) и осенью образовано четыре Военных Округа — Виленский, Варшавский, Киевский и Одесский. Польский мятеж 1863 г. временно приостановил военно-административную реформу, но уже в следующем 1864 г. учреждены Округа Финляндский, С.-Петербургский, Рижский, Московский, Казанский и Харьковский — и вся Европейская Россия включена в военно-окружную систему. В 1865 г. образованы Кавказский, Оренбургский, Западно-Сибирский и

армии не остался в полном своем составе. Вообще же опыт нескольких последних войн указал, что наши корпуса представляют слишком громоздкие тактические единицы для постоянного употребления на театре войны в целом их сосредоточении».

Восточно-Сибирский Округа, а в 1867 г. в только что завоеванной Средней Азии — Туркестанский (создание округов шло т. обр. с запада на восток и в первую очередь были устроены пограничные).

Одновременно с упразднением корпусов в пехоте упразднены бригады. Командир дивизии (переименованный в «начальника дивизии») имел лишь одного «помощника н-ка д-ии, в Гвардии состоящего при н-ке д-ии». Количество пехотных генералов было этим сокращено на треть.

Объявленный в январе 1863 г. первый за семь лет рекрутский набор послужил сигналом к польскому мятежу. Этот последний вызвал резкий конфликт с Англией, Францией и Австрией — и в предвидении войны Армия была приведена на военное положение.

Было образовано 19 новых дивизий с 22-й по 40-ю. Запасные батальоны пех. полков составили резервные полки соответственных пех. полков, но уже осенью получили собственные наименования. К 1 января 1864 г. в Армии считалось 1137000 чел. Гвардейские и грен. п-ки были тоже приведены в 3 б-нный состав и сформированы крепостные войска. Все пехотные и кав. полки получили нумерацию.

В 1861 г. была произведена частичная демобилизация, но все новосформированные пех. д-ии оставлены и вооруженные силы России составили 31700 оф. и 905000 н.ч. Численность их затем еще более сократилась благодаря сравнительно слабым наборам, интенсивным увольнениям в запас и сокращению в 1868 г. срока службы с 12 на 10 лет. В 1870 г. уже было всего 24800 оф. и 683000 н.ч. С 1871 г. стали производиться сильные (по 130–150000) наборы — и уже в 1871 г. в Армии было 734000 н.ч.

Шестидесятые годы ознаменовались еще другой реформой — военно-учебной.

Воспитанный в частном пансионе, не имевший солдатского сердца, Милютин видел в военно-учебном деле лишь одну сторону — образовательную. Но он прошел мимо другой, главной, стороны — воспитательной, совершенно ее не заметив. Он думал, что штатский гувернер вполне заменит офицера-воспитателя, и не понимал всей важности быть «смолоду и всей душой в строю».

В 1863 г. последовал полный разгром кадетских корпусов. Из 17 оставлено 2 — Пажеский и Финляндский. Остальные преобразованы: 12 — в «военные гимназии», 3 — в пехотные военные училища — Павловское, Константиновское в Петербурге и Александровское в Москве. В эти военные училища были соединены специальные классы упраздненных корпусов. «Военные гимназии» были заведениями с чисто гражданским укладом жизни: в них отменены строевые занятия, роты названы «возрастами», упразднены

звания фельдфебелей и вице-унтер-офицеров. Офицеры-воспитатели в значительной степени заменены штатскими.

Милютин показал себя в этой неудачной реформе плохим психологом. В прекрасных николаевских корпусах (где один воспитатель приходился на трех кадет) учили немногим хуже, а воспитывали гораздо лучше, чем в гражданских учебных заведениях. Из них выходили цельные натуры, твердые характеры, горячие сердца, с ясным, твердым и трезвым взглядом на жизнь и службу. В эпоху разложения общества, какой явились 60-е и 70-е годы, ими, старыми корпусами с их славными традициями, надо было особенно дорожить.

В корпусах воинский дух развивали смолоду. В военных же гимназиях штатские воспитатели стали развивать в питомцах тягу в университет. Те же, кто попал в училища, представляли совершенно сырой, необученный материал. От всего этого Армия только проигрывала.

Военные училища покрывали своими выпусками немногим более трети ежегодной потребности Армии в офицерах. Большую часть офицерского состава давали производства из юнкеров, наименованных Милютиным «вольноопределяющимися»¹. Юнкера эти, по определению просвещенного нашего военного министра, «коснели в невежестве, не получив никакого воспитания». Поэтому с 1864 г. для их подготовки стали учреждаться окружные юнкерские училища, при штабах округов, с годичным курсом, выпускавшие в армию прапорщиков, тогда как военные училища с двухлетним курсом выпускали подпоручиков. Питомцы этих юнкерских училищ — главная масса строевого армейского офицерства — по службе, как правило, далеко не шли. Юнкерские училища комплектовались как вольноопределяющимися, так и воспитанниками «военных прогимназий» с 4-классным курсом. Всего было учреждено 16 юнкерских училищ (11 пех., 2 кавал., 2 смешанных и 1 казачье). Артиллерия и инженерные войска пополнялись исключительно из училищ.

Военная Академия, наименованная в 1856 г. в память своего основателя Николаевской Академией Ген. Штаба, получила ряд преимуществ. В этом направлении особенно многое сделали ген.-ад. Ростовцев — один из главных деятелей реформ Царя-Освободителя и дежурный генерал Штаба Армии Герштенцвейг. В Академию разрешено принимать неограниченное количество слушателей, должности адъютантов в войсковых и окружных штабах и управлениях были предоставлены исключительно офицерам ген. штаба.

¹ Звание «юнкера» с 1864 г. было присвоено исключительно воспитанникам военных и юнкерских училищ. В гвардейских и кавказских полках, хранителях духа и традиций, еще в 80-х гг. вольноопределяющихся продолжали называть юнкерами.

Сам Главный Штаб, однако, был поставлен Милютиним в полнейшую подчиненность Военному Министерству, превращен в один из министерских канцелярских «столов»¹.

В 1868 г. Милютиним было составлено новое Положение о полевом управлении войск, заменившее старое, «централизаторское», Положение 1846 г. Оно поражает своим бюрократическим духом, преобладанием канцелярского элемента над собственно штабным и штабного над строевым. За все время существования регулярной Русской Армии здесь в первый раз ни словом не упомянуто о Монархе. Зато с избытком упомянуто о Министре: весь «полевой штаб» Действующей Армии есть не что иное, как исполнительный орган Военного Министерства, и все Положение клонится к тому, чтобы главнокомандующим был назначен военный министр. Те же идеи будет проводить впоследствии и ген. Сухомлинов.

Самая война ведется, согласно Положению, импровизированными каждый раз для данной цели «отрядами». Если все наши Положения характеризовать лапидарными определениями, то к милютинскому подойдет определение «канцелярско-отрядного». Бюрократическое управление войсками, импровизационное вождение войск. Все это дало Эски Загру и три Плевны...

Венцом всех реформ явилось введение 1-го января 1871 г. всесловной воинской повинности. Почва для этой реформы была подготовлена уже давно — с 19 февраля 1861 г., ничто ей не препятствовало, но наше Военное Ведомство не торопилось с ее введением. Война 1870–71 гг. — победы вооруженного и организованного германского народа над полупрофессиональной армией ветеранов Второй Империи и необученным ополчением юной Третьей Республики заставили серьезно взяться за проведение этого насущного мероприятия.

Слово «повинность», к сожалению, сохранилось и в новом Уставе, согласно которому военнообязанным являлся каждый русско-подданный, достигавший 21 года². Общий срок службы определен в 15 лет: 6 в строю, 9 в запасе (на 35 году жизни запасный увольнялся т. обр. «вчистую»).

Устав о всеобщ. воин. пов. предусматривал самые широкие льготы по семейному положению. Половина военнообязанных, подходивших под эти льготы, вообще

¹ Мы можем видеть всю огромную разницу между германским «Большим Ген. Штабом» и нашим «Гл. Упр. Ген. Штаба». Германский реформатор, Мольтке, проводил реформу с точки зрения Н-ка Ген. Штаба. Русский реформатор Милютин — с точки зрения Военного Министра. Отсюда независимое и с уклоном в сторону войск положение Ген. Штаба в Германии, зависимое и с уклоном в сторону канцелярии положение такового в России.

² «Повинность» вообще означает обязанность и притом неприятную (вексельное: «повинен я заплатить»). Оно не могло годиться в эпоху, когда понятие «солдат» стало «именем общим и знаменитым».

сбрасывалась со счетов. Явке в воинские присутствия подлежала лишь другая половина, из коей в войска назначалось опять-таки менее половины, причем благодаря системе жеребьевки под знамена далеко не всегда попадал физически лучший элемент. При этой системе обширные человеческие ресурсы России за сорок лет с 1874 по 1914 г. были использованы ниже посредственного. Военное Ведомство оказалось не в состоянии их утилизировать, произвести их надлежащий отбор.

Исследователя этого Устава не может не поразить огромный размер льгот по образованию. Вводя эти льготы, Милютин преследовал цель содействовать народному образованию — цель, конечно, благую. Однако при этой системе наиболее ценный в интеллектуальном отношении элемент хуже всего был использован (вольнопределяющиеся 1-го разряда служили всего 6 мес. — ясно, что из них могли получиться лишь очень посредственные прапорщики запаса).

Заимствовав от пруссаков форму идеи, Милютин не заимствовал ее духа. В Германии (а затем и во Франции) никто не имел права занимать казенной должности, и даже выборной, не имея чина или звания офицера или унтер-офицера запаса. Через ряды армии там пропускалось все наиболее ценное, что было в стране, и связь общества с армией была действительной и действенной. У нас поступили наоборот — никакого законодательства на этот счет не существовало, на связь Армии с обществом не было обращено никакого внимания, ценные категории интеллектуального отбора наций были освобождены от призыва в войска либо отслужили заведомо недостаточный срок.

В общем же реформа 1874 г. при всей ее посредственности представляет собою положительное явление исключительной важности. К сожалению, результаты еще не успели сказаться к моменту начала войны с Турцией. 1-го ноября 1876 г. при объявлении мобилизации в Армии считалось 722000 н.ч., в запасе Армии — всего 753000. Некомплект до штатов военного времени достигал 480000 (30 проц.), и его полностью не удалось заполнить призывом 77 года и льготными казаками.

Значительная часть офицерского корпуса — из прежних юнкеров и новооткрытых юнкерских училищ — при всей своей доблести и верности долгу не могла за недостатком подготовки быть на высоте новой тактики, характеризовавшейся действием стрелковых цепей на широких фронтах, огнем скорострельного ружья и требовавшей быстрого использования обстановки и постоянного проявления частного почина. Невыгодные условия расквартирования войск препятствовали подготовке офицерского состава.

Сила рутины линейного учения была велика. Рутинная эта владела еще очень многими старшими начальниками — и ее не могли искоренить половинчатые пехотные уставы 1860 и 1874 гг.

Линейные традиции игнорировали огонь. Новые уставы его недооценивали, считая огневой бой делом лишь небольшой части пехоты стрелков. Достаточно указать на то, что стрельбу стали спрашивать на смотрах лишь с 1871 г. (собственного опыта при Инкермане и на Черной было недостаточно — потребовался расстрел прусской гвардии при Сен-Прива для убеждения в важности стрельбы).

При наступлении в цепь развертывались лишь стр. роты пех. батальонов. Главная масса пехоты — линейные роты — следовала в сомкнутом строю. Беглый огонь вела одна жидкая стрелковая цепь — сомкнутый строй массы знал только один вид огня — залп. О производстве атаки в первый раз упоминается лишь в пех. Уставе 1874 г.

В кавалерии сила рутины была еще сильнее. Ген.-инспектор Вел. Кн. Николай Николаевич Старший боролся с нею, как мог, но не был в состоянии перевоспитать огромную часть старших начальников и штаб-офицеров. Его деятельность сказалась в улучшениях по строевой части.

Боевая подготовка конницы оставляла желать лучшего. Ее руководители сделали ряд ложных выводов из опыта Восточной войны. Считалось, что роль кавалерии «уменьшилась» и что она должна отказаться от удара. Кабинетные кавалеристы приходили к таким выводам неукоснительно после каждой войны¹. Главное внимание обращено на выездку, индивидуальное обучение и подготовку мелких единиц. Разведочная служба была поставлена явно неудовлетворительно, что самым досадным образом сказалось в 1877 г.

Большое внимание обращено на казачьи войска. Роль казаков в Армии, после сокращения вдвое регулярной кавалерии, вообще сильно повысилась. Приняты меры к подготовке офицерского состава и повышению тактического уровня казачьих частей. Этого думали достигнуть путем соединения регулярных и казачьих полков в одной дивизии². В 1875 г. шестиполковые дивизии расформированы и образовано 14 арм. кав. д-ий в 4 п-ка (1-й драг., 2-й — ул., 3-й — гус., 4-й — каз.). В новой кав. д-ии было т. обр. 12 эск. и 6 сот при 2 конн. (или казачьих) б-рях. Кроме того, образована 1-я Донская д-ия — тоже в 4 п-ка.

¹ Блестящая работа наших драгун при Баш-Кадыкларе и Кюрюк-Дара и улан при Балаклавке доказывает скорее обратное. Впрочем, после Кацбаха и Фер-Шампануза мы имели Устав 1818 года.

² Казаки были недовольны этой реформой, считая, что их поместили «на задворках русской конницы» (их полки были четвертыми в дивизии).

В 1860 г. Черноморское и Кавказское войска слиты в одно Кубанское войско. В том же году учреждено Амурское войско, а в 1867 г. — Семиреченское...

Австро-прусская война 1866 г. показала всю важность скорозаряжающегося с казенной части ружья. В 1867 г. на смену переделанным пистонным ружьям были введены игольчатые винтовки Карле, того же 6 лн. калибра со скользящим затвором и бумажным патроном. Однако в скором времени выяснилось преимущество металлической гильзы — и уже в 1869 г. значительная часть армии была перевооружена винтовкой Крика с откидным затвором... и никуда не годным экстрактором. Оба этих образца — Карле и Крика — били на 2000 шагов, но дальность эта совершенно не была использована. Прицелы были нарезаны лишь на 600 шагов в линейных ротах и на 1200 у унт. оф. и в стр. ротах. Радецкому на Шипке пришлось приказывать «целить в верхушки деревьев!»¹

Правда, еще с 1876 г. началось перевооружение Армии превосходными 4, 2 лн. винтовками Бердана: № 1 — с прицелом на 2100 и № 2 — на 2400 шагов. Однако к началу войны их получила едва треть войск — как раз те дивизии, что не были назначены в Действующую Армию. Дальность полезного огня нашей пехоты в кампанию 1877 года была той же, что под Севастополем! Из 48 пех. д-ий ружья Бердана имели 16, Крика — 26, Карле — 6. В период 1878–79 гг. все войска получили винтовку Бердана № 2...

Милютинская децентрализация скоро стала сказываться отрицательным образом. Штабы округов, которым приходилось вестать зачастую 8 и 10 дивизиями пехоты и 2–4 кавалерии, оказались перегруженными работой. Должность бригадного тоже оказалась далеко не такой лишней, как то думали вначале, в 1873 г. ее пришлось восстановить, а в 1874 г. восстановлен Гвардейский К-с.

Рижский В. О. еще в 1870 г. был присоединен к СПб.

В ноябре 1876 г. при частичной мобилизации Армии сформировано 7 к-сов (VII–XII) и Кавказский по 2 пех, и 1 кав. д-ии в каждом). В феврале 1877 г., накануне войны, образовано еще 9 (Гренад., I–VI, XIII и XIV). Во время войны было сформировано еще 18 рез. пех. д-ий (4 в 1877 г. и 14 в 1878 — в предвидении войны с Австро-Венгрией) и 2 крепостные. Всего в эту войну было мобилизовано 39300 оф., 13800 чиновн. и 1626000 н.ч.

В 1678 г. сформирован II Кавк. к-с, а в 1879 образован XV армейский, а все рез. д-ии упразднены. В том же 1879 г. все пех. полки приведены в 4-х б-нный состав путем упразднения стр. рот.

¹ Эта враждебность к огню на дальние расстояния чрезвычайно характерна для нашей Армии. В 1914 г. наша полевая артиллерия вышла на мировую войну с предельным прицелом 1130» (6 с пол.в.), тогда как орудия могли бить на 8 с пол.в.

По росписи 1880 г., в последний год царствования, в Армии считалось 32000 оф. и 894000 н.ч. Из высших тактических соединений имелось 19 к-сов (в 2 и 3 д-ии), 48 пех. и 20 кав. д-ий.

Русская военная мысль продолжала находиться под гипнозом рационалистических прусско-германских доктрин. Поклонение пруссачине изменило только свои формы, идеал потсдамской кордегардии сменился научной методологией «большого генерального штаба». Преклонение перед фухтелями «Старого Фрица» сменилось преклонением перед методами «Великого Молчальника».

Эти методы Мольтке, крупнейшей военно-научной величины второй половины XIX века, стали всецело владеть умами. Величайший рационалист военного дела, действовавший в подходящей для себя обстановке прусской армии — машины, Мольтке добился замечательных результатов в 1866 и 1870 гг. У нас его безоговорочно признали «мировым авторитетом». В то время как французы, оправившись от разгрома, стали изучать Наполеона (прилежным, хоть и не всегда понятливым учеником которого был и Мольтке), у нас вместо того, чтобы изучать Румянцова и Суворова, стали изучать Мольтке. Была допущена роковая ошибка — русская военная мысль окончательно оставлена в иностранном плену. Методы русской стратегии стали несамостоятельными и, как неизбежное следствие несамостоятельности, посредственными, трафаретными. Последствия чудовищной недооценки национального естества военного искусства и преобладающего значения национального элемента в военной науке сказались затем на полях Болгарии, Маньчжурии, Пруссии и Галиции...

Со всем этим заслуги Милютина как военного ученого весьма велики. Он явился родоначальником современной русской военно-научной литературы и пробил первую брешь в рутине. До Милютина была военная схоластика, после Милютина стала военная наука, правда, со схоластическим уклоном.

В деятельности этого преобразователя необходимо все время различать две стороны: военно-научную и военно-административную. В первой из указанных областей творчество Милютина было благотворно — он сдвинул военную науку с мертвой точки, создал благоприятные условия для ее развития. В области же административной его деятельность следует признать отрицательной — Милютину также «не хватало Румянцова», как впоследствии Куропаткину «не хватало Скобелева».

Положительные результаты милютинских реформ были видны немедленно (и создали ореол «благодетельного гения» Русской Армии), отрицательные же результаты выявились

лишь постепенно, десятилетия спустя, и с полной отчетливостью сказались уже по уходе Милютин. Военно-окружная система внесла разноречивую в подготовку войск (каждый командующий учил войска по-своему). Положение 1868 г. вносило в полевое управление войск хаос импровизации, узаконило «отрядную систему». Однако все эти недочеты бледнеют перед главным и основным пороком деятельности Милютин — угасанием воинского духа.

Милютин бюрократизировал всю Русскую Армию сверху донизу. Во всех уставах и положениях он провел преобладание штабного (с канцелярским уклоном) элемента над строевым, подчинение строевых начальников штабам и управлениям ¹. Военному организму был привит невоенный дух...

Это катастрофическое снижение духа, моральное оскудение бюрократизированной армии не успело сказаться в ощутительной степени в 1877–78 гг., но приняло грозные размеры в 1904–05, катастрофические в 1914–17 годах.

Но уже в ту эпоху ломки старых традиций, канцелярской нивелировки и просвещенного рационализма номерных полков раздался предостерегающий голос. Из рядов Армии, из первого ее ряда, выступил защитник попорченных духовных ценностей. Это был первый кавалер Георгиевской Звезды нового царствования, сокрушитель Шамиля фельдмаршал кн. Барятинский.

Суровый воин, солдат Божией милостью, он своим «внутренним оком» (как сказал бы Румянцов) угадывал беды, которые несет родной Армии новый, «нестроевой» уклад жизни, чувствовал всю опасность угашения духа, осуществляемого его бывшим начальником штаба. «Боевой дух армии, — писал он Государю, — необходимо исчезнет, если административное начало, только содействующее, начнет преобладать над началом, составляющим честь и славу воинской службы». Фельдмаршал подверг обстоятельной критике милютинское Положение о полевом управлении войск, указывая на его бюрократический характер. Приведем существенную часть этой пророческой записки. «Зачем учреждения военного времени истекают у нас из учреждений мирных? — спрашивает Барятинский. — Т.к. армия существует для войны, то и выводы должны бы быть обратными. Между тем, новое военное положение вышло из нынешнего мирного, послужив ему основанием, рамой. На военный устав 46 г. никто не жаловался, напротив, военными людьми всего света он признан за совершенство». Фельдмаршал находил в новом Положении «унижение воинского начала

¹ В армии Мольтке н-к штаба д-ии был обычно в чине майора, к-са подполк., самое большое полковника. У нас — на 2 чина выше. Германский н-к шт. д-ии считал за честь получить батальон, у нас он считал себя обойденным, получая полк. Борьба со строевым духом сказывается и в мелочах. К-ры дивизий переименованы в «н-ков», отменено распоряжение носить орден Св. Георгия выше всех прочих орденов.

перед административным, основанным у нас теперь на двойственной полуподчиненности и на оскорбительном чувстве взаимного недоверия, несвойственном военному духу»... «От военного министра не требуется боевых качеств: он должен быть хорошим администратором. Оттого у нас он чаще назначается из людей неизвестных армии, в военном деле мало или вовсе опыта не имеющих, а иногда не только в военное, но и в мирное время никогда солдатами не командовавших. Впрочем, неудобств от этого быть не может, если военный министр строго ограничивается установленным для него кругом действий. Вождем армии избирается по другому началу. Он должен быть известен войску и Отечеству своей доблестью и опытом... Новое положение умаляет власть и должность главнокомандующего, поставленного в полную зависимость от центрального военного управления, получившего значение гофкригера... Управление армией понижено в значении, н-к штаба поставлен в зависимость вредную и небывалую от военного министра». «Армия на войне подобна кораблю на океане, снаряженному сообразно указанной ему цели; он заключает в самом себе все средства существования и успешности. Как корабль, армия составляет независимое целое, доверенное главнокомандующему на тех же основаниях самостоятельной отдельности, как корабль отдается капитану, посылаемому вокруг света. В этом уподоблении заключается та непогрешимая и священная истина, которая до сих пор служила основой нашего устройства на войне. При составлении нового положения военн. мин. следовало прежде всего оградить эту основу от всяких посягательств. Вместо того, в задачу составителям Положения поставлено было сохранить прежде всего неприкосновенность отношений, установленных для мирного времени между министром и армией. Значит, с самого же начала нарушено было должное отношение между главными сторонами дела. Нельзя применять во что бы то ни стало незыблемое к условному». К несчастью, вера в научный авторитет Милютин взял верх у Государя над привязанностью к другу детства, медаль Академии Наук перевесила Георгиевскую Звезду. И милютинское Положение 1868 года было оставлено, пока не захлебнулось в крови Третьей Плевны...

Румянцовская школа дала нам в административном отношении Потемкина, в полководческом — Суворова. Милютинская школа смогла дать лишь Сухомлинова и Куропаткина.

Семена просвещенного, но бездушного рационализма — «Зубы Дракона», посеянные в шестидесятых годах, — дали всходы маньчжурского гаоляна и жатву безотрадных полей мировой войны. Исследуя бюрократию Сухомлинова, полководчество Куропаткина и Жилинского, сдачу Клюева и Бобыря, дезертирство Благовещенского и Мышлаевского, мы

всегда наткнемся на первоисточник зла — на то оскудение духа, что явилось результатом уклада, сообщенного Армии графом Димитрием Алексеевичем Миллютиным...

6. Русская Армия конца XIX и начала XX века

Царствование Императора Александра III именуется «эпохой реакции». Если слово «реакция» понимать в его обывательском и упрощенном смысле — как противовес «либеральным реформам», усиление полицейских строгостей, стеснение печати и т. под., то этот термин здесь, конечно, неуместен. Но если под «реакцией» понимать ее первоначальное (и единственно правильное) значение, то характеризовать этим клиническим термином внутреннюю политику Российской Империи 80-х и 90-х гг. не приходится. Реакцией называется активное противодействие разрушительным возбудителям человеческого организма (а перенеся этот термин в плоскость политики — организма государственного). Противодействие это выражается в выработке организмом противоядий этим разрушительным началам (в государственной жизни эти противоядия именуется национальной доктриной, твердой народной политикой).

Никакого противоядия разрушительным началам, все быстрее расшатывавшим здание построенной Петром Империи, в русском государственном организме выработано не было. Болезнь все ширилась и въедалась в этот организм, нисколько ей не сопротивлявшийся и не хотевший ей сопротивляться. Общество радостно приветствовало раковую опухоль на своем теле, ожидая от этой опухоли своего чудодейственного перерождения. Правительство, предоставленное своим силам, действовало неумело, а зачастую и неумно. Вся его работа в этот период сводилась к борьбе с наружными проявлениями этой болезни, к стремлению загнать ее во внутрь организма. На корень зла не было обращено никакого внимания — его не замечали и не хотели замечать.

Этот корень зла заключался в изношенности и усталости государственного организма. Здание Российской Империи было выстроено на европейский образец конца XVII — начала XVIII столетия. Выстроенный на сваях в северных болотах блистательный Санкт-Петербург являлся живым воплощением великой, но чуждой народу Империи. Эти петровские сваи за два столетия подгнили. Вместо того, чтоб их заменить более прочными устоями, к ним лишь приставили подпорки в надежде на спасительное «авось».

Государственная машина изнасилась. Петр I лишил ее могучего духовного регулятора, сообщив ей взамен свою мощную инерцию. Но инерция эта к половине XIX века иссякла, и

машина стала давать перебой. Необходим был капитальный ремонт, а ограничились лишь заменой (в 60-х гг.) нескольких особенно сносившихся ее частей.

При таких условиях три устоя русской государственной жизни, правильно сформулированные Победоносцевым, теряли свою силу и вообще оказывались неприменимыми. Православие выражалось в вавилонском пленении Церкви у светской власти, что неизбежно атрофировало церковное влияние на страну и приводило к духовному оскудению общества, а затем (не в такой, правда, степени, но все же значительному) к духовному оскудению народа. Самодержавие сводилось к пассивному следованию по раз навсегда проторенной бюрократической — «шталмейстерско-столоначальной» — дорожке, в пользовании уже износившейся и обветшавшей государственной машиной и в отказе от какой бы то ни было созидательной, творческой инициативы.

Народность постепенно сузилась, перейдя с имперской установки на узко этническую, отказавшись от широкого кругозора имперской традиции и пытаясь создать одно великорусское царство от Улеборга до Эривани и от Калиша до Владивостока. Александр III сказал «Россия для Русских», не совсем удачно выразив прекрасную по существу мысль. Екатерина сказала бы «Россия для Россиян».

Весь трагизм положения заключался в том, что правительство видело лишь одну дилемму: либо сохранить существовавший строй в его полной неприкосновенности — либо пуститься в различные демократически либеральные реформы, которые неминуемо должны были бы повлечь за собой крушение государственности и гибель страны. Но оно не замечало третьего выхода из положения — обновления государственного организма не в «демократически-катастрофическом» духе «влево» (как то в конце концов и случилось в 1905 г.), а в обновлении его «вправо» — в духе сохранения всей неприкосновенности самодержавного строя путем применения его к создавшимся условиям, отказа от петровско-бюрократически-иноземного его уклада, поведшего к разрыву некогда единой Российской Нации и утрате правительством пульса страны. Этот третий путь стихийно чувствовался славянофилами, но они не сумели его формулировать, не владея государственной диалектикой. Правительство же Царя-Миротворца этого пути не замечало. Обширному и холодному государственному уму Победоносцева не хватало динамизма, действенности. Он правильно поставил диагноз болезни, формулировал даже «троичное» лекарство против нее, составить же правильно эти лекарства и правильно применить их не сумел. Быть может, потому, что больной ему уже казался неизлечимым. Этому ледяному скептику не хватало пламенной веры в свою страну, ее гений, ее великую судьбу. «Россия — ледяная пустыня, —

говорил он, — и по ней бродит лихой человек». Люби он Родину-мать любовью горячей и действенной — он этих слов, конечно, никогда не сказал бы.

В 80-х годах можно было бы совершить многое, не спеша перестроить государственную машину, влив старое вино в новые прочные мехи. Но ничего не было сделано — и двадцать лет спустя вступивший в полосу бурь русский государственный корабль взял курс на оказавшийся тогда единственно возможным, но фатально гибельный путь — на путь смертоносных «реформ влево».

Император Александр II был убит в тот день, когда хотел подписать конституцию, составленную Лорис-Меликовым — посредственным военачальником и слабым политическим деятелем. Не будь злодеяния на Екатерининском канале, день 1 марта 1881 года все равно не принес бы счастья России. Конечно, «меликовская» конституция была куда осторожнее и приемлемее той, «портсмутской», что была навязана впоследствии 17 октября, но тут важно начало. В этого рода машину достаточно вложить палец, для того чтобы рука оказалась отхваченной по самое плечо. Существой в России конституция с 1881 г., страна не смогла бы пережить смуты 1905 года и крушение произошло бы на 12 лет раньше. Александру Третьему, отвергнувшему по совету Победоносцева меликовский проект, Россия обязана четвертью столетия блестящей великодержавности. Перед Российской Империей заискивал, ее боялся весь мир. Никогда она не казалась внешне столь могущественной, как в те дни уже начавшегося заката. Никто не слышал зловещего потрескивания внутри величественного здания, а кто и слышал — не придавал тому особенного значения. Могущество России казалось безграничным, подобно тому, как казались безграничными сила и здоровье ее исполина Царя. Он сгорел в несколько недель, в расцвете сил — всего 49 лет от роду.

Николай I и Александр II были военными по призванию, Александр III был военным по чувству долга перед страной. Он не питал страсти к военному делу, но видел и чувствовал, что судьбы вверенному ему Отечеству зависят от состояния его вооруженной силы. «У России есть лишь два верных союзника — ее Армия и ее Флот», — говорил он, и сознавая это, неуклонно стремился к всестороннему развитию русской военной мощи. Вместе с тем Государь отошел от Армии. Александра II можно было всегда видеть на разводах, частых смотрах, полковых праздниках, на лагерях и в собраниях, беседующего с офицерами, интересующегося всеми их новостями, близко принимающего к сердцу события в полковой семье. Александр III ограничил свое общение с Армией строго необходимым, замкнулся в

тесном семейном кругу в своем уютном гатчинском дворце. Главной причиной была, конечно, перегруженность его работой, оставлявшая ему мало свободного времени. Известную роль играла здесь и природная застенчивость Государя, не любившего многочисленное общество, и наконец, тот горький осадок, что оставило на его душе 1-е марта 1881 года ¹. Царские смотры стали устраиваться реже, разводы были вовсе отменены, флигель-адъютантские и свитские вензеля, щедро раздававшиеся Александром II в армейские полки, стали теперь редкими и в Гвардии, сделавшись привилегией очень небольшого круга лиц.

Начало этого царствования ознаменовалось совершенным изменением внешнего вида войск. Изящные мундиры красивой армии Царя-Освободителя не шли к массивной фигуре нового Государя. Александр III не считался с эстетикой, требуя национального покроя и практичности.

Новая форма была уже введена летом 1882 года. Армия стала неузнаваемой. Исчезли гвардейские каски с плюмажем, кепи и шако с султанами, эффектные мундиры с цветными лацканами, уланки и ментики, сабли и палаши. Весь этот блеск был заменен долгополыми кафтанами на крючках, широкими шароварами и низкими шапочками поддельного барашка. Офицеры стали походить на обер-кондукторов, гвардейские стрелки — на околоточных надзирателей, фельдфебеля — на сельских старост в кафтанах с бляхой. Солдаты в своем сермяжном облики стали похожими на паломников, особенно в армейской пехоте, где были упразднены ранцы и вместо них введены «вещевые мешки» — точная копия нищенской котомки, — носившиеся через плечо. Кавалерия уныло донашивала уланки, кивера и ментики со снятыми шнурами и споротым шитьем, раньше чем по примеру пехоты облачиться в зипуны. Офицеры стремились смягчить уродство новой формы, каждый на свой вкус. Одни укорачивали мундир на прежний образец, другие наоборот удлиняли, приближая его к сюртуку, третьи по примеру стрелков утрировали напуск шаровар, доводя их до носков сапог. В результате — иностранные корреспонденты, видевшие Русскую Армию в Манчжурии, поразились, что нельзя было встретить двух офицеров, одинаковым образом одетых. Этим обезображением Армии была совершена большая психологическая ошибка. Внешний вид значит очень многое для воинского вида, поддерживающего и воинский дух. Александр III посмотрел на блестящие мундиры как на дорого стоящую

¹ «Образ покойного Государя, склонившегося над телом раненого казака и не думавшего о возможности покушения, не покидал нас, — вспоминает о тех днях Вел. Кн. Александр Михайлович. — Мы понимали, что что-то несоизмеримо большее, чем наш любимый дядя и мужественный монарх, ушло вместе с ним невозвратно в прошлое. Идиллическая Россия с Царем Батюшкой и его верным народом перестала существовать 1 марта 1881 г. Мы поняли, что никогда более Русский Царь не сможет относиться к своим подданным с безграничным доверием».

мишуру. Но в глазах офицеров и солдат это была далеко не мишура. Они сохраняли преемственность с прошедшими геройскими эпохами. Уже с кепи связывались славные воспоминания Шипки и Шейнова, а с лацканами и ментиками уходили предания Фридланда и Бородина. Утилитарный материализм этой реформы (бывший, впрочем, вполне в духе века) сказался самым отрицательным образом в духовно-воспитательной области — самой важной области военного дела.

Единственной положительной стороной этой переобмундировки было введение в жаркое время года белых рубах до той поры носившихся лишь на Кавказе и в Туркестане.

Новому царствованию нужны были новые деятели. Первым мероприятием Императора Александра III в военной области было назначение военным министром на место гр. Милютина ген.ад. Ванновского — ближайшего своего советника в 1877–78 г. на должности начальника штаба Рушукского Отряда.

Ванновский был полной противоположностью просвещенному и «либеральному» Милютину. В сравнении с Милютиным он был обскурантом — своего рода «военным Победоносцевым», а по характеру — вторым Паскевичем. Человек в высшей степени грубый и придирчивый, он деспотически обращался с подчиненными. Служить с ним было очень тяжело, и редко кто выносил это сколько-нибудь продолжительное время¹.

Заслугой Ванновского явилась отмена пагубной военно-учебной реформы Милютина. Строгий начальник Павловского военного училища видел слабую строевую подготовку милютинских гимназий с их штатскими воспитателями, не сообщавшими своим питомцам воинского духа, результатом чего был все увеличивавшийся уход их по окончании курса «на сторону». В 1882 г. военные гимназии были снова преобразованы в кадетские корпуса и надлежаще подтянуты. Гражданские воспитатели были заменены офицерами, введены строевые занятия, и наши средние военно-учебные заведения вновь обрели бодрый воинский дух «николаевских» корпусов. В то же время признано необходимым сохранить военные училища для подготовки однородного — одинаково воспитанного и одинаково обученного — офицерского состава. Вопрос о восстановлении специальных классов отпал. Следует отметить, что в воспитатели кадетских корпусов в большинстве шел далеко не лучший элемент нашего офицерства (приманкой здесь служила спокойная жизнь, высокий оклад и быстрое производство).

¹ «Ведь я собака, — любил говорить Ванновский своим подчиненным. — Я всех кусаю, никому дремать не даю, а потому и порядок такой, какого, может быть, ни у кого нет: когда вы будете начальниками, советую вам тоже быть собаками».

Строевая служба стала вестись более отчетливо. В первую очередь была подтянута Гвардия, Генералы Васмунд Л-Гв. в Измайловском полку, Мевес Л-Гв. в Павловском довели, каждый по-своему, свои части до высокой степени совершенства. По ним равнялись другие, и характерное для милютинской эпохи: «Фельдфебель, где мое место?» — окончательно отошло в область преданий.

Вместе с тем строевой устав был упрощен отменой ряда сложных перестроений — что характеризовало утилитарный и «будничный» характер наступавшей эпохи.

Военные реформы предыдущего царствования подверглись пересмотру особой комиссии под председательством ген. ад. гр. Коцебу. Этой комиссии надлежало высказаться по вопросам об устройстве Военного Министерства, сохранении военно-окружной системы и выработке Положения о полевом управлении войск.

Комиссия гр. Коцебу отвергла проект организации независимого от военного министра Ген. Штаба на прусско-германский образец. Главный Штаб продолжал оставаться, как при Милютине, одним из канцелярских «столов» Военного Министерства. Властолюбие Ванновского играло, конечно, свою роль в принятии этого решения.

Военно-окружную систему положено было сохранить, подвергнув ее лишь некоторым частичным преобразованиям.

Однако Милютинское Положение о полевом управлении войск 1868 г., доказавшее свою негодность в Турецкую войну, решено было заменить, и выработка нового Положения поручена комиссии ген. Лобко...

Главной заботой Военного Ведомства в царствование Александра III стало увеличение обученного запаса Армии путем пропуска большого количества людей через ее ряды. Ежегодный контингент новобранцев составлял при Александре II 150.000 чел. — в 1881 же году уже призвано 235000.

Срок службы сперва оставлен тот же — 6 лет в строю, 9 в запасе. Одним из последних распоряжений Милютинина весной 1881 г. было сокращение срока службы до 4 лет в пехоте и пешей артиллерии и 5 лет в прочих родах оружия. Ванновский немедленно же отменил это распоряжение...

В 1883 г. Россия лишилась Белого Генерала. Не только Армия, но и вся страна понесли жестокую, невозвратимую потерю. Смерть Скобелева вызвала взрыв отвратительного ликования в Австро-Венгрии и, особенно, в Германии, где поняли, что не стало человека, способного напоить своего белого коня в волнах Шпрее ¹. Англичане — враги более

¹ «Ну и этот теперь не опасен!» — восклицал берлинский «Биржевой Курьер», торопясь поделиться с читателями этой радостной новостью. «Пусть панслависты и русские слависты плачут у гроба Скобелева. Что касается нас, немцев, то мы честно в том сознаемся, что довольны смертью рьяного врага. Никакого чувства

благородные — имели приличие не выставлять охватившего их чувства глубокого облегчения.

Все же в царствование Императора Александра III не было недостатка в крупных военных деятелях. Войсками Варшавского Округа командовал суровый победитель Балкан — Гурко, наложивший на них неизгладимый, отчетливый и воинственный «гуркинский» отпечаток. Виленский Округ возглавлял Тотлебен (умерший в 1884 г.), Киевский — с 1889 г. — яркий, хоть и парадоксальный Драгомиров. Начальником ген. Штаба все царствование пробыл ген. Обручев, а Н-ком Академии после Драгомирова стал Леер.

Наиболее своеобразную фигуру представлял И.И. Драгомиров.

Зимница и Шипка показали блестящую подготовку его 14-й дивизии и создали ему заслуженную боевую репутацию. Человек больших достоинств, он имел и большие недостатки, сделавшие его влияние на Армию в конечном счете отрицательным. Большой ум уживался у него с отсутствием интуиции — разительная аналогия со Львом Толстым, великим писателем и ничтожным мыслителем. Толстой, пытаясь создать философскую систему, стал только анархистом русской мысли. Драгомирова, вполне разделявшего толстовский софизм о ненужности вообще «несуществующей» военной науки, можно назвать анархистом русского военного дела. То же отсутствие интуиции, что помешало Толстому понять Евангелие, воспрепятствовало Драгомирову постигнуть Науку Побеждать. Он воспринял ее односторонне, по-доктринерски. Взяв в основание вечную и непреложную истину о первенстве морального, духовного элемента, он свел ее к отрицанию военной науки вообще и стратегии в частности, своего рода к военному нигилизму. Все военное дело низводилось им к тактике, а тактика — к тому, чтобы «брать нутром». Драгомиров противопоставлял дух технике, не сознавая, что техника отнюдь не враг духа, а его ценный союзник и помощник, позволяющий сберечь силы и кровь бойца. Все свои тактические расчеты драгомировская школа строила на грудах человеческого мяса, потоках человеческой крови — и эти взгляды, преподанные с кафедры заслуженным профессором, а затем и начальником Академии, имели самое пагубное влияние на формацию целого поколения офицеров Ген. Штаба — будущих «минотавров» мировой войны. Считая, что всякого рода техника ведет непременно к угашению духа, Драгомиров всей силой своего авторитета противился введению магазинного ружья и скорострельной пушки, которыми уже были перевооружены армии наших вероятных противников. Когда же, несмотря на все его противодействие, скорострельные орудия были введены, Драгомиров все-таки добился,

сожаления мы не испытываем. Умер человек, который действительно был способен употребить все усилия к тому, чтобы применить слова к делу».

чтобы они были без щитов, «способствующих робости». Результат — растерзанные трупы тыренческих и ляолянских артиллеристов, зря пролитая драгоценная русская кровь...

Принятую Драгомировым систему воспитания войск нельзя считать удачной. В бытность его начальником дивизии он развил инициативу частных начальников — батальонных и ротных командиров — до высокой степени совершенства. Став же командующим войсками, всячески подавлял инициативу подчиненных ему корпусных командиров и начальников дивизий. Обратив свое внимание на индивидуальное воспитание солдата («святой серой скотинки»), Драгомиров совершенно проглядел офицера, более того, сознательно игнорировал офицера (его всегдашнее иронически-презрительное «гас-па-дин офицер!») нарочитым умалением, унижением офицерского авторитета, Драгомиров думал создать себе популярность как в солдатской среде, так и в обществе. Памятным остался его пресловутый приказ: «В войсках дерутся!» — незаслуженное оскорбление строевого офицерства... Впоследствии, болезненно переживая первую русскую смуту, он рекомендовал офицерам «корректность, выдержку и остро отточенную шашку». Заботясь Драгомиров в свое время о поднятии офицерского авторитета, ему, пожалуй, не пришлось бы на склоне своих лет давать подобные советы.

Влияние Драгомирова было очень велико (и выходило даже за пределы Русской Армии). Служба в Штабе Киевского Округа послужила «трамплином» для карьеры многих деятелей, из коих далеко не все принесли счастье Русской Армии. Отсюда вышли: Сухомлинов, Рузский, Юрий Данилов, Бонч-Бруевич.

Преемником М.И. Драгомирова на посту Н-ка Академии был ген. Генрих Антонович Леер — крупнейшая военно-научная величина Русской Армии. Это был могучий ум, мыслитель, «смотревший на дело в целом», по-румянцовски. Леер явился защитником стратегии, столь недооцененной его предшественником. Его можно считать у нас в России отцом стратегии как науки. В этой области им разработано учение о главной операционной линии, строго осуждено понятие стратегического резерва («в стратегии резерв — явление преступное»).

К сожалению, Леер был совершенно не понят и не оценен в должной мере своими современниками. Он не покорил ни одной неприятельской крепости, и его поэтому считали «кабинетным теоретиком». Между тем, именно он всячески подчеркивал подчиненность теории, видел смысл науки в регулировании творчества. По его настоянию были введены полевые поездки офицеров Ген. Штаба, чрезвычайно расширившие их кругозор именно в практическую сторону. Стратегический глазомер Леера и его военное чутье рельефно выступают из его записки, представленной в конце 1876 г., где он предостерегал от посылки

на войну с Турцией слишком незначительных сил и по частям и настаивал на введении сразу большого количества войск — «ибо лучше иметь слишком много войск, чем слишком мало». Эта записка ген. Леера по четкости стратегической мысли и синтезу изложения оставила далеко за собой все остальные и не была поэтому понята нашими военными бюрократами: гр. Милютин счел ее «недостаточно разработанной», ибо Леер, излагая самую суть дела, пренебрег мелочами, на которые в канцеляриях как раз и обращали главное внимание. Времена Леера можно считать блестящей эпохой Академии и русской военной науки вообще»¹.

Значительней фигурой был и Н-к Ген. Штаба ген. Обручев, с именем которого следует связать все сколько-нибудь положительные мероприятия по военной части в этот период: сооружение стратегических дорог, крепостей на Западной границе и, наконец, военная конвенция с Францией. Согласно этой концепции, в случае войны с державами Тройственного Союза Франция обязывалась выставить против Германии 1300000 чел., Россия — 700–800 тысяч, сохраняя за собой как выбор главного операционного направления, так и свободу действий в отношении остальной своей вооруженной силы. Существенным недостатком этой конвенции было то обстоятельство, что она, обязывая Россию непрременной помощью Франции на случай германского нападения, совершенно умалчивала об аналогичных обязанностях Франции на случай нападения Германии на Россию. Это едва не оказалось роковым для обеих союзниц в 1914 г.

Неудачное возглавление Военного Ведомства ген. Банковским парализовало, однако, творческую работу отдельных деятелей. Его тяжелый и властный обскурантизм превратил эпоху, последовавшую за Турецкой войной, в эпоху застоя — и в этом отношении Ванновского можно смело сравнить с Паскевичем.

Лишенная «ариадниной нити» русская военная мысль пыталась проложить себе дорогу в этом тесном и запутанном лабиринте и в большинстве случаев выходила на ложный путь. Ярок был еще ореол бронзовых защитников Малахова Кургана, и к этой славе прибавилась свежая слава стойких шипкинских героев. Смысл войны стали видеть в том, чтобы «отбиваться», «отсиживаться», не столько наносить самим удары, сколько отражать удары неприятеля, предоставив тому инициативу. Смысл же боя полагали в непрременном занятии позиции, на которой и отбиваться «до последнего патрона», предоставляя неприятелю «разбить себе лоб» об эту позицию. Пассивная стратегия влекла за собой пассивную тактику.

¹ Нельзя не упомянуть о редактировании Леером «Военной Энциклопедии» в 8 томах, обычно именуемой «Лееровской». Она заменила устаревший «Лексикон» Зедделера (изд. 1859 г.) и явилась важным проводником военных знаний в толщу строевого офицерства.

Эти пассивные воззрения внешне не сказались особенно сильно в уставах, где чувствовалось драгомировское влияние, но оно крепко вкоренилось в подсознание большинства военачальников и командиров — в частности «новой формации» во главе с Куропаткиным. В неудаче наступательных наших действий под Плевной и турок Сулеймана у Шипки они видели убедительный довод к предпочтению оборонительно-выжидательного образа действий. Они не сознавали, однако, того, что в обоих этих случаях решающей была не столько сила обороны — пусть и геройской — сколько бездарная организация тактики (в частности у нас — слабость ударной части, при гипертрофии «резервов» и «заслонов», и путаница «отрядной системы»). При хорошем управлении 60 таборов Сулеймана обтекли бы и потопили 6 наших шипкинских батальонов, а командуй под Плевной не Зотов, а Скобелев — Осман распрощался бы со своей саблей еще 31 августа. Всякий раз, когда русская пехота имела впереди достойных ее командиров, а позади своевременную поддержку, она не знала неудавшихся атак. Все это, однако, не сознавалось. Религия — вернее ересь — «резервов» и «заслонов», вопреки стараниям Леера, вкоренилась прочно. «Отрядная система» вошла в плоть и в кровь — и мистика позиций, защищаемых на месте «до последней капли крови» завладела умами и сердцами большинства.

Другие пошли за Драгомировым, мужественные призывы которого звучали подобно трубе. Однако односторонняя и предвзятая эта доктрина вела при первой же (и неизбежной) осечке к потере веры в свои силы.

20-го октября 1894 года не стало Царя-Миротворца. Его наследнику — молодому Императору Николаю Второму было 26 лет. Он только что откомандовал батальоном в Преображенском полку, должен был вскоре получить генеральский чин и полк, но волей Божией вместо полка получил необъятную Российскую Империю...

Император Александр III не допускал разговоров о политике в семейном кругу и совершенно не посвятил в государственные дела Наследника, считая его пока слишком молодым и полагая, что для этого всегда найдется время. Николаю II пришлось одновременно управлять страной и учиться ее управлению, совершать ошибки — всегда неизбежные — и самому же их выправлять. Обращаться же за советом было не к кому. Александр III нес все на своих богатырских плечах — министры были лишь послушными исполнителями его предначертаний, неспособными к самостоятельному творчеству и неспособными иметь свое мнение. В «мужи совета» они негодились. Опоры же в среде своих близких родственников Государь не имел...

В бытность свою Наследником Престола молодой Государь получил основательную строевую подготовку, причем не только в Гвардии, но и в армейской пехоте. По желанию

своего державного отца он служил младшим офицером в 65-м пех. Московском полку (первый случай постановки члена Царствующего Дома в строй армейской пехоты). Наблюдательный и чуткий Цесаревич ознакомился во всех подробностях с бытом войск и, став Императором Всероссийским, обратил все свое внимание на улучшение этого быта. Первым же его распоряжением упорядочено производство в обер-офицерских чинах, повышены оклады и пенсии, улучшено довольствие солдат. Он отменил прохождение церемониальным маршем, бегом, по опыту зная, как оно тяжело дается войскам.

Эту свою любовь и привязанность к войскам Император Николай Александрович сохранил до самой своей мученической кончины ¹. В военном отношении начало царствования Императора Николая II явилось продолжением эпохи Александра III. Совершенствовались отдельные мелочи на фоне общего застоя и рутины.

В конце 1879 г. Ванновского и Обручева сменили ген. Куропаткин на посту Военного Министра и ген. Сахаров на посту Н-ка Ген. штаба.

Алексей Николаевич Куропаткин был человеком большого ума и всесторонней образованности. Он пользовался отличной боевой репутацией и обладал выдающимися административными способностями. Это был подходящий кандидат на высшую военную административную должность.

Новый Н-к Ген. Штаба ген. Сахаров был заурядным деятелем бюрократической складки.

Вступив в отправление своих обязанностей в первый день 1898 г., ген. Куропаткин натолкнулся прежде всего на чрезвычайные затруднения, чинимые Военному Ведомству министром финансов, совершенно не считавшимся с нуждами Армии. По принятой тогда системе, кредиты испрашивались на пять лет вперед. Из 455 млн. руб. чрезвычайных кредитов на пятилетие 1899–1903 гг. (последняя смета, составленная ген. Ванновским), министром финансов было отпущено всего 160 млн. — третья часть.

Деятельность ген. Куропаткина направилась прежде всего к улучшению условий быта и службы строевого офицерства, устройству собраний, библиотек, заемных капиталов, открытию кадетских корпусов в крупных военных центрах. Мероприятия эти поглотили свыше половины отпущенных средств...

¹ Характерным для любви Имп. Николая II к войскам является избегание им официального термина «нижний чин». Государь считал его сухим, казенным и всегда употреблял слова: «казак», «гусар», «стрелок» и т.д. Без глубокого волнения нельзя читать строки тобольского дневника темных дней проклятого года: «27 ноября. Праздник Нижегородцев. Где они и что с ними?... 6 декабря, Мои именины... В 12. ч. был отслужен молебен. Стрелки 4-го полка, бывшие в саду, бывшие в карауле все поздравили меня, а я их с полковым праздником. 24 декабря. Во время чая пошли с Аликс в караульное помещение и устроили елку для 1-го взвода 4-го полка. Посидели со стрелками, со всеми сменами»... Эти последние месяцы своей жизни Царь-мученик был душою с погибавшей без него Армии.

В 1901 г. окружные юнкерские училища с годичным курсом были преобразованы в военные училища с двухлетним курсом, выпускавшие уже не подпрапорщиков, а подпоручиков. Этой важной реформой Куропаткин способствовал поднятию общего уровня офицерского корпуса, его большей однородности и пытался устранить разницу между «белой костью» и «черной»....

Огромный вред войскам в период от Турецкой до Японской войны принесла т. наз. «хозяйственность». Скудные отпуска кредитов Военному Ведомству, которому приходилось торговаться с Министром Финансов из-за каждого рубля, привели к тому, что у Российской Империи не находилось средств на содержание своей Армии. Войска были вынуждены сами себя содержать. Перевооружение войск магазинными ружьями в девяностых годах, двукратное перевооружение артиллерией в девяностых и начале девятисотых требовали больших расходов. Приходилось строить помещения, амуницию, одевать и довольствовать войска хозяйственным способом, «без расходов от казны».

Полковые хлебопекарни, полковые сапожные мастерские, швальни, шорни, столярные и плотничьи артели стали отнимать все силы войск и все внимание начальников. Офицеры превратились в артельщиков и каптенармусов — некому было посещать тактические занятия. Вся служба — в частности ротных командиров — стала заключаться во всевозможных экономических покупках, приемах, сортировках, браковании, проверках разных отчетностей, отпиской бесчисленных бумаг и бумажек... На милютинском канцелярском бумагопроизводстве привилась куропаткинская хозяйственность. Система «без расходов от казны» была заведена еще при Ванновском. Куропаткин — сам ревностный и убежденный «хозяйственник» — развил ее, доведя до геркулесовых столпов.

В Русской Армии конца XIX века «хозяйственность» заняла то место, которое в первую половину столетия занимал «фронт» — шагистика. Она проникала всю Армию сверху донизу. Во времена Аракчеева и Паскевича начальство умилялось «малиновым звоном» ружейных приемов, во времена Ванновского и Куропаткина — доброкачеством сапожного товара, заготовленного без расходов от казны. Капитан, изобретший новый способ засолки капусты, приобретал почетную известность в дивизии, командир полка, у которого кашу варили пятнадцатью различными способами, аттестовался «выдающимся». Все помыслы и устремления были направлены на нестроевую часть.

Для проверки строевой части существовали инспекторские смотры. Взгляды и вкусы начальства бывали известны — равно как и дата приезда, — в крайнем случае отличное состояние нестроевой части должно было заглаживать впечатление от возможных строевых недочетов.

Наконец, испытанием тактической подготовки войск должны были служить большие маневры. Они же всегда сходили «слава Богу благополучно».

Из всего этого отнюдь не следует бросать упрек в «очковтирательстве» строевому офицерству того времени. Все это были люди чести, преданные своему долгу. В тех ненормальных условиях просто нельзя было иначе служить...

Мукденский разгром — завершение всего куропаткинского полководчества, печальный его синтез.

Огромная доля ответственности лежит на Петербурге, оставившем Куропаткина шесть месяцев на посту, явно превышавшем его моральные силы и военные способности. Куропаткин подлежал отчислению уже после Ляоляна. На Шахэ он не выдержал переэкзаменовки, а после Сандепу сохранение Куропаткина на посту главнокомандующего было чревато более губительными последствиями, чем поход к японцам новой армии Ноги.

По складу духа Куропаткин — яркий представитель материалистической школы, убежденный и последовательный материалист. Он совершенно лишен интуиции полководца, лишен чуткости, органически лишен способности чувствовать пульс боя. Святая святых военного дела закрыта для него — не могущий вместить не вмещает.

Со всем этим он заботливый начальник. Всю войну, в каких бы трудных условиях войска ни находились, они были одеты, обуты и накормлены. Но «не единым хлебом жив человек». Заботясь о желудках своих подчиненных, Куропаткин не обращал никакого внимания на их дух. Его неизменные приказы «атаковать, но без решимости», «с превосходными силами в бой не вступать», «в решительный бой отнюдь не ввязываться» — действовали удручающим образом, убивали в командирах желание схватиться с врагом и победить во что бы то ни стало. Волевой паралич Куропаткина сообщался войскам — в первую очередь войсковым начальникам¹.

Ген. Куропаткин обладал лишь низшей из воинских добродетелей — личной храбростью. Храбрость может считаться достоинством лишь применительно к нижнему чину. От офицера, тем более от старшего начальника, требуется уже нечто гораздо большее. Офицер так же не смеет, быть храбрым, как не может не быть грамотным: это качество в нем подразумевается. Суворов формулировал это ясно, кратко и исчерпывающе: «рядовому —

¹ «Куропаткин, как и Мольтке, поклонялся расчету и материи, — характеризует это злосчастное полководчество Б.В.Геруа, — но в то же время как Мольтке понимал место того и другого и не мешал армии работать, Куропаткин походил на механика, боящегося шума машины, им же самим пущенной в ход. Он косился на рычаги с надписями “стоп” и “задний ход”, с занесенной над ними, готовой рукой. Много зная, он плохо чувствовал пульс операции и боя, Куропаткин никогда не умел отличить важное от неважного, решающее от вспомогательного».

храбрость, офицеру — неустрашимость, генералу — мужество». И он с Наукой Побеждать вдохнул это мужество в сердца Багратиона, Кутузова, Каменского 2-го — возвращенной им орлиной стае. Но армия Милютин не знала Науки Побеждать, и громадному большинству ее старших начальников, Куропаткину в том числе (и больше, чем другим), не хватало «мужества» в суворовском понятии этого слова. Отличный администратор, ген. Куропаткин совершенно не был полководцем и сознавал это. Отсюда его неуверенность в себе.

Отсутствие интуиции имело следствием то, что Куропаткин принял в ведении стратегических операций в Манчжурии тактический масштаб туркестанских походов. Он забывал о корпусах, интересуясь батальонами, упускал общее, увлекаясь частным, не умел отличать главного от второстепенного. Постоянно вмешиваясь по всякий пустякам в распоряжения своих подчиненных, Куропаткин распоряжался отдельными батальонами через головы войсковых начальников, передвигал охотничьи команды, орудия, разменивался на мелочи и ничего не замечал за этими мелочами. То же отсутствие интуиции и объясняет его поистине болезненную страсть к отрядной импровизации. Отрядами можно было воевать со среднеазиатскими ханами, а отнюдь не с могущественной державой. В Мукденском сражении, напр., отряд ген. фон дер Лауница состоял из 53 батальонов, надерганных Куропаткиным из состава 43 различных полков 16-ти дивизий 11-ти корпусов всех трех манчжурских армий! Дальше идти было некуда. И этот один невероятный пример характеризует всю систему куропаткинского управления войсками.

Русская Армия расплачивалась своей благородной кровью за неудачную политику своей страны.

Политически мы сделали второй шаг, не сделав первого. Не было смысла захватывать чужие земли, когда свои собственные оставались втуне. Мы набросились на каменистый Ляодун, пренебрегая богатейшей Камчаткой. Мы затратили огромные деньги на оборудование китайской территории и оставили в запустении искони русский край непочатых сил от Урала до Берингова моря. Имея богатейший в мире Кузнецкий угольный бассейн, мы тронули его и стали разрабатывать за тридевять земель в чужой стране Янтайские копи. Имея лучшую стоянку на Тихом океане — Петропавловск — мы зачем-то пошли в порт-артурскую мышеловку... И даже в нашей непоследовательной политике мы не сумели быть последовательными: взяв китайские земли, мы не подумали прежде всего их укрепить, принесли Порт-Артур в жертву Дальнему. Сделав второй шаг без первого, мы поспешили сделать четвертый без третьего.

Когда плоха Политика, то плоха и та ее ветвь, что именуется Стратегией. На плохом фундаменте нельзя построить прочнее здание.

Основным пороком нашей стратегии явилось странное, ничем не оправдываемое решение командовавшего Манчжурской Армией и его ген. квартирмейстера «повторить 1812 год». Куропаткин и Харкевич с самого начала решили отступать в глубь страны. Они не чувствовали разницы между 1812 годом и 1904, между Россией и Манчжурией — и серьезно намеревались провести Отечественную войну на китайской земле. Взяв внешние формы кампании 1812 г. — отступление, — они не потрудились вникнуть в их смысл. Отступление 1812 года велось к сердцу России, на родной земле, среди восставшего на чужеземного завоевателя русского народа. Русские армии в июле 1812 года были вдвое слабее Наполеона. Отступательный маневр Барклая был единственно возможным средством измотать неприятеля, занять более сосредоточенное расположение и, главное, соединиться с Багратионом. Совершенно иначе обстояло дело в апреле 1904 года. Против трех высадившихся в Корею японских дивизий Куропаткин мог двинуть семь отличных сибирских дивизий стрелков. Положение не имело ничего общего с таковым же 1812 года — двойное превосходство в силах оказалось как раз у нас. Куропаткин и Харкевич полагали, что достаточно применить внешний «шаблон» кампании 1812 года, чтоб получить победу подобно одержанной в Отечественную войну при любой политической и стратегической обстановке. Они последовали примеру тех бухарских «батырей», которые увидев издали, как русские солдаты после переправы вытряхивают воду из голенищ, и не поняв, в чем дело, становились на руки и трясли ногами, думая, что постигли весь секрет русской тактики. «Шаблон» Отечественной войны в обстановке 1904 года был по меньшей мере столь же бессмыслен...

В эти тяжелые годы сотни русских офицеров и солдат, тысячи стражников, жандармов и полицейских запечатлели своей кровью и страданиями верность Царю и преданность Родине, которую уже зацепил было крылом красный дракон. Воспитанные в великой школе Русской Армии, они ясным своим взором видели то, чего не дано было видеть ослепленной русской общественности. Одинокие на геройском своем посту, эти люди спасали свою страну, свой народ, спасали тем самым и озлобленную общественность — спасали ее физически — и за это не получали иной благодарности, как эпитеты «палачей народа», «кровопийц» и «нагаечников».

Громкими и негодующими протестами встречала русская общественность смертные приговоры, выносившиеся военно-полевыми судами террористам, экспроприаторам и захваченным с оружием в руках боевикам. «Не могу молчать!» Льва Толстого прогремело на

всю Россию ¹. Считая своим отечеством вселенную, русская передовая общественность не дорожила своей государственностью, более того — ненавидела ее, и всю свою страстную ненависть переносила на защитников этой Государственности — «на палачей народа», ставивших интересы своей страны выше своих личных. Этого последнего чувства русская радикальная интеллигенция, воспитанная на эгоизме и партийности, оказалась органически неспособной воспринять. Чрезвычайно высоко расценивая себя, она с презрением и ненавистью относилась ко всем, не разделявшим ее партийной окраски, — в отношении этих все было дозволено, их кровь можно было проливать в любом количестве. Десяток казненных террористов были «светлыми личностями». Тысяча же мужчин, женщин и детей, разорванных их бомбами, никакой человеческой ценности в ее просвещенных глазах не представляла. В лучшем случае, это была только «чернь», как передовая интеллигенция неукоснительно называла русский народ всякий раз, когда он не разделял ее взглядов. 9 января 1905 года было убито и ранено тридцать манифестантов — и этот день был наименован «кровавым воскресеньем». В февральские и мартовские дни 1917 г. было растерзано пять тысяч — и революция была наименована «бескровной». Ни арифметика, ни логика не помогут нам разобраться в этих эпитетах, но мы прекрасно их поймем, когда увидим, что кровь в этих случаях была разная: «эта» кровь была священна, «ту» можно было проливать, как воду...

В годы, предшествовавшие взрыву 1905 г., а особенно в смутный период 1905–07, революционерами было затрачено много усилий на пропаганду в Армии и Флоте: подбрасывались прокламации, организовывались «ячейки». Усилия эти лишь в немногих случаях увенчались успехом...

7. Между двух войн (1905–1914 гг.)

За отправную точку этого периода между двух войн следует принять манифест 17 октября 1905 года о народном представительстве, исторгнутый у Имп. Николая II новопожалованным (за Портсмут) графом Витте и Вел. Князем Николаем Николаевичем. Это народное представительство воплотилось весной следующего 1906 года в Государственной Думе — избранной не по профессионально-деловому признаку, а по партийно-политическому, подобно существовавшим в то время в Европе парламентам, где несколько

¹ Великий яснополянский лицемер тем не менее отлично примирялся с нарядом стражников при боевых патронах, охранявших его поместья от экспроприаторов.

десятков идеологов, большей частью профессоров и адвокатов, — имели претензию представлять десятки миллионов земледельцев и ремесленников.

Эта «первая» Дума собралась в апреле 1906 года, но оказалась настолько анархической, антигосударственно настроенной, что ее пришлось в спешном порядке распустить¹. Столь же русофобской и антигосударственной оказалась и «вторая» Дума 1907 года. Лишь в 1908 г., когда революционный угар начал идти на убыль, удалось избрать сколько-нибудь государственно мыслящую «третью» Думу, уступившую в 1912 г. место «четвертой». На этом опыт русского парламентаризма и закончился — «пятой» Думы так и не было.

Дума выдвинула много хороших ораторов, но ни одного государственного человека. Участие ее в управлении Государством было очень ограниченным. Правительство продолжало комплектоваться представителями сановного мира и не было ответственно перед Думой. Эта последняя превратилась бы в огромный клуб всероссийской оппозиции, по камертону которого шло почти что целиком все русское общество.

О настроениях русского Общества мы уже упоминали. Жестокая его война с Правительством, которая собственно и составляла все содержание «внутренней политики» России, чрезвычайно обострилась на рубеже девяностых и девятисотых годов. Очагами и цитаделями борьбы Общества — борьбы антиправительственной по форме, антигосударственной по существу — стали университеты и земства. Установка их в период, предшествовавший вспышке 1905 г., была радикально-демократической — чем дальше, тем все более с революционным оттенком. К этим двум очагам прибавился третий — фабрично-заводской. Требования рабочих, добивавшихся элементарной социальной справедливости, носили вначале чисто профессиональный характер, чуждый всякой «политики». Но Императорское Правительство, испытывавшее какой-то слепой страх перед «социалом», усмотрело в этом только «крамолу». Оно отбросило русский рабочий класс в стан проповедников марксизма, и он вступил на путь революционно-социалистический. Это было едва ли не самой большой ошибкой правительства Имп. Николая II. Русские рабочие составили самую активную, сплоченную и озлобленную из оппозиционных групп.

Основоположником русского марксизма был социолог Петр Струве. Он перевел на русский язык (в 1898 г.) «Коммунистический Манифест» и положил начало всероссийской коммунистической партии, мечтая «выварить русского мужичка в фабричном котле» и превратить Россию в одну большую коллективистическую фабрику. Упомянутая «в.к.п.»

¹ Члены распущенной Думы собрались в Выборге и оттуда обратились к русскому народу с воззванием не давать рекрут, не платить налогов и не выполнять правительственных распоряжений, т.е. с призывом к гражданской войне. Позорного «выборгского воззвания» постыдился бы всякий европейский парламентарий.

вначале именовалась «русской соц.-дем. рабочей партией», но на партийном съезде в Лондоне в 1902 году произошло ее разделение на меньшевиков и большевиков ¹.

В то время, как рабочий класс подвергался обработке марксистов, умеренных или интегральных, — крестьянская масса обрабатывалась социал-революционерами, преемниками «народовольцев» 60-х и 70-х гг. Аграрная программа с.-р. была построена на использовании исконной ненависти крестьянина к помещику. Политическая программа их проповедовала индивидуальный террор, как способ воздействия на власть, причем, в отличие от интернационалистов с.д. не чуждались известной национальной установки.

В земствах влияние с.-р. было довольно ощутительным. Но основной тон там давали умеренно-либеральные течения, воплотившиеся в «партию народной свободы» или «конституционно-демократическую» ².

Серьезных политических группировок «справа» в государственно мыслящих и национально настроенных кругах не существовало ³.

Подводя итог русской либерально-революционной общественности, мы можем ее политические методы характеризовать партийностью и доктринерством.

Партия и партийная программа представляли для нее святую святых. Русский «общественник» — все равно, к.-д., с.-р., с.-д. или большевик — твердо верил в непогрешимость своих партийных догматов. Вне партии для него ничего не существовало. Но партия служила интересам страны, а страна должна была служить интересам партии. Если программа расходилась со здравым смыслом и требованиями жизни, то виноват был здравый смысл и требования жизни. Партийная же программа при всех обстоятельствах оставалась непогрешимой.

Доктринерство общественности вытекало из ее неопытности в государственном строительстве. Все свои познания в этой области она черпала из иностранной парламентской

¹ Меньшевики — сторонники малой программы («минимальной») и эволюционного метода. Большевики — сторонники «большой программы («максимальной» — откуда их название также «максималисты») интегрального марксизма и насильственного революционного метода, меньшевиков возглавил Плеханов, большевиков — ученик Струве — Ульянов-Ленин. Струве сперва лавировал между двумя этими учениями, затем в 1904–05 гг. издавал сперва в Германии пораженческую газету «Освобождение», где писал гнуснейшие небылицы про Русскую Армию (соблюдая традиции герценовского «Колокола» в 1863 г.)

² Партия с.-д. и с.-р. Как антигосударственные, были запрещены. Их представители попали в Думу под защитным цветом «трудовиков».

³ Единственной попыткой «динамизма справа» было создание Союза Русского Народа. Основателям его, к сожалению, не хватило научной разработки и государственной диалектики. Движение поэтому не получило политического значения и сошло на нет, выродившись в хулиганство.

практики, наивно считая западноевропейский парламентаризм верхом совершенства и мечтая подогнать под те же образцы и Россию ¹.

Во всеоружии своих теоретических познаний передовая русская общественность сгорала властолюбием. Она рвалась к власти — на смену «отживающему самодержавию», дабы применить эти теории на деле. Никто из этих самонадеянных доктринеров не сомневался в возможности и даже легкости управления громадной страной по самоучителю, к тому же заграничному.

Урок 1905 года прошел бесследно для Правительства. Паническая его растерянность сменилась излишней самоуверенностью. Победив благодаря Армии революцию, Правительство было убеждено, что революция больше никогда не повторится. Все его помыслы были поэтому направлены не на плодотворные преобразования, а на мелочную борьбу с общественностью. Отсюда — десятилетняя война Правительства с Думой, война, закончившаяся трагической гибелью обеих сторон и погубившая вместе с ними прекрасную, пусть и несовершенную, Петровскую Империю.

В глазах страны Правительство само предоставляло общественности как бы монополию на прогресс. Полное его бездействие в социальной области истолковывалось как бессилие и неспособность. Правительству надо было не дрожать перед «социалом» и не считать его «крамолой», а смело овладеть им, провести широкую в государственном масштабе реформу как в области рабоче-профессионального, так и аграрно-крестьянского законодательства.

Ничего в этом смысле сделано не было. В области рабоче-профессиональной деятельность Правительства выразилась нулем. В области аграрной политики дело ограничилось выделением желающих «на отруба» — половинчатой реформой, предпринятой кабинетом Столыпина (отчасти против воли самого Столыпина). Эту «стольпинскую» реформу следует считать отрицательным явлением: она чрезвычайно обострила социальную рознь русской деревни ². Со всем этим «отруба» и вообще забота о крестьянстве были

¹ И лишь много лет спустя, уже оказавшись во всероссийской эмиграции, один из этих мечтателей, Керенский, имел мужество признать, что той волшебной, передовой добродетельной Европы, которую создала в своих восторженных мечтаниях русская передовая общественность, на самом деле никогда не существовало. Мираж рассеялся, однако, слишком поздно.

² А именно, подчеркнув антагонизм элементов «кулацкого» и «бедняцкого». На использовании этого антагонизма была построена затем вся советская аграрная политика в период, предшествовавший сплошной коллективизации. Раскрепощение крестьянина от ига общины должно было быть не частичным, а всеобщим. Ему же должно было предшествовать моральное оздоровление деревни. Для этого морального оздоровления необходимо было прежде всего повысить роль сельского духовенства и народного учительства (прозябавших — первое на добротные подаяния, второе — на копеечном жаловании). То и другое должно было занять подходящие места в строительстве Государства. Вместо этого духовенство низведено было

значительным шагом вперед в сравнении с чисто меркантильными воззрениями предшественника Столыпина — Витте, смотревшего на русское крестьянство лишь как на материал для образования фабрично-заводского пролетариата.

Столыпин был убит в 1911 г. Человек весьма умный и очень волевой, он все же не являлся таким государственным гением, каким многие желали его потом представить. Со всем этим в его лице Император Николай Александрович лишился единственного способного к творчеству государственного деятеля.

Убитого Столыпина заменил Коковцев, управлявший до того финансами страны, посредственный политик. Вся свою политику Коковцев строил на двух китах — бросовом экспорте и внешних займах. «Дампинг» вел за собой обнищание, внешние займы отдавали Россию в политическую и военную кабалу. Вместе с тем, это была линия наименьшего сопротивления, которая вела к блестящему, пусть и чисто внешнему, показному «благополучию»¹.

Историк очень скептически отнесется к «эпохе небывалого экономического расцвета России». Этот «небывалый расцвет» был построен на песке и ни на чем реальном не основан. Он не отвечал ни экономическому благосостоянию населения, ни — самое главное — политическому положению страны. Экономика дочь Политики — Политике принадлежит главная роль. Хорошая экономика при плохой политике — лишь опасный мираж. И лишним доказательством этого основного государственного закона — подчинения экономических явлений явлениям политическим — служит упомянутый «небывалый экономический расцвет». Он исчез бесследно, рассеялся как мираж (каковым и был) при первом выстреле на прусской границе. На песке можно выстроить красивое здание, но от этого здания нельзя требовать ни прочности, ни долговечности.

Последние годы перед великой катастрофой были красивыми годами. Россия внешне как бы оправилась от недавних потрясений. Возрождались блеск и обаяние эпохи Александра III. В 1912 году торжественно было отпраздновано столетие Отечественной

Правительством на степень приживальщиков Государства, а учительство сознательно оттолкнуто в стан врагов Государства. «Отрубная реформа» была проведена не с того конца.

¹ Это показное благополучие — в частности, гигантский рост добывающей промышленности и экспорта — должно было чрезвычайно импонировать французским держателям русских ценностей, совершенно не замечавших обратной (и главной — потому что политической) стороны этой позолоченной экономики. Русским сахаром — по 2 коп. за фунт — откармливали в Англии свиней (и сбывали потом в Россию — но уже на вес золота — йоркширскую ветчину). В то же время в России сахар стоил 10–15 коп. фунт. Для огромного большинства русских детей он был недопустимой роскошью, и дети эти росли рахитами. Из огромного зерна, скупаемого за бесценок, варилось в Мюнхене превосходное пиво, но Поволжье пухло с голоду (напр., в 1911–12 гг.). Эти два примера позволяют оценить по достоинству «небывалое экономическое благополучие» Витте и Коковцева.

войны, а в 1913 с еще большим блеском прошли Романовские торжества. Первый из этих юбилеев — столетие изгнания двадцати языков — надлежало бы почтить открытием тайны Федора Кузьмича: престиж Династии поднялся бы в стране на огромную высоту. А ко второму юбилею — трехсотлетию Дома Романовых и подвигу святителя Гермогена — должно было раскрепостить Церковь и восстановлением Патриаршества положить предел духовному оскудению России. Но ни того, ни другого сделано не было.

Оглядываясь на государственных деятелей той эпохи, мы видим в них те же качества и недостатки, что и в манчжурских военачальниках, и немудрено: те и другие были членами того же общества, сынами того же народа, деятелями той же эпохи — эпохи великого духовного оскудения. Те и другие разменивались на мелочи — пассивно «отсиживались» вместо того, чтобы самим захватить инициативу событий. «Кругозору ротного командира» на верхах армии соответствовал «кругозор столоначальника» на верхах правительственной иерархии. Одинаковые причины влекут за собой одинаковые последствия.

Девять лет, прошедшие от Портсмутского мира до Сараевского убийства, составляют важную эпоху в жизни Русской Армии, проделавшей большую работу за этот краткий промежуток времени.

Жестокий урок Японской войны сказался двояким образом в душе Армии — ее офицерском составе. Главная его масса — средние и младшие начальники — с рвением принялась за возрождение подорванной русской военной мощи, быстро и плодотворно проработав весь горький опыт потерянной кампании. Старший же командный состав был глубоко потрясен и подавлен военной катастрофой: устои, казавшиеся незыблемыми, разрушились, переучиваться было поздно...

Таким образом, в то время, как в толще Армии — на ее низах — шла стихийная творческая работа и здоровая кровь военного организма удивительно быстро затягивала раны, бывшие столь ужасными, — на верхах российской вооруженной силы наблюдались упадок духа, уныние, шатания и колебания.

Период с 1905 по 1914 г. составил две совершенно отдельных эпохи: «великокняжескую» (1905–1908) и «сухомлиновскую» (1908–1914) — по главным деятелям, «анархическую» и «бюрократическую» — по методам этих главных деятелей.

Великокняжеская эпоха. По мере того, как на манчжурском небосклоне закатывалась звезда Куропаткина — в Петербурге все более крепло влияние Великого Князя Николая Николаевича, занимавшего в то время пост Ген. Инспектора Конницы.

Порывистый и чрезвычайно резкий, Великий Князь производил впечатление человека волевого. Но впечатление это было чисто внешнее: ему как раз не доставало именно силы

воли и он всецело находился во все времена во власти своего окружения. Интересы же этого окружения далеко не всегда совпадали с интересами России и Царствовавшего Дома (достаточно сказать, что им был выдвинут Распутин, нанесший столь жестокий удар престижу Династии). Лояльность Престолу самого Великого Князя в тот период сомнению еще не подлежала.

Великий Князь был знатоком Конницы, дилетантом в Стратегии и совершенным профаном в Политике. Под его настоянием (в первый раз угроза самоубийством, во второй раз «коленипреклонение») Император Николай Александрович предпринял два роковых шага своего царствования — учреждение Государственной Думы и отречение от Престола.

В июне 1905 года, еще во время войны с Японией, по мысли Великого Князя и под его председательством, был учрежден Совет Государственной Обороны — центр, предназначавшийся для «объединения управления Армией и Флотом, равно как и согласования всех ведомств, сопряженных с работой по государственной обороне». В Совет Гос. Обороны вошли министры всех этих ведомств, Н-к созданного только что Главного Управления Ген. Штаба, инспектора всех родов оружия и много других лиц — членов Гос. Совета, сенаторов и т.д.

Военное Ведомство было разделено на собственно Военное Министерство, которому оставлена административная часть, и Главное Управление Ген. Штаба, образованное из Ученого Комитета Гл. Штаба, пополненное чинами различных окружных штабов и получившее полную автономию на образец германского «большого ген. штаба». В Гл. Упр. Ген. Штаба была передана вся ген. квартирмейстерская часть.

Автономия Ген. Штаба разгружала Военного Министра и выправляла один из многочисленных дефектов милютинской организации. Однако, копируя германскую систему, наши реформаторы проглядели существенную ее часть: наличие «военного кабинета» кайзера, где было сосредоточено заведывание личным составом. У нас же личный состав был оставлен в ведении Министра.

На пост Н-ка Ген. Штаба был назначен ген. Палицын — бывший до того многолетним сотрудником Вел. Князя Николая Николаевича в должности н-ка штаба ген. инспектора Конницы, человек широкой военной культуры (хоть и позитивистско-рационалистического толка). Должность Военного Министра, по назначении ген. Куропаткина на Дальний Восток, занимал безличный ген. В.Сахаров, а в 1906 г. на этот пост был назначен отличный администратор ген. Ридигер.

Расстроенная неудачей дальневосточной войны русская вооруженная сила едва не была дезорганизована окончательно хаотическим многоголовым управлением.

Начальник Ген. Штаба и Военный Министр, Генерал-Инспекторы и Командовавшие войсками Округов, игнорируя друг друга, слали противоречивые распоряжения, превращали уже существовавший разнобой в какое-то столпотворение ¹. В частности, Ген.-Инспекторы родов оружия совершенно не считались с Командовавшими войсками, давая указания, сплошь и рядом шедшие вразрез с системами и порядками, принятыми в данном Округе.

Совет Государственной Обороны — многоголовый анархический организм — оказался совершенно не в состоянии справиться со своей сложной и ответственной задачей. Заседания этого разношерстного Ноева Ковчега носили характер совершенно сумбурный ².

Ясно сказалась вся абсурдность одновременного существования двух взаимно друг друга исключавших систем: старой — «военно-окружной» и новой — «автономной», на псевдогерманский образец. При таких обстоятельствах не только нельзя было воссоздать заново русскую военную мощь, но нельзя было и сохранить остатки прежней. Единственными положительными мероприятиями этого периода были разделение людей запаса на два разряда (в 1906 г.) и восстановление в декабре 1907 г. исторических наименований и форм кавалерийских полков. Наконец-то была ликвидирована тлетворная и нелепая сухотинская реформа 1882 года.

Срок службы в пехоте был в 1906 г. с 4 лет сокращен до 3.

Положение Армии было очень тяжелым. Она вынуждена была растрачивать накопившиеся силы на борьбу с беспорядками. Утомительная караульная служба изматывала войска, препятствовала их обучению. В русско-японской войне принимала участие треть Русской Армии. Эта треть воевала за счет оставшихся в России двух третей, поглотив все их запасы — в частности артиллерийские парки. Восстановить их к моменту конфликта с Австро-Венгрией — зиме 1908–09 гг. не сумели. Совет Государственной Обороны не смог дать ни одного конкретного указания в области, которой должен был вестись. В результате учреждение это в конце 1908 г. было распущено, а Н-к Гл. Упр. Ген. Штаба Палицын заменен ген. Сухомлиновым, командовавшим до того войсками Киевского Округа ³.

¹ Напр., весной 1908 г. штаб Киевского Округа получил одновременно два распоряжения: от Н-ка Ген. Штаба — о перестройке форта Дубно в Дубненскую крепость, и от Военного Министра — об упразднении форта Дубно. Это — одни пример из сотни.

² Заседания Сов. Гос. Обороны Столыпин характеризовал «бедламом», Вел. Кн. Сергей Михайлович — «кошачьим концертом», а ген. Палицын, один из инициаторов этого учреждения, — просто «кабаком».

³ За три с половиной года самостоятельного существования Гл. Упр. Ген. Штаба не было составлено даже плана работ. Сдача дел выразилась в том, что ген. Палицын передал ген. Сухомлинову ключ от пустого ящика своего стола. «Когда же я попросил программу по обороне, — вспоминает Сухомлинов, — он трагически

Сухомлиновская эпоха. Человек не лишенный способностей, ген. Сухомлинов отличался властолюбием и вместе с тем поразительным легкомыслием. Своей бодростью и неизменным оптимизмом он нравился Государю и импонировал ему.

Сухомлинов всегда был в натянутых отношениях с Вел. Князем Николаем Николаевичем. С крушением Совета Гос. Обороны и выдвижением Сухомлинова вражда между этими двумя одинаково властолюбивыми и одинаково завистливыми людьми перешла в открытую ненависть. На фоне этой зависти и борьбы двух течений — поверхностно новаторского великокняжеского и ретроградно-бюрократического сухомлиновского — и прошли для Русской Армии последние пять лет перед мировой войной.

В марте 1909 года после драматического совещания министров в Царском Селе Военный Министр ген. Ридигер должен был подать в отставку и на место его был назначен ген. Сухомлинов¹. Став во главе Военного Ведомства, ген. Сухомлинов сделался полным хозяином российской вооруженной силы, т.к. еще за несколько месяцев до того, по его предусмотрительному ходатайству, Гл. Упр. Ген. Штаба было подчинено Военному Министру и положение сделалось опять тем же, что от Милютина до 1905 года.

В период 1909–10 гг. ген. Сухомлиновым был произведен ряд важных реформ. Как бы к ним ни относиться, следует признать, что новый Военный Министр оказал Русской Армии огромную услугу, выведя ее из той анархии и маразма, в котором она пребывала. До прихода Сухомлинова было дезорганизованное вооруженное бессилие, с приходом Сухомлинова стала организованная вооруженная сила (пусть и далекая от совершенства).

Основными предпосылками сухомлиновских преобразований были следующие положения: упрощение организации, усиление материальной части, проведение территориальной системы, сосредоточение внимания исключительно на полевых войсках в предвидении скоротечного характера будущей войны.

Упадок духа, ставший характеризовать наши военные верхи после Японской войны, побудил еще предшественников ген. Сухомлинова отодвинуть вглубь Западной России наше стратегическое развертывание. Эти идеи воплотились ген. Сухомлиновым в т. наз. «19-м расписании» 1910 г., по которому Передовой театр (Варшавский В.О.) отдавался врагу без боя. Благодаря этому становилась ненужной продуманная Милютиным, Тотлебенем и Обручевым система крепостей. Лишенное своей души — наступательного духа, — русское

указал пальцем на свой лоб». Государь был очень разочарован деятельностью Сов. Гос. Обороны: «Вышло так, что все перепуталось, надо нам распутаться», — сказал он Сухомлинову.

¹ Окончательный удар ген. Ридигеру нанесла демагогическая речь члена Думы Гучкова, обрушившегося на «бездарность высшего командного состава». Ридигер неосмотрительно поддакнул Гучкову.

стратегическое развертывание лишалось и своего бетонного костяка. Еще в конце зимы 1909 г. ген. Сухомлинов предложил полное упразднение крепостей. Проект этот встретил сильное противодействие и в последующие годы привел к компромиссу, одни крепости упразднялись, другие оставлялись. Это половинчатое решение приводило к дезорганизации стройную нашу крепостную систему.

1910 год ознаменовался важными мероприятиями. В этом году были упразднены все резервные войска и крепостная пехота...

Все округа, за исключением польско-литовских — Варшавского и Виленского, мусульманского Среднеазиатского и малолюдного Приамурского, включены были в территориальную систему, по которой каждый полк имел свой определенный округ комплектования. Старая и слишком сложная милютинская система не успела полностью осуществиться до мировой войны, а во время войны была вовсе заброшена ¹.

Наконец, в том же 1910 г. было предпринято изменение дислокации войск и 5 пех. и 1 кав. (5-я) д-ии отправлены с западной границы во внутренние Округа (V к-с и новая 46-я п. д-ия из Варшавского в Московский Округ, XVI к-с из Виленского в Казанский). Этим мероприятием ген. Сухомлинов порывал с установившейся за полстолетия системой, по которой главная масса наших войск содержалась в двух северо-западных округах для наступательных операций против Германии. Милютин сосредоточил там две пятых всей Армии. Его преемники еще более усилили эти округа, еще совсем недавно, при Сахарове, с Закавказья в Брест была направлена 38-я п. д-ия.

Профанам, русским и заграничным, было объяснено, что переброска войск с Вислы и Немана на Волгу предпринята для того, чтобы «приблизить войска к районам их комплектования». Очевидная несообразность этого объяснения не могла не броситься в глаза ². В действительности здесь решающими были два соображения. Во-первых, создать в Казанском Округе резерв в 5 дивизий XVI и XXIV к-сов на случай войны с Японией либо Турцией. Во-вторых, стремление Столыпина иметь под рукой войска на случай беспорядков в Центральной промышленной области и Поволжья. Во Франции это мероприятие, бывшее

¹ Отметим, что гр. Милютиным все уезды Российской Империи были разделены на три группы: великорусскую, малорусскую и инородческую. Каждая часть получала пополнения из всех трех групп, причем одна из двух русских считалась «основной». Как правило, люди не служили на территории своего жительства. Варшавский Округ, напр., целиком пополнялся уроженцами русских округов (99 в пол. проц.). СПб Округ был самым «территориальным», но и в его частях было 58 проц. «чужих». Вообще же лишь 12,5 проц. (восьмая часть) призванных служила в своих округах.

² Отвод двух корпусов вглубь России замедлял боевую готовность Армии: собственно мобилизация (постановка в строй запасных), правда ускорялась, но сосредоточение чрезвычайно усложнялось — из Казани и Пензы под Люблин легче и скорее было подвести запасной корпус — 20 эшелонов, чем везти весь корпус — 120 поездов.

чисто русским внутренним делом, вызвало бурю негодования и даже дипломатические шаги («ослабление германского фронта»): доказательство того, что уже в 1910 г. Российская Империя вполне суверенным государством больше не являлась...

Вообще же преобразованиями 1910 года мы копировали внешние формы германской организации, не постигнув в то же время ее смысла, не уразумев тех предпосылок, что заставляли Германию принять определенный тип армии. Вся германская организация была рассчитана на нанесение молниеносного удара (как к тому побуждали Германию политические, географические и вытекавшие отсюда стратегические обстоятельства). Немцы сознательно готовились поэтому ко кратковременной войне: затяжная война была для них губительной. Мы ничего этого не поняли и принялись вслед за немцами повторять, что «будущая война будет скоротечной». Между тем, только что закончившаяся война наша с Японией, затянувшаяся на полтора года, характеризовавшаяся многомесячными периодами позиционной борьбы, давала нам богатый материал для размышлений. Вся беда была лишь в том, что мы так и не решались думать собственным умом и предпочитали — по столетней привычке — затверживать механически чужие слова.

Русская военная мысль этого короткого, но знаменательного периода характеризовалась тремя мировоззрениями.

Первое — официальное и господствовавшее — было продолжением умственного застоя послемилютинского периода — обскурантизма Ванновского и материализма Куропаткина. К нему примыкали как большинство старших начальников, оказавшихся неспособными воспринять свежий опыт войны, так и значительное число карьеристов, вполне разделявших мнения начальства и быстро восходивших за это по служебной лестнице. Это рутинерское мировоззрение поощрялось и насаждалось Сухомлиновым¹. Имена генералов Жилинского, Рузского, Н.И. Иванова характеризуют его «корифеев», имена же полковников В. Данилова и Бонч-Бруевича — его восходящие светила.

Игнорирование военной науки рутинерами вызвало резкую, хоть в общем и поверхностную реакцию. Возглавляли ее ген. Щербачев (н-к Академии), полковники Головин, Свечин и ряд других способных и даже талантливых представителей нашей военной профессуры. Их прозвали «младотурками» за напористость их новаторских стремлений. Движению сочувствовал Вел. Кн. Николай Николаевич, влияние которого было в этот период на ущербе. «Младотурки» стремилась извергать нашу отсталость равнением по

¹ Как передают, Сухомлинов похвалялся, что «двадцать лет не брал в руки ни одной книги по военному делу».

современным иностранным образцам. Их учение состояло, в общем, из смеси французских и германских доктрин (с преобладанием последних). Иными словами, они светили не своим светом, а отраженным чужим. Мольтке и Шлихтинга равняли Ланглуа и Фошем, полученную смесь сдабривали «прикладным методом» и получали таким образом «русскую» военную доктрину.

«Младотурецкое» движение встретило яростный отпор господства обскурантов. Борьба закончилась полным разгромом Академии Сухомлиновым в 1913 г., смещением крамольных профессоров и запрещением думать иначе, чем по раз навсегда установленному казенному шаблону. «Младотурки» были загнаны в подполье, но идеи их постепенно стали захватывать все более широкие круги. Сами по себе эти идеи особенной ценности не представляли, будучи лишь компиляциями иностранных рационалистических доктрин. Однако, в сравнении с царившей официальной косностью, и они были огромным шагом вперед. А главное, они давали известный научный метод, существенно расширяли кругозор. Профессора — «младотурки» сильно способствовали поднятию уровня офицеров Ген. Штаба выпусков 1908–14 гг. — выпусков исключительно ценных по своему качеству и столь ожививших войсковые штабы мировой войны.

Более ценной в идейном и научном отношении явилась третья группа — «классиков» — сторонников возрождения русского национального военного искусства. Первыми указали на эту основную особенность национальности военного искусства ген. Мышлаевский и полк. Баиов. Реакция «классиков» была глубже и осмысленнее реакции «младотурок»: это были основоположники определенной военной философии, а не только талантливые пересказчики иностранных доктрин. «Классики» чувствовали необходимость возродить русское военное искусство на русских же основаниях. Путь их был более трудным, нежели «младотурок», бравших хлесткими и модными лозунгами.

К началу мировой войны официальное рутинерство еще крепилось, но если не дни, то, во всяком случае, годы его были сочтены. На смену мертвой воде должна была явиться вода живая: ближайшее будущее было за «младотурками», дальнейшее — за «классиками».

Памятником отжившего, но не желавшего уходить рутинерства остался Полевой Устав 1912 года, составленный ген. Рузским и полк. Бонч-Бруевичем (причем главную роль играл этот последний). Устав этот не заслуживал бы упоминания, если бы ему, вернее, идеям, которые он выражал, Русская Армия не была обязана кровавыми неустойками во встречных боях августа 1914 года, позоров Брезин и Горлицким разгромом.

Характерной особенностью Устава 1912 года (заменившего «драгомировский» Устав 1901 г.) было прежде всего нарочитое игнорирование встречного боя. Все операции

классифицировались на «наступательные» либо «оборонительные»... При ведении «наступательного» боя уделялось излишнее внимание тщательному выяснению обстановки (вообще в маневренном бою невозможному) и сказывалось стремление руководиться действиями противника. Первое влекло к потере времени, ослаблению энергии: проволочкам и трениям при отдаче, передаче и выполнении приказаний. Второе грозило подчинить наши действия воле неприятеля. В оборонительном бою главная роль отводилась передовой линии, которая и насыщалась войсками. О маневрах из глубины и в глубину, о маневренном резерве не давалось и понятия: ничего не делалось для сообщения эластичности боевым порядкам крупных соединений. Вместо того, чтоб быть гибкими и упругими, как сталь, они были тверды, но хрупки, как чугун. Поражение передовой, насыщенной войсками линии легко принимало размеры катастрофы. Ясной идеи сосредоточения главных сил — решающего кулака — на главном направлении отнюдь не проводилось — как не проводилось идеи сосредоточения массивного огня — «огневого кулака». Наконец, Уставом не была изжита «куропаткинская» страсть к отрядной организации: он допускал «отряды» при условии, однако, быть им «силою не свыше корпуса».

Главным пороком русской стратегической мысли было какое-то болезненное стремление действовать «по обращению неприятельскому». Задачи ставились не так, как того требовали наши интересы, а так, как полагали вероятнее всего будет действовать противник. Отказ от самостоятельного мышления вел к отказу от инициативы, подчинению воле неприятеля, переоценке врага, недооценке в то же время наших сил. Все вместе приводило к упадку духа, необоснованным страхам, шатанию мысли — словом, ко всему тому, чем действительно характеризовалась деятельность наших тогдашних военных верхов (особенно в планах стратегического развертывания). Объяснением всех этих человеческих слабостей могло служить одно лишь олово, «Мукден». Недавний разгром наложил свой печальный отпечаток на души старших начальников — они так никогда и не смогли вполне отбиться от психологии побежденных. Принимая во внимание ригоризм производства по старшинству (столь губительный при подборе старших начальников), можно было допустить, что освежение и моральное оздоровление нашего высшего командного состава смогло бы наступить не ранее 1920–25 гг., когда наша Армия смогла быть возглавленной деятелями, ее достойными.

Должность Н-ка Гл. Упр. Ген. Штаба при ген. Сухомлинове замещалась людьми незначительными, не способными стать соперниками властолюбивому министру. Способный и культурный ген. Мышлаевский был сразу «сослан» на Кавказ. Его заменил трудолюбивый Гернгросс (к-р XXIV арм. к-са), а Гернгросса — «человек в футляре», мелочный

столоначальник — ген. Жилинский (б. н-к штаба Наместника адм. Алексева, а затем к-р X арм. к-са). Ген. Жилинский пробыл во главе Ген. Штаба с 1911 по 1914 г., принял в этой должности ряд легкомысленных и непродуманных обязательств в отношении союзницы Франции и «по своему желанию» был назначен на ответственный пост к-щего войсками Варшавского Округа (т.е. главнокомандующего «германским» С.-З. фронтом). На место ген. Жилинского был назначен «сухомлиновский» Н-к Академии — ген. Янушкевич — скромный профессор военной администрации, никогда ничем, даже батальоном, не командовавший и получивший этот новый пост столь же неожиданно, как и свой предыдущий ¹.

Должность Ген. Квартирмейстера все это время занимал полк., затем ген. Ю. Данилов («черный» — в отличие от другого, «рыжего» Данилова). Он явился главным автором плана нашего стратегического развертывания.

Вел. Кн. Николай Николаевич сохранил за собой пост главнокомандующего Гвардией и СПб Военн. Округом (в военное время — главнокомандующий 6-й отдельной армией). Он довел боевую подготовку своих войск до большого совершенства, пригласив сюда многих отличившихся в Манчжурии начальников (как генералы Лечицкий и Леш стал вверять гвардейские полки выдвинувшимся на войне командирам — армейцам). Ежегодный Красносельский лагерный сбор давал определяющую ноту тактической подготовке всей Русской Армии: здесь испытывались все технические новинки, составлялись и исправлялись на местности всевозможные наставления и уставы, тут, наконец, формировался тактический глазомер и командный навык тех многочисленных Гвардии полковников, что ежегодно ехали во все концы России принимать армейские полки...

Работа по воссозданию боевой мощи Русской Армии ограничивалась областью мелких соединений и элементарной тактики. Роты, эскадроны и батареи были доведены до высокой степени совершенства, далеко превосходя таковые же любой европейской армии в искусстве применения к местности, самоокапывании и стрельбе. На стрельбу было обращено особое внимание, переходившее в увлечение: отмеченная иностранцами неудовлетворительность нашего ружейного огня была основным тактическим впечатлением, вынесенным нами из Манчжурии. В 1909 г. были введены ежегодные Императорские призы первому по стрельбе

¹ Сухомлинов отзывался о Янушкевиче пренебрежительно: «Наш новый г-к ген. штаба — малое дитя». Это усиливает ответственность Военного министра, доверившего исключительно важный пост «малому дитяти». Сурово следует осудить и ген. Янушкевича, принявшего должность, заведомо ему не подходившую. О необычайном легкомыслии и ветренности ген. Сухомлинова дает представление передаваемый гр. Коковцевым случай: осенью 1912 г., когда вспыхнула Балканская война и положение в Европе сразу же стало чрезвычайно напряженным, «этот легкомысленнейший в мире человек» представил на подпись Государя указ о мобилизации (тут же признаваясь, что он сможет вызвать войну) и одновременно ходатайствовал о разрешении ему отпуска для увеселительной поездки на Ривьеру!

полку каждого Округа. Особенно налегал на стрельбу Главнокомандующий Гвардией и СПб Округом Вел. Кн. Николай Николаевич: у него командир полка, не получавшего оценки «отлично» (а только «хорошо»), отрешался от должности.

На подготовку высших тактических соединений — дивизий, корпусов и армий с их управлениями — не было обращено никакого внимания. На больших маневрах штабы сторон и посредников имели совершенно случайный «отрядный» состав. Ни разу не было сделано опыта составления настоящих штабов армий из военно-окружных. Эта важнейшая из всех отраслей службы Ген. Штаба была оставлена без всякой разработки. Составление нового Положения о полевом управлении войск (на смену Положения 1890 г.) затянулось: оно было издано только в июле 1914 г. — в разгар мобилизации — и окружные штабы (переключившиеся в армейские), не говоря уже о войсковых штабах, совершенно не имели возможности с ним ознакомиться заблаговременно...

Подводя итог состоянию Русской Армии к лету 1914 года, мы можем увидеть два ее слабых места: во-первых, слабую технику, во-вторых, неудовлетворительный высший командный состав. Исправление первого недостатка было вопросом двух-трех лет. Гораздо серьезнее был второй — наследие предшествовавшей эпохи застоя и оскудения духа. Моральный уровень большинства старших начальников остался тот же, что в доманчжурский период, и это фатально принижало качество работы самих по себе прекрасных войск. В результате — наши отлично применявшиеся к местности взводы, великолепно стрелявшие роты и проявлявшие частный почин батальоны оказывались заключенными в вялые дивизии, неуклюжие корпуса и рыхлые армии.

Это слабое место не укрылось от зоркого, холодного и беспощадного взора врага. Характеризуя армии будущих своих противников, германский генеральный штаб подметил невысокое качество наших крупных единиц. «В борьбе с русскими войсками, — заключал в 1913 г. его ежегодный рапорт, — мы сможем себе позволить действия, на которые не дерзнули бы с равноценным противником»...

Так стали писать о Русской Армии потомки кунерсдорфских беглецов...

Офицерский корпус насчитывал 1500 ген. и 44000 офицеров, врачей и чиновников. На строевых должностях и в войсковых штабах состояло 1200 ген. и 36000 оф.

Качество его было превосходно. Третья часть строевого офицерства имела свежий боевой опыт — и этот опыт был отлично использован и проработан. Поражение в Манчжурии тут не только не подавляло дух (как то было у большинства старших начальников), но, наоборот, стимулировало энергию — и этой самоотверженной работе

русского офицера Армия была обязана своим перерождением в изумительно короткий срок. Оживлена была программа военных училищ, где решено было в 1913 г. ввести трехлетний курс (а именно в бывших юнкерских училищах). Сильно повысился и уровень кандидатов в офицеры.

Еще совсем недавно — в куропаткинские времена и в 1905 году — отношение общества к Армии и к офицеру было резко отрицательным и пренебрежительным. Ген. Ванновский — на склоне дней своих ставший министром Народного Просвещения — не находил ничего более умного, как отдавать в солдаты излишне шумных студентов. Нелепая эта мера сильно вредила Армии, превращая ее в какое-то место ссылки, тюрьму, вредила и престижу военной службы в глазах страны, обращая почетный долг в отбывание наказания. К мундиру относились с презрением — «Поединок» Куприна служит памятником позорного отношения русского общества к своей армии. Военная служба считалась уделом недостойным: по господствовавшим в то время в интеллигенции понятиям, в «офицеришки» могли идти лишь фаты, тупицы либо неудачники — культурный же человек не мог приобщаться к «дикой военщине» — пережитку отсталых времен ¹.

Милютинский устав 1874 г., фактически освободивший от военной службы людей образованных и даже полуобразованных, лег всей своей тяжестью на неграмотных. Не отбывавшая воинской повинности интеллигенция, совершенно незнакомая с военным бытом, полагала в начале XX века казарму тюрьмой, а военную службу состоящей из одной лишь «прогонки сквозь строй». Из более чем двухвековой и славной военной истории она удержала лишь одно — шпицрутены ².

Конец девятисотых годов принес резкий перелом. Кризис 1908 года показал опасность, нависшую над Россией с Запада. Германский бронированный кулак заставил всех серьезно призадуматься. Стал пробуждаться от столетнего почти сна патриотизм, и появилась тяга учащейся молодежи в военные училища. Туда шли уже окончившие и кончавшие университеты, шли золотые и серебряные медали, пренебрегая традиционными «естественными науками». С каждым годом эта тяга становилась все заметнее, все ощутительнее. В 1905 году гимназии и университеты были очагами революции, в 1917 стали очагами контрреволюции. За этот промежуток они дали Армии много тысяч доблестных офицеров. Отрезвление, таким образом, стало наблюдаться в младшем поколении русского

¹ В 1901 г., — вспоминает полк. Сергеевский, — я кончал гимназию в Петербурге, кончал хорошо, с медалью. Заявил о желании поступить в военное училище. Все преподаватели меня отговаривали. Дважды вызывался я на квартиру директора для убеждений отказаться от моего «некультурного» желания. «Это позор для гимназии», — говорил мне директор. — «Ведь кто идет в офицеры — только идиоты или неудачники», — говорили другие...

² В этом отношении характерна психология Керенского, считавшего, что «при царе солдат в бой гнали кнутами и пулеметами».

общества (родившихся в 90-х гг.) как не успевшем окончательно заостенеть в партийных клетках, подобно отцам и старшим братьям. Это — молодые офицеры выпусков начала Десятых годов и прапорщики первого года мировой войны — та категория русского офицерства, что имела наибольшее количество убитых.

Поднятию престижа военной службы способствовала и введенная весной 1906 г. красивая форма обмундирования. Форма эта, с ее цветными лацканами и киверами с султаном (этот головной убор — в Гвардии), приближалась к образцам александровской эпохи. Офицеры (но только в армейской пехоте) могли носить вместо некрасивых шашек — сабли, как до Александра III. Конница засверкала великолепиями касок, киверов, колетов, доломанов и ментиков. Психологически это имело огромное значение — роль одежды была значительна во все времена и у всех народов ¹. В 1910 г. введено и походное защитное обмундирование: гимнастерка «хаки» и офицерский китель превосходной (с красноватой искрой) материи.

Русское офицерство не образовало сплоченной касты — государства в государстве — каким был прусско-германский офицерский корпус. Не замечалось в нем и товарищеского духа австрийцев, бывших со времен Тридцатилетней войны, от фельдмаршала до прапорщика, на «ты». Чрезвычайно разнообразный по происхождению и воспитанию, русский офицерский корпус (по составу — самый «демократический» в мире) объединялся лишь чувством преданности Царю и жертвенной любовью к Родине. Офицер был привязан к своему полку. Чем глуше была стоянка, тем сплоченнее была там полковая семья, тем выше был дух полка. Гвардия находилась в особых условиях комплектования и службы. Спайка заметно ослабевала в так называемых «хороших» стоянках, больших гарнизонах, где появлялись посторонние, внеполковые интересы.

Если можно было считать обычным бытовым явлением наличие более или менее сплоченной «полковой семьи», то единой «общеофицерской семьи» не было. Между родами оружия, да и между отдельными подразделениями одного и того же рода оружия наблюдалась рознь и отчужденность. Гвардеец относился к армейцу с холодным высокомерием. Обиженный армеец завидовал Гвардии и не питал к ней братских чувств. Кавалерист смотрел на пехотинца с высоты своего коня — да и в самой коннице наблюдался холодок между «регулярными» и казаками. Артиллеристы жили своим строго обособленным мирком, и то же самое можно сказать о саперах. Конная артиллерия при случае стремилась

¹ Материалисты этого не понимали и ворчали на эти «непроизводительные затраты». Их, к счастью, не слушали. Был поднят вопрос об удлинении мундиров и шинелей с пригонкой их в талии и введении остроконечного матерчатого шлема — шишака. Это было осуществлено уже в Красной армии.

подчеркнуть, что она составляет совершенно особый род оружия (известное отрицательное влияние имело предпочтение, оказываемое Вел. Князем Сергием Михайловичем конно-артиллеристам). Все строевые наконец дружно ненавидели Ген. Штаб, который обвиняли решительно во всех грехах Израиля. Если в каком-нибудь провинциальном гарнизоне стояли — даже в небольшом количестве — части трех главных родов оружия, то обязательно имелось три отдельных собрания — пехотное, кавалерийское и артиллерийское ¹...

Создание единого и сплоченного офицерского корпуса было государственной необходимостью. Для этого требовалось вернуть Гвардии ее первоначальное назначение. Гвардия Петра I была государственным учреждением исключительной важности — мыслящим и действующим отбором страны. Павел Петрович совершенно исказил ее характер, передал ее на отбор исключительно физический по королевско-прусскому образцу.

Все милютинские пехотные училища надлежало закрыть, а кандидатов в офицеры (юнкеров) и офицеры запаса (вольноопределяющихся) — «писать в Гвардию». Трехлетняя Гвардейская шлифовка дала бы однородную, тесно сплоченную, проникнутую одинаковыми воззрениями офицерскую среду — и на этом несравненном фундаменте можно было возвести безбоязненно грандиозное здание обновленной Российской Империи ².

Императорское Правительство совершило жестокий промах, недооценив великой политической роли в стране организованного, сплоченного в монолит офицерского корпуса. Оно не сумело ни его подготовить, ни его ориентировать ³.

Эволюция нашего плана войны. Когда в результате франко-германской войны на нашей границе создалась — не без нашего просвещеннейшего содействия — могущественнейшая Германская Империя, правительство Императора Александра II увидело, что в своем

¹ Вел. Кн. Владимир Александрович, в бытность свою главнокомандующим Гвардией и СПб Округом, боролся с этим взаимным отчуждением, и по его инициативе в 1898 г. открылось «Собрание Армии и Флота». Подобные собрания были потом заведены во многих гарнизонах.

² Каждый гвардейский полк имел бы в своем составе два «школьных» батальона (юнкерский — для подготовки кадровых офицеров, и вольноопределяющихся — для подготовки офицеров запаса) и два «строевых» (солдатских). Портупей юнкера — в звании Гвардии сержантов и капралов — должны были бы иметь вход ко Двору. По истечении трехлетней научной и строевой подготовки юнкера и вольноопределяющиеся производились бы в Гвардии прапорщики, с переименованием затем в армейские подпоручики. «Строевые» батальоны могли бы нести гарнизонную службу в столице и участвовать в походах, что вернуло бы нас к положению, существовавшему во времена Миниха и Кейта.

³ Император Николай Александрович смотрел на военных как на членов семьи, инстинктивно угадывая в офицерах вернейшую опору Государству, чувствуя фальшь и интриги придворной среды, Государь в последние годы перед мировой войной искал общества офицеров, запросто посещая собрания. К сожалению, практически эти чаяния не вылились в законодательстве.

германофильстве зашло слишком далеко. Начиная с 1873 г. под руководством сперва гр. Милютин, затем ген. Обручева началась работа по составлению плана войны с западными нашими соседями. В 1879 г. был заключен Тройственный Союз, направленный определенно против России, а в 1880 г. ген. Обручевым был составлен первый план войны с обеими немецкими державами.

План этот подвергся изменениям в 1883 и 1887 гг., но основная его идея оставалась неизменной: используя выгодное географическое положение вдававшегося вглубь вражеских земель Царства Польского (Передовой Театр) и опираясь на продуманную систему крепостей, бить по сообщениям противника. Удар по германцам наносился из буго-наревского района в тыл Восточной Пруссии, удар по австрийцам — вдоль берегов Вислы в тыл Восточной Галиции...

В 1900 г. Военный Министр ген. Куропаткин составил новое — 18-е расписание, согласно которому против Австро-Венгрии развертывалось 540 б-нов, 459 эск. и 2064 орд., а против Германии — 618 б-нов, 450 эск. и 1944 орд. (мы знаем, что в 1898 г. вооруженные силы России увеличились). Всего развертывалось шесть армий: три против Германии — 1-я на Немане, 2-я на Нареве, 6-я в резерве у Вильны — три против Австро-Венгрии — 3-я у Люблина, 4-я у Холма, 5-я у Ровно. Расписание корпусов по армиям в общих чертах осталось неизменным с 1900 г. по 1914. Ген. Куропаткин считал, что Германия двинет свои главные силы против России. Основная идея осталась прежней — главный удар по австрийцам (и эту выдержку следует поставить Куропаткину в заслугу, как редкий у него случай проявления воли). Ген. Куропаткин просил высказаться по существу плана М.И. Драгомирова. Герой Зимницы был категоричен: главный удар надлежало нанести Германии как наиболее опасному врагу; удар повести из передового Театра прямо на Берлин; для этого решительного удара сосредоточить подавляющие силы, жертвуя второстепенными направлениями в пользу главного. Цельность и решительность этого взгляда испугали робкую и половинчатую натуру ген. Куропаткина. Записка М.И. Драгомирова — указывавшая на большой стратегический глазомер автора — на плане так и не отразилась ¹.

В 1902 г. было санкционировано деление вооруженной силы на «фронты», названные сперва — по противникам — Германским и Австрийским, затем — географически — Северо-Западным и Юго-Западным. Во главе первого был поставлен Вел. Кн. Николай

¹ Характерно, что к ноябрю 1914 г. обстоятельства на левом берегу Вислы совершенно стихийно сложились в духе предложения М.И. Драгомирова: там столпилась большая часть наших корпусов, но ослабленных уже и действовавших на совершенно необорудованном театре. Исход на Берлин, задуманный Ставкой, мог быть — и стал — при таких обстоятельствах лишь покушением с негодными средствами.

Николаевич при н-ке штаба ген. Палицыне, во главе второго — ген. Куропаткин с н-ком штаба ген. Сухомлиновым. Верховным Главнокомандующим должен был быть Государь.

Августейший главнокомандующий С.-З. фронтом был сторонником оттягивания нашего стратегического развертывания назад, вглубь Белоруссии. Вел. Князь считал Передовой Театр слишком рискованным плацдармом и полагал встретить неприятеля у Борисова и Минска. Эти соображения разделялись и кругами, заинтересованными в дальневосточной авантуре. Осенью 1903 г. Куропаткину с большим трудом удалось уговорить Государя оставить в силе «милютинские соображения» и развертывание войск на Передовом Театре.

Японская война, нанеся такой ущерб морали наших военных кругов, немедленно же отразилась на плане войны с Центральными Державами. Идеи Милютина и Обручева единогласно были признаны «слишком рискованными». В Передовом Театре был усмотрен только опасный «польский мешок», где наши армии могли быть взяты в тиски двойным ударом австрийцев на Люблин и немцев на Ломжу.

Уныние, пессимизм, переоценка противника, стремление предугадать заранее все мелочи и предвидеть только худшее были в этот печальный период всеобщими и разделялись даже лучшими представителями русской стратегической мысли. Записка ген. Алексеева от начала 1908 г. об инженерной подготовке театра военных действий считает Передовой Театр «самым слабым местом» и вся проникнута идеей пассивной обороны. Чувства эти всецело разделил тогдашний н-к Ген. Штаба ген. Палицын.

К этому же времени относится знаменитая записка полк. Ю. Данилова — тогда 1-го квартирмейстера Гл. Упр. Ген. Штаба — легшая затем в основу всех последовавших наших планов.

Чудовищный этот документ был основан на предположении, что Франция останется нейтральной, а Россия будет атакована Швецией, Германией, Австро-Венгрией, Румынией, Турцией, Китаем и Японией одновременно. Не предусмотрено было лишь нашествие марсиан. Абсурдная политическая предпосылка повлекла за собой и абсурднейший план стратегического развертывания.

Не имея к тому никаких данных, Юрий Данилов принялся тем не менее гадать за противника (из каких портов и на каких пароходах поплывут шведы отбирать у нас Петербург и т. подобное). Германия, направив все свои армии на Россию, выберет для этого район к северу от Полесья и притянет туда же австрийцев. Под этот воображаемый им самим «план» неприятеля Данилов подогнал и весь русский план войны.

Управления обоих фронтов упразднились. Почти что всю Действующую Армию Данилов втиснул в район Свенцяны-Барановичи, сосредоточив здесь — буквально на пяточке — 50 дивизий: за 1-й и 2-й армиями, в затылок им, стояли 4-я и 5-я. Вся Польша — 10 губерний — отдавалась врагу без выстрела, только в Новогеоргиевске зачем-то запиралось 4 дивизии, обреченные на верную гибель. Никакой задачи армиям не ставилось, никакого маневра не указывалось. Им предписывалось «действовать по обстоятельствам», т.е. их отдавали в подчинение неприятельскому главнокомандующему...

На отлете от всей этой столпившейся неподвижно, наподобие римлян под Каннами, массы, к югу от Полесья действовала 3-я армия, подставлявшаяся под отдельное поражение. Все же это удивительное развертывание прикрывалось одним XIV арм. к-сом, которому указан был фронт Люблин — Ковель — 150 в. по воздушной линии (эта паутина должна была «сдерживать» две австрийские армии!)

Таков был план, вошедший в силу в сентябре 1910 года. В штабах Округов он вызвал единодушные протесты: будущие исполнители не желали расхлебывать столь круто заваренную кашу. На съезде начальников штабов Округов в феврале 1912 г. он был признан невозможным¹. Главному Упр. Ген. Штаба, скрепя сердце, пришлось уступить — и выработка новых основ плана развертывания была поручена комиссии ген. квартирмейстеров окружных штабов во главе с ген. Пестовским.

Комиссия ген. Пестовского пришла к необходимости нанести главный удар Австро-Венгрии (как на том настоял на Московском совещании ген. Алексеев). Признавалось необходимым восстановить управления фронтов и иметь на всякий случай вариант для парирования германского наступления.

Работа комиссии ген. Пестовского совпала с получением Главным Упр. Ген. Штаба ценных самих по себе сведений о стратегическом развертывании австро-венгерских армий. Ген. Данилов воспользовался этим и подогнал наш план развертывания «под австрийский», дав армиям Юго-Западного фронта указания в зависимости от обнаруженных намерений противника. Прием, допустимый для школьника, подгоняющего решение задачи «под ответ», но преступный для составителя плана войны. Русским армиям было указано действовать не так, как того требовали интересы русской стратегии, русской государственности, — а так, как то предначертал Его Величество Противник...

¹ С особенной силой и авторитетностью восстал против плана 1910 г. тогдашний н-к штаба Киевского В.О. ген. Алексеев. Он считал, что в 1912 г. Русская Армия достаточно усилилась для того, чтобы действовать наступательно. Против Германии надлежало оставить не свыше 6-ти к-сов, а все остальные силы двинуть на Австро-Венгрию, развивая мысль ген. Алексеева, н-к штаба Варшавского Округа ген. Клюев указал на бесполезность наступления 2-й армией в Восточную Пруссию (словно предчувствуя ее и свою судьбу) и советовал направить эту армию в состав трех к-сов на Ю.-З. фронт.

Тем временем произошла Балканская война. Куманово и Битоль всполошили Австро-Венгрию. Сербия оказалась врагом более опасным, чем это полагали. Н-к имперского Ген. Штаба ген. Конрад фон Гетцендорф коренным образом переработал весной 1914 г. свои планы, сняв одну армию с русского фронта на сербский. Фронт развертывания против России пришлось сократить и ориентировать уже не к востоку — на Киев, а к северу — на Люблин — во фланг и в тыл Варшавскому Округу.

Таким образом, австрийская «шпартгалка» 1912 г. утратила два года спустя всякую ценность, а построенный на ее основании план постигла участь плана Вейротера. Одинаковые причины влекут за собой одинаковые последствия. Русский удар по Львову наносился в пустопорожнее пространство. Наоборот, австрийский удар по Люблину попадал в самое уязвимое место нашего развертывания и ставил Русскую Армию в положение, близкое катастрофическому...

Рассматривая стратегическую подготовку России к войне, мы должны констатировать полный разрыв между Стратегией и Политикой. Русская стратегия творилась в безвоздушном пространстве, без всякого учета сложившейся политической обстановки. Гл. Упр. Ген. Штаба считалось с нападением Швеции, игнорируя фактический наш союз с Англией — тогда как каждый консульский секретарь знал, что Швеция такой же британский доминион, как и Португалия, и против воли Англии никогда не пойдет. Мы могли быть спокойны за Петербург и сразу же двинуть XVIII и XXII к-са на фронт, где нужен был каждый батальон. Столь же неосновательны были и опасения за Румынию: после событий 1913 г. ей не было никакого интереса сразу объявлять войну Согласию. Ясно было, что Румыния выждет событий, чтобы потом поспешить на помощь победителю. Ни на чем не были основаны страхи перед Японией: мукденские победители нуждались в мире еще больше, чем мы, «переваривая» Корею и Южную Манчжурию. (На Японию, кроме того, давила и Англия.) Наконец, совершенно необъяснимо было упорное желание считать Италию в числе наших врагов, когда нейтралитет ее был обеспечен еще с 1910 г. (свидание в Ракониджи). И столь же изумительные были расчеты на Болгарию...

События мировой политики проходили мимо руководителей русской стратегии, не оставляя никакого следа на их решениях. Можно было подумать, что Дворцовая площадь и Певческий Мост находились в двух совершенно различных планетах.

Политическая неграмотность влекла за собой неграмотность стратегическую.

Большая программа. Реформа 1910 г. привела всю пехоту в однородный состав полевых войск и ввела орудия навесного огня в состав корпусной артиллерии. Это был лишь

первый шаг к задуманной коренной реорганизации Русской Армии, значительно усиливавшей ее состав и техническую мощь.

Эта коренная реорганизация тормозилась отсутствием чрезвычайных кредитов, которых испрашивалось на сумму 500 млн. руб. Такой же кредит потребовало и Морское Ведомство для восстановления совершенно уничтоженного флота.

Император Николай Александрович решил сперва удовлетворить чаяния моряков. Петр I поступил бы совершенно так же. Моря для России составляют легкие, которыми она дышит. Флот нужен ей совершенно в той же степени, что и Армия, воссоздание же его всегда является делом гораздо более длительным и трудным. Ассигнование кредитов в первую очередь Морскому Ведомству государственно оправдывалось. До создания этой государственной необходимости не доросло ни Общество (Дума отказывалась отпустить кредиты: Гучков доказывал, что «России флот не нужен»), ни даже Правительство в лице ген. Сухомлинова: одна рука потентата игнорировала другую. Своим возрождением после Цусимы флот был обязан целиком Государю.

К сожалению, Морской Министр адм. Григорович главное внимание обратил на менее важное Балтийское море и недооценил всей срочности усиления Черноморского флота, дабы держать Турцию в повиновении, а проливы открытыми.

Лишь в 1913 году Военному Ведомству удалось получить кредиты для выполнения на пятилетний срок «Большой программы». По этой программе Русская Армия к концу 1917 г. сравнивалась техникой с Германской.

По Большой программе наша сухопутная вооруженная сила доводилась с 1230000 чел. до 1710000 чел. в мирное время. Усиленный призыв 1913 г. и оставление на всю зиму срока 1910 г. превысили, как мы видели, эту норму.

Пехота получала приращение в 274000 чел. Вновь должно было формироваться 32 пех. полка и 6 стр. (гл. обр. третьи бр-ды в пех. д-иях пограничных округов, 3 новых пех. д-ии, 1 стр. б-да и новый XXVI арм. к-с в Варш В.О.). Особенное внимание было обращено на увеличение штатов. В пограничных округах определен таковой в 100 рядов («полный»). Часть внутренних корпусов должна была с «нормального» штата 60 рядов перейти на «усиленный» 84 ряда.

Кавалерия должна была увеличиться на 38000 всадников. Усиливались штаты и должна была составиться войсковая конница, отсутствие которой, наконец-то, стало тревожить наши военные верхи.

Особенно усиливалась артиллерия. Все полевые батареи приводились в 6 орд. состав. В арт. бр-ду включалось 9 пушечных и 2 мортирных б-реи — всего 66 орд., а каждому арм. к-

су придавался тяжелый дивизион в 4 б-реи (42 лн. пушки и 6 дм. гаубицы). В корпусе т. обр. к 1917 г. должно было состоять 200 орудий (в Германии 160), а в д-ии пропорция артиллерии с 3 орд. на б-н повышалась до 5 с половиной.

Все это осталось на бумаге. Весной 1914 г. была сформирована 4-я Финл. стр. бр-да — все, что успели осуществить из всего грандиозного плана. Германия не стала дожидаться проведения Большой программы Русской Армии!

Вопрос о «предупредительной войне» с каждым месяцем ставился для Германии все более остро. Надо было торопиться и не пропустить все сроки. В 1913 г. имперский военный министр ген. Фалькенгайн закончил проведение своей программы, сформировав по корпусу (20-й и 21-й) на русской и на французской границах и создав тяжелую артиллерию неслыханных доселе калибров.

Два обстоятельства заставляли Германию торопиться и метнуть молот Тора в собиравшуюся над Валгаллой тучу.

Первым обстоятельством была русская Большая программа. Время работало на Россию, Русская Армия крепла с каждым годом. В 1917 г. она грозила стать слишком сильной.

Второе обстоятельство было еще важнее. Надо было использовать австро-венгерского союзника, пока тот еще существовал: одной Германии нечего было и думать справиться с Россией и Францией...

8. Последняя война Петровской Армии

Трофеи и потери. За три года исключительно тяжелой борьбы Русской Армией было взято 2200000 пленных и 3850 орудий. Из этого числа германцев — 250000 и 550 орудий, австро-венгров 1850000 и 2650 орудий и турок — 100000 при 650 орудиях.

За то же время Францией было взято 160.000 пленных и 900 орудий, Англией — 90000 при 450 орудиях, а Италией — 110000 пленных и 150 орудий.

Русские трофеи в шесть раз превысили трофеи остальных армий Согласия, взятых вместе.

С чувством глубокого удовлетворения русский историк просматривает списки потерь по полкам Германской армии, дравшихся на Востоке и Западе. Русский фронт для них оказался вдвое убийственнее англо-французского...

Беспримерное напряжение повлекло за собой и беспримерные потери.

Размеры этих потерь никогда не удастся определить в точности. Русское верховное командование совершенно не интересовалось уже использованным человеческим мясом. Не интересовалось этим и Главное Санитарное Управление: в госпиталях не существовало статистики умерших от ран, что не может не ошеломить исследователя.

Подсчеты потерь производились во время войны и после нее отдельными лицами по неполным и несистематизированным данным. Они носили случайный характер и приводили к совершенно различным, зачастую фантастическим заключениям (достаточно сказать, что количество, например, пленных определялось в пределах от 1300000 до 4500000). Интендантство подсчитывало «едоков». Красный Крест и земско-городские союзы регистрировали как могли и без всякой связи друг с другом раненых, проходивших через их лазареты и отправившихся вглубь России (оставшиеся в прифронтовой зоне ни в какие ведомости не попадали).

Ставка совершенно не интересовалась вопросом о понесенных потерях. Люди, три года славшие на убой миллионы русских офицеров и солдат, изобретавшие «двойной обход Мазурских озер», «наступление в сердце Германии», отдававшие обескровленным армиям исступленные директивы «ни шагу назад!», воздвигавшие пирамиды черепов на Бзуре, Нарочи, у Ковеля — эти люди ни разу за три года не поинтересовались узнать, во что, хотя бы приблизительно, обходится России и Русской Армии их стратегическое творчество.

По данным Военного Ведомства, представленным незадолго до революции в Совет Министров, наши «окончательные потери» — убитыми, умершими от ран и болезней, инвалидами, пропавшими без вести и взятыми в плен — определялись с начала войны по декабрь 1916 в 5500000 чел. Число это было получено из сопоставления общей цифры призванных — 14500000 — с таковой же находившихся на довольствии в Действующей Армии, на Флоте, в тыловых частях и на излечении — 9000000 по сведениям Гл. Интендантского Управления. Отметим сразу же, что эта цифра 9000000 значилась «по списку», тогда как «налицо» состояло гораздо меньше. — Весь ноябрь и декабрь шли кровопролитнейшие бои в Карпатах и в Румынии, Западный фронт пухнул от цинги, а Кавказский наполнял лазареты обмороженными, тифозными, дизентерийными и лихорадочными. К указанным 5500000 «окончательных потерь» можно было бы уже в декабре 1916 г. приписать 200–300 тысяч.

По сведениям, официально сообщенным нашему Красному Кресту неприятелем, к зиме 1916–17 гг. в Германии, Австро-Венгрии, Болгарии и Турции состояло 2200000 русских военнопленных. Цифра эта вполне достоверна (неприятелям, во всяком случае не было никакого расчета ее приуменьшать).

Вычтя это число из общей суммы, получим 3300000 потерь «по сю сторону» наших позиций. Умерло от болезней — 100000 (число установлено весьма точно — статистика больных велась гораздо лучше, чем статистика раненых).

В самовольной отлучке числилось до 200000 (явлению этому удивляться нечего, вспомним только дезертиров наполеоновских войск во Франции — знаменитую «*arme rulante*»). Далее, 600000 было исключено за увечьями, полученными в бою, 300.000 по причине болезней. Сложив эти потери, получим в итоге 1200000 увечных, умерших и дезертиров.

Остальные 2100000 не подошли ни под одну из указанных категорий. Около 700000 — примерно третья часть — сохранили свои имена, остальные 1400000 — это те «неизвестные солдаты», о коих не скажет ни камень, ни крест и чьи останки были выброшены из могил кощунственной польской рукой.

Приняв во внимание потери зимней кампании 1916–17 гг. и летней 1917 г., сосчитав убитых в Шампани и Македонии, погибших на флоте и, наконец, прибавив к ним синодик верных долгу русских воинов, замученных насмерть в неволе немецкими и мадьярскими палачами, — мы будем очень недалеко от цифры двух с половиной миллионов, из коих 2400000 пало с оружием в руках ¹.

2417000 пленных, взятых у нас Центральными державами за всю войну, — число, способное привести поверхностного наблюдателя к ложному заключению о невысоких боевых качествах русских войск. Поэтому ни на минуту нельзя упускать из вида другую цифру — а именно — 2200000 германцев, австро-венгров и турок, взятых в плен этими русскими войсками, несмотря на недостойное их высшее командование и катастрофическую нехватку техники и боевых припасов...

Количество раненых весьма приблизительно определяется в 5500000. Точные сведения существуют лишь относительно эвакуированных в Россию — их было к декабрю 1916 г. круглым числом 3,800.000, причем сюда тоже, как и относительно убитых, не вошли раненные на всех фронтах в зимнюю кампанию 1916–17 гг. и летнюю 1917 г., а также за всю войну на Кавказском и Румынском фронтах. По очень осторожным исчислениям мы можем приписать за эти периоды еще 400000 эвакуированных и примерно 1200000 — 1500000 раненых за всю войну, не эвакуированных в Россию, а оставшихся в 1914–17 гг. в прифронтовой полосе.

¹ Все германские исследователи определяют потери Русской Армии убитыми в 2500000 чел. Бывшие союзники, стремясь умалить жертвы России, приводят часто голословное число «1700000», не объясняя его происхождения.

Присчитав к этому общему количеству 5500000 раненых, оставшихся у своих, еще 1400000 раненых, попавших в плен, мы получим около 7000000 раненых — вернее, «случаев ранения» (многие бывали ранены по несколько раз) — примерно по три ранения на одного убитого. Это — пропорция всех армий, принимавших участие в мировой войне. Она полностью подтверждает выведенное нами число 2400000 убитых для Русской Армии.

Боевые потери для России за всю войну можно считать в 10300000 — 10500500 «случаев убыли», или 9000000 чел. (принимая во внимание, что 30% ранений — по второму разу тех же людей, и не считая, для простоты, ранения по третьему и четвертому разу, которых было немало). Из этих 9 миллионов чел. 6 мил. убыло «безвозвратно» — убитыми, умершими от ран, пленными и увечными...

Стратегическое руководство. Переходя к оценке русского полководчества, будем кратки: его не существовало.

Русской Армии не хватало головы. Прежде всего потому, что она имела сразу несколько голов.

Абсурдное учреждение «фронтов» — результат стратегического недомыслия — привело к тому, что Русская Армия получила сразу трех главнокомандующих — впоследствии даже четырех и пятерых. Сколько голов, столько умов — и в результате ни одного ума...

По мысли своих изобретателей — Куропаткина в 1902 году, Юрия Данилова в 1912 — фронты должны были облегчить ведение войны Ставкой. В действительности эти стратегически безобразные организмы стали непроницаемым средостением между Ставкой и действовавшими армиями.

Гипертрофия фронтов, начальники коих, наименованные «главнокомандующими», получили совершенно неслыханные права и преимущества в области ведения войны, привела к полной анархии и разнобою. Северо-Западный удельный князь знать не желал Юго-Западного удельного князя, тот и другой мало считались с Великим Князем, авторитет которого как верховного главнокомандующего игнорировался удельно-вечевой хартией Положения о полевом управлении войск 1914 года.

В первый год войны наши армии сплошь да рядом выполняли одновременно два, а то и три плана — Ставки и фронтов, то есть трех главнокомандовавших, — тогда как иной раз и каждого из них в отдельности было достаточно для совершенного поражения по всем правилам схоластики. Во второй и третий год, при Алексееве, роль Ставки свелась к регистрации планов трех главнокомандовавших фронтами, воевавших каждый по-своему.

Деятельность Ставки за все время войны до революционного развала распадается на три периода, соответствующие в общем трем кампаниям Императорской Армии.

В кампанию 1914 года ею руководит стремление действовать активно — безудержная фантазия «наступления в сердце Германии». В директивах Ставки этого периода совершенно не чувствуется стратегии (ибо ничего не говорится о сокрушении живой силы врага). Все сводится к мечтаниям над школьной картой Европы, на которой назначаются различные воображаемые линии и призрачные рубежи («Ярочин — Кемпен — Каттовиц — Освечин»). Вся эта стратегия вне времени и вне пространства неукоснительно срывается — иногда неприятелем (Лодзь), но чаще всего — «удельными князьями» фронтов. Эти последние упорно не желают считаться с директивами из Барановичей, а то навязывают Ставке свои собственные планы. Следствием — либо компромисс, либо одновременное выполнение двух, а то и трех взаимно друг друга исключаящих операций, вроде наступления по трем расходящимся направлениям: и в Восточную Пруссию, и на Берлин, и в Карпаты. Военное искусство и военная наука не терпят безнаказанного над собою издевательства и мстят нам за это всю кампанию 1914 года..

В кампанию 1915 года мистика «наступления в сердце Германии» сменяется мистикой «ни шагу назад!» Армиям приказывается стоять и умирать. Результат — утрата пятнадцати губерний и трех миллионов бойцов: полный разгром нашей вооруженной силы и отступление куда глаза глядят — что вызывает смену верховного командования.

Наконец, в кампанию 1916 года вся работа Ставки сводится к переговорам, уговорам и разговорам...

Следует заметить, что, управляй Ставка непосредственно армиями, то при всем ее неумении, события сложились бы иначе — и притом в лучшую для нас сторону.

В самом начале войны удалось бы избежать «Танненберга», бывшего делом рук штаба С.-З. фронта в большей степени, чем Гинденбурга. А в Галиции удалось бы нанести сокрушительный удар австро-венгерской вооруженной силе, направив 3-ю армию во фланг и в тыл Ауффенбергу. Повелительный оклик Великого Князя произвел бы на Ген. Русского совершенно другое впечатление, чем невнятные упрашивания младшего в чине Алексева.

В общем, за всю войну судьбами Русской Армии и России вершил кофкригерат, проявлявшийся то в виде «совещаний главнокомандующих» (в великокняжеский период), то в виде бесконечных «бесед по прямому проводу» (в алексеевские времена). Исключительно вредная инстанция «фронтов» парализовала всю русскую стратегию мировой войны.

Порочной организации соответствовала порочная система управления войсками из глубокого тыла путем расплывчатых и неопределенных «директив», всегда опережавшихся

событиями на фронте. Система директив, заведенная Мольтке-старшим, соответствовала своей эпохе — второй половине XIX века. В условиях большой войны XX столетия она оказалась неприменимой и анахроничной. Главнокомандовавшие в мировую войну располагали такими средствами лично влиять на ход операций, о каких не мог подозревать Мольтке-старший. Телефон и автомобиль давали возможность тесного личного общения с исполнителями, постоянного контроля событий и властного вмешательства полководца всякий раз, когда он замечал, что его план может быть сорванным превратным толкованием либо своеволием подчиненного. Русская Ставка так же не осознала этого изменения условий войны, как не уразумел его Мольтке-младший, державшийся заветов своего дяди «яко слепой стены». Система отдачи «директив» привела германскую армию к поражению на Марне и дважды лишила нас победоносного окончания войны, помешав вывести из строя Австро-Венгрию в августе 1914 и в мае — июне 1916 гг. Управление войсками издали — будь то Мольтке-младший из Кобленца и Люксембурга или русская Ставка из Барановичей и Могилева — ведет в условиях современной войны к неизбежному поражению...

Стратегическая анархия, порожденная учреждением нелепых «фронтов» с их удельными князьями — главнокомандующими, не привела бы к добру даже при наличии во главе этих бессмысленных организмов даровитых военачальников. Окажись в России полководец — его талант был бы в значительной степени сведен на нет антиполководческим и глубоко порочным «Положением о полевом управлении войск» 1914 года.

Но полководца в России не нашлось. «Фронты» возглавили деятели манчжурского и даже ниже манчжурского уровня. Жилинский, Рузский, Иванов, Эверт могли погубить любую армию, свести на нет любую победу, обратить в катастрофу самую незначительную неудачу, лучших мишеней, лучших соломенных чучел для рубки Гинденбургу было невозможно желать — и прусский фельдмаршал всю свою удивительную карьеру построил на этих русских ничтожествах, пройдя по их головам, как по торцовой мостовой к высотам почестей и власти.

Хуже всего было то, что при этом была брошена тень на ту безупречную репутацию, которой столетиями пользовались в мире российские войска. Этого позора Россия своим недостойным военачальникам никогда не простит.

Исключительно плохой подбор главнокомандовавших фронтами парализовал работу командовавших армиями. Из их среды выдвинулся ряд способных и волевых военачальников — Лучицкий, Плеве, Гурко, Щербачев, Флуг, Радко-Дмитриев. Они еще не то дали бы, но что могли они сделать с такими главнокомандующими, как Иванов и Рузский! Их полководческое творчество было связано по рукам и ногам: ген. Флуг был, например,

отрешен от армии за то, что посмел одержать победу вопреки штабу фронта, где Рузский и Бонч-Бруевич заранее полагали разыграть сражение вничью...

В общем, подведя итоги нашему управлению войск, следует еще раз признать, что уроки Японской войны, оздоровившие Русскую Армию от взводных командиров до начальников дивизий, совершенно не пошли впрок нашему высшему командованию. Самоотверженная, как никогда еще в предыдущие войны, боевая работа войск им профанировалась и пропадала даром.

Наши победы были победами батальонных командиров. Наши поражения были поражениями главнокомандовавших. Вот причина той безотрадной обстановки, в которой протекло все участие России в мировой войне.

И несмотря на эту безотрадную обстановку, преодолевая неслыханные препятствия, русская военная мысль продолжала работать.

Работа эта вывела военное искусство из того тупика, в который его завела позиционная война. И русскому историку больно отметить, что этим творчеством воспользовались не вершители судеб Русской Армии, для которых военное искусство было закрытой книгой, а неприятель...

Это новое слово было сказано командиром VIII арм. к-са ген. В.М. Драгомировым — и вписано в Историю Военного Искусства штыками Подольев и Житомирцев 15 июля 1916 года под Кошевым.

Кошевское сражение составило в этой Истории такую же эпоху, как Левктры, Канны, Моргартен, Рокруа, Полтава, Лейтен и Ульм. В тот же день Искусство было поставлено на подобающее ему первое место, а Техника подчинена Тактике. И большим несчастьем для Русской Армии было то, что замечательная инициатива Драгомирова не была надлежаще оценена и понята.

Но плагиаторский ум Людендорфа подхватил идею русского военачальника, применив ее к германским условиям, — и Кошевский прорыв, повторенный в грандиозных размерах, нашел себе всемирное признание (как «немецкий метод!») в германских наступлениях в Пикардии и на Шмен-де-Дам и в ответных ударах французского Скобелева ген. Манжена — при Мери-Курселе и Суассоне.

Если высшим проявлением Тактики в мировую войну был Кошевский прорыв, то высшим проявлением Оператики было «Брусиловское наступление» — одновременный удар в четырех местах, обеспечивший стратегическую внезапность. Два года спустя маршал Фош эмпирическим путем и совершенно самостоятельно нащупал тот же метод при выталкивании

германских армий из Франции. За Брусиловым остается заслуга первого применения этой стратегической идеи и оперативного метода — применения, заметим, не эмпирически найденного, а интуитивно открытого.

Русский военный гений жил и проявлял себя где мог — и как мог. Но в ту упадочную эпоху проявление творчества не ценилось людьми, на творчество не способными. Полководцы не были на полководческих местах — и судьбы России вверены были не им, а отданы в трясущиеся руки Рузского, Эверта и Алексеева...

Стратегический обзор мировой войны на Восточном ее театре сам собой превращается в обвинительный акт недостойным возглавителям Русской Армии. Безмерно строг этот обвинительный акт. Безмерно суров был приговор, вынесенный историей. И еще суровее, чем современники, осудят этих людей будущие поколения. Людям этим было дано все, и они не сумели сделать ничего.

Составленный Юрием Даниловым по «австрийской шпаргалке» план стратегического развертывания был в первую же неделю еще ухудшен принятым в Ставке решением наступать одновременно по трем расходящимся направлениям. Распоряжайся судьбами наших армий неприятель, он не смог бы их поставить в более невыгодное исходное положение...

Доблесть войск дала нам победу в Галицийской битве. Она могла вывести из строя Австро-Венгрию и успешно закончить войну еще в сентябре — октябре. Но для этого надо было преследовать разбитые неприятельские армии, а не задаваться планами осады никому не нужного Перемышля. Румянцов учил: «Никто не берет города, не разделавшись прежде с силами, его защищающими». Суворов приказывал: «В атаке не задерживай!» Но их заветы были не для ген. Иванова и ген. Алексева. Имея 24 дивизии несравненной конницы, они не затупили их пик и шашек о спины отступающего в расстройстве неприятеля — и вместо беспощадного его преследования построили ему золотой мост. Война затянулась на долгие годы — и Россия этой задержки не выдержала...

Но величайший грех был совершен весной пятнадцатого года, когда Ставка отказалась от овладения Константинополем, предпочтя ему Дрыщув и погубив без всякой пользы десантные войска на Сане и Днестре. Вывод из строя Турции предотвратил бы удушение России. Овладение Царьградом свело бы на нет ту деморализацию, которая охватила все слои общества к осени, как следствие катастрофического, непродуманного и неорганизованного отступления — отступления, проведенного Ставкой под знаком «ни шагу назад».

Последний раз возможность победоносного окончания войны представилась нам в летнюю кампанию 1916 года. Победа вновь реяла над нашими знаменами. Надо было только протянуть к ней руку.

Но «Брусиловское наступление» захлебнулось, не поддержанное своевременно Ставкой.

И за этой упущенной возможностью последовала другая: игнорирование выступления Румынии. Выступление это давало нам случай взять во фланг все неприятельское расположение крепким, исподволь подготовленным ударом из Молдавии — ударом, которого так страшились Людендорф и Конрад. Но для ген. Алексеева не существовало обходных движений в стратегии, как не существовало вообще и румынского фронта.

Один лишь Император Николай Александрович всю войну чувствовал стратегию. Он знал, что великодержавные интересы России не удовлетворит ни взятие какого-либо «посада Дрыщува», ни удержание какой-нибудь «высоты 66,1». Ключ к выигрышу войны находился на Босфоре. Государь настаивал на спасительной для России десантной операции, но, добровольно уступив свою власть над Армией слепорожденным военачальникам, не был ими понят.

Все возможности были безвозвратно упущены, все сроки пропущены. И, вынеся свой приговор, История изумится не тому, что Россия не выдержала этой тяжелой войны, а тому, что Русская Армия могла целых три года воевать при таком руководстве!..

Нестроевой дух милютинских учреждений и пресловутая «хозяйственность» Ванновского и Куропаткина привели к тому, что Русская Армия игнорировала существование унтер-офицеров запаса. Учет запасным нижним чинам велся по 45 различным категориям — «графам». Были графы «хлебопек», «кузнецов», «слесарей», «плотников», «сапожников», даже «каретников», но не было первой и самой важной — «унтер-офицеров». Из-за деревьев проглядели лес...

Как следствие, при мобилизации старые опытные взводные и фельдфебели запаса назначались в строй старшими звеньев, а то и рядовыми. Они погибли в первых же боях — и когда зимой 1914–15 гг. в запасные батальоны хлынул поток молодых солдат и ратников 2-го разряда, обучить их уже было некому.

Наша пехота изумила неприятеля своим применением к местности и быстротой самоокапывания, но еще больше — своей способностью переносить самые жестокие потери, не утрачивая своих боевых качеств.

Искусство ружейной стрельбы — этот «конек» послеманчжурского периода, на который было затрачено столько времени и усилий, — оказалось в условиях войны мало применимым. На полях сражений царили артиллерийский и пулеметный огонь. После гибели кадрового состава наша пехота стреляла так же плохо, как и неприятельская. Пополнения вовсе не умели стрелять, да и в хорошо обученных частях при наступлении перебежками забывали переставлять прицелы.

Огромный вред принесла частая смена полковых командиров — назначение на короткие сроки командирами полков офицеров Ген. Штаба, незнакомых со строем и чуждых полку. За время войны каждый полк имел двух, трех, а то и четырех таких «моментов». Одни смотрели на вверенную им часть лишь как на средство сделать карьеру и получить прибыльную статутную награду. Другие, сознавая свою неподготовленность, лишь отбывали номер, взвалив все управление полком на кого-либо из уцелевших кадровых капитанов либо подполковников — батальонных командиров.

Ставка не сознавала огромного значения должности командира полка. Полк — отнюдь не чисто тактическая инстанция, как батальон или дивизия. Это — инстанция духовная. Полки — носители духа Армии, а дух полка — прежде всего зависит от командира. В этом — все величие призвания полковника. На должность командиров полков следовало назначать носителей их духа и традиций — уцелевших кадровых батальонных либо даже ротных, произведенных за боевые отличия. Только такие командиры, любившие свой полк, могли бы сплотить вновь переменившийся от беспрестанной убыли и пополнений офицерский состав.

Само собою разумеется, надо было дать офицерам Ген. Штаба необходимый строевой и боевой опыт. Но это надлежало делать до производства их в полковники, назначая подполковников и капитанов Ген. Штаба командирами батальонов — инстанции чисто тактической, где бы они с пользой могли применять свои познания...

Русская Артиллерия решила участь мировой войны блестящей стрельбой 25-й и 27-й арт. бригад 7 августа 1914 г. на полях Гумбинена в Восточной Пруссии. Эти батареи сорвали все планы и расчеты германского командования на французском фронте.

В искусстве стрельбы наши артиллеристы не знали себе соперников. Искусству этому были поставлены, однако, две большие препоны — во-первых, неналаженность снабжения боевыми припасами в первый год войны, во-вторых, неудовлетворительность старших артиллерийских инстанций, узость их тактического кругозора.

Артиллеристы считали себя как бы мастерами пушкарного цеха, обособленного от войск, и свою артиллерийскую тактику мыслили вне всякой связи с общевойсковой. Артиллерийский офицер, приобщившийся этой общевойсковой тактики в Академии Ген. Штаба и расширявший этим свой тактический кругозор, назад в артиллерию не принимался. Он считался как бы отрезанным ломтем и зачислялся по пехоте, а если был конно-артиллеристом — то по кавалерии.

Благодаря этому антагонизму между артиллерией и Ген. Штабом (в чем виноваты обе стороны) — антагонизму, существовавшему еще издревле — с гладкоствольных времен и тщательно культивировавшемуся, — в строю артиллерии не было офицеров с высшим тактическим образованием и с широким тактическим кругозором. На должностях командиров батарей и дивизионов этот недостаток не давал себя знать, но на должности командира бригады делался сразу ощутительным, а на должности инспектора артиллерии корпуса — болезненным.

От подпоручика до генерал-инспектора артиллерии — наши артиллеристы полагали все дело — в меткой стрельбе. Они добивались этой меткой стрельбы — добились ее на славу, но им в голову не пришло облечь эту свою меткую стрельбу в тактические формы.

Тактика считалась достоянием одиозного Генерального Штаба. Ревниво оберегая свое дело от его посягательств, артиллеристы в свою очередь (за очень немногими исключениями), стремились игнорировать все, что выходило за рамки «пушкарского цеха».

Уже в артиллерийских училищах тактика преподавалась в виде проформы. Быть ездовым коренного уноса там считалось гораздо почетнее, чем иметь 12 баллов по тактике. Эта психология оставалась навсегда. Интересовались исключительно техникой — техникой стрельбы, материальной частью (особенно этой последней). Об артиллерийском деле в рамках военного искусства не помышляли.

В результате, если наш батарейный командир легко расправлялся с немецкими, то немецкий командир бригады — тактик и немецкий корпусной инспектор — тактик рассчитывались за это с русскими бригадным и корпусным «мастерами пушкарского цеха».

Мы признавали только фронтальный огонь, стреляя прямо перед собой, действовали исключительно «лобовым натиском». Наш огонь был меток, но в крупных соединениях не гибок. Немцы оставляли по фронту незначительное количество батарей, а всеми силами, собранными в кулак, наваливались во фланг, действовали косопримельно. Лучшая тактика, численное превосходство и неограниченное питание огневыми припасами ставили германскую артиллерию в самое выигрышное положение — но наши артиллеристы своей сноровкой и меткостью стрельбы выполняли свои тактические пробелы. В равных силах

германская артиллерия ничего не значила перед нашей. В полуторном — получалось устойчивое равновесие. В двойном — что было обычным явлением — наша артиллерия выходила с честью из неравного и тяжелого поединка. Для решительного успеха немцам надо было сосредотачивать по меньшей мере тройное количество батарей.

Следует отметить, что австрийская артиллерия стреляла значительно лучше германской, научившись многому у нас.

Все, что сказано о пехотных наших дивизиях, относится и к их артиллерии, подготавливавшей их успехи и смягчавшей их неудачи...

Инженерные войска выполнили очень большую работу по укреплению двух с половиной тысяч верст фронта от Балтийского моря до Черного и от Черного до Каспийского. Наряду с этим они оборудовали дорогами и мостами прифронтную полосу и затратили много сил и энергии на приведение в боевую готовность крепостей Ивангорода, Варшавы, Новогеоргиевска, Осовца, Ковно, Гродно, Бреста, Усть-Двинска и на циклопические и бесполезные работы в Свеаборге, Выборге, Ревеле и Карее. Особо следует упомянуть о замечательной деятельности железнодорожных войск.

Авиация, учрежденная только в 1911 году, выступила на войну, не имея ни уставов, ни руководств. В ней царил чисто спортивный дух — увлечение всякого рода «рекордами». Назначение авиации полагали исключительно в разведке, — боевая ее подготовка была чрезвычайно слаба.

С первых дней войны спортивный дух быстро сменился боевым. Русские летчики прославились блистательными подвигами ¹. С начала 1915 г. появилась истребительная авиация, и в то же время Сикорским создана авиация бомбардировочная — первые в мире воздушные корабли («Ильи Муромцы»). С лета 1916 г. у нас появились «боевые эскадры», ядром которых обычно служил отряд воздушных кораблей с придачей 2–4 отрядов истребителей. Особенно интенсивный характер приняла воздушная война в ковельском районе в период наших сентябрьских наступлений. Но западе немцы теряли 1 аппарат на 2 союзных. В России за каждый сбитый русский самолет платились своим ².

¹ Всем известен геройский подвиг изобретателя «мертвой петли» шт. кап. Нестерова, протаранившего неприятельский самолет ценою собственной гибели. В холмских боях июля 1915 г. пор. Покровский (будущий герой Добровольческой Армии) с наблюдателем корнетом Плонским атаковали вооруженный пулеметом немецкий Альбатрос, имея только револьверы, заставили неприятеля сесть на землю, снизились рядом сами и захватили аппарат и летчиков буквально на виду подбежавших австрийских цепей. Из летчиков-истребителей особенно отличился полк. Казаков, сбивший 30 неприятельских самолетов и не побоявшийся с успехом повторить подвиг Нестерова, на что не осмелился ни один союзный и ни один германский летчик.

² За лето 1916 г. немцы сбивали 182 англо-французских самолета и потеряли 75. На Русском фронте, сбив 23, потеряли 20.

За исключением кораблей Сикорского, все самолеты были иностранного происхождения. Авиационной промышленности у нас создать не умели — и это ставило Россию в полную зависимость от произвола и злой воли ее союзников...

Нам необходимо, хотя бы в общих чертах, обрисовать работу «второй руки потентата» — Флота.

Руководство морскими силами было сосредоточено в Ставке. Флотом командовали за тысячу верст из болот Полесья и командовали по-болотному.

Ставка запрещала всякую активность Балтийскому флоту, несмотря на ничтожность германских сил принца Генриха, состоявших исключительно из старых кораблей. Всю войну в нашем распоряжении был германский морской шифр, благодаря которому все намерения неприятеля были нам заранее известны. Имея такой небывалый козырь, мы могли бы всю войну действовать наступательно, громя германские балтийские силы, уклоняясь от флота открытого моря.

Но флотоводца в Барановичах — Могилеве не было, как не было и полководца. О морской стратегии там так же не имели понятий, как о сухопутной. Все распоряжения Ставки по морской части были проникнуты страхом «потерять корабли». Флот обрекался на бездействие и неизбежную деморализацию... Страшась потерять один-два корабля, Ставка погубила всю российскую морскую силу. Двукратный печальный опыт управления флотом с берега — Меншикова в 1854 г., Наместника Алексеева в 1904, — оба раза приведшего флот к гибели, пропал совершенно даром...

Командовавший Балтийским флотом адм. Эссен безвременно скончался весной 1915 года как раз перед вступлением в строй новых кораблей. Его преемник адм. Непенин, при всех своих выдающихся качествах, не имел достаточно авторитета в глазах Ставки и должен был подчиняться ее безнадежно пассивным директивам. Организованная адм. Непениным разведка причинила неприятелю огромный вред — ее плодами всю войну пользовался Британский флот: все английские операции на море — результаты русской разведки. Русский флот был мозгом Британского. Германское морское командование угадало в Непенине и его высококвалифицированных офицерах своих опаснейших врагов.

Следует отметить, что русские услуги были совершенно односторонними. Узнавая планы противника, добыв его шифр, мы немедленно, без того, чтобы нас о том просили, делились нашими сведениями с союзниками. Англо-французы, получив еще в начале весны 1915 г. благодаря чешским патриотам контроль над «кайзер-линией» — специальным кабелем, соединявшим австро-венгерскую главную квартиру в Тешене с германской в Спа,

не сообщали нам текста перехваченных переговоров неприятеля, жизненных между тем для русского фронта и России.

Руководство морскими силами в мирное время — Морское Министерство и Морской Ген. Штаб — было лишено всякого стратегического чутья. Судостроительные программы разрабатывались исключительно с узкотехнической точки зрения и совершенно не обсуждались стратегически. Стратег указывал Балтийскому флоту оборону — а судостроитель не дал ему ни одного корабля береговой обороны и снабдил заградителями из старых фрегатов с 11-узловым ходом. Черноморскому флоту надлежало заниматься крейсерством у турецких берегов с целью воспрепятствовать переброске сил на Кавказский фронт — и в составе его как раз не оказалось крейсеров. Постройка первой дивизии дредноутов начата была для Балтийского флота. Эти четыре корабля дали нам бы полное господство над Черным морем и предупредили бы оказавшееся гибельным для России выступление Турции — на Балтийском же море создавшегося положения дел они не изменяли.

Со всем этим, Балтийский флот поставленные ему более чем скромные задачи выполнил вполне успешно. Не столь успешно работал Черноморский флот, показавший более высокие боевые качества, но имевший в лице адм. Эбергардта гораздо худшего руководителя.

В общем же, если от Армии потребовали более того, что она могла бы дать без надрыва, — то всех возможностей Флота не использовали...

9. Без Веры, Царя и Отечества

Тройной подкоп. К началу третьей осени мировой войны определились силы, ставшие подрывать тысячелетние устои Российского Государства. По своему происхождению силы эти исходили из трех совершенно различных источников.

Первую группу составляли придворные круги — уклонявшиеся от фронта Великие Князья и представители «высшего света». Их интриги были направлены особенно против царствовавшей Императрицы. Предметом их мечтаний был дворцовый переворот — устранение Государя и, во всяком случае, Государыни, а предельным их достижением — отвратительное и бессмысленное убийство Распутина. В салонах этих высокопоставленных, или, еще хуже, августейших особ сочинялись инсинуации самого гнусного свойства. Салонные эти сплетни делались достоянием улицы, роняя в грязь престиж Династии. В общем, эта группа — назовем ее «придворной» — рубила тот сук, на котором сидела.

Вторая группа — чрезвычайно могущественная и влиятельная — представлена была всей либеральной общественностью во главе с Государственной Думой, Земско-Городским Союзом и Военно-Промышленным Комитетом.

Удельный вес этой группы был неизмеримо значительнее. Владея огромными денежными средствами и всей русской печатью, она создавала общественное мнение страны.

Целью этих прогрессивно-парламентских кругов было, на первых порах, создание «ответственного министерства» (ответственного перед ними самими — и только перед ними). Сгорая властолюбием, они торопились сменить «бездарных бюрократов» и самим вершить судьбами России, руководясь при этом исключительно теоретическими познаниями, почерпнутыми из примеров заграничных законодательных учреждений...

Главные свои усилия оппозиционная общественность обратила на привлечение к себе вооруженной силы. Она отчетливо сознавала, что победит тот, на чьей стороне окажется Армия. Опыт 1905 года был учтен полностью: для успеха надо было заручиться содействием штыков — вернее, тех, кто располагал этими «штыками» ¹.

Еще задолго до войны члену Думы Гучкову удалось создать военно-политический центр — т.н. «Военную Ложу» — проводивший идеи всероссийской оппозиции в среде молодых карьеристов Гл. Упр. Ген. Штаба ².

Оппозиции удалось создать себе кадры молодых, напористых и беспринципных проводников ее идей — тот рычаг, которым при возможности надлежало действовать на высших военачальников.

Возможность эта представилась в конце первого года войны — к осени 1915 года. Оппозиционная общественность использовала несчастье своей Родины — поражения на фронте — к своей выгоде, развив исступленную антиправительственную агитацию.

¹ Еще в 1905–06 гг. возник довольно радикальный «Всероссийский Офицерский Союз», скоро прекративший, впрочем, свое существование. Одним из главных его деятелей был библиотекарь Академии Ген. Штаба Масловский (по партии — Мстиславский) — недостойный сын нашего военного ученого, бывший душою всей конспирации. Его квартира при Академии служила надежным убежищем для «нелегальных» и складом оружия и литературы. Масловский составил руководство по уличным боям, которым впоследствии воспользовался Ленин.

² Происшедшая в 1908 г. в Турции революция младотурок навела Гучкова на мысль произвести подобного рода военный переворот и в России. Для ознакомления с техникой переворота Гучков ездил тогда же в Константинополь. По возвращении его в Россию и родилась «Военная Ложка», организованная по образцу масонских лож. Не будучи масонской по существу, «Военная Ложка» была связана тем не менее через того же Гучкова с Думской ложей определенно масонского повиновения. Соучредителями Гучкова по «Военной Ложке» были ген. Поливанов, Лукомский, Вас. Иос. Гурко. Как мы видим, члены вербовались преимущественно среди молодых карьеристов Гл. Упр. Ген. Штаба (одним из них был, напр., Бонч-Бруевич). Сухомлинов, а через него и Государь узнали о существовании этого военно-политического центра. Император Николай Александрович не пожелал крутых мер. Ложку оставили существовать, ограничившись переводом ее членов из столицы на первые же открывшиеся вакансии. Т. обр., к началу войны ложку удалось в значительной степени обезвредить.

Наступил момент привлечь на свою сторону вождей армии, используя их политическую неграмотность и играя на их патриотических чувствах. Замершая было с войной деятельность «Военной Ложи» вновь оживилась. Влияние ее членов значительно к тому времени возросло. Капитаны стали полковниками, полковники — генералами. Правая рука Гучкова — аморальный Поливанов — возглавлял Военное Ведомство.

8 сентября 1915 г. Гучков отдал свою «диспозицию номер 1», провозглашавшую войну на два фронта — против Германской коалиции во вне и против Самодержавия внутри.

За зиму 1915–16 гг. и за 1916 год выкристаллизовались методы этой «войны на два фронта». Заветной целью оппозиционной общественности была власть. Средством для достижения этой власти должен был стать дворцовый переворот — устранение Государя, а если возможно, то и вообще монархического строя. Правителями России намечался триумvirат в составе председателя Думы Родзянко (регентом или президентом), председателя Земско-Городского Союза князя Львова (председателем Совета министров) и председателя Военно-Промышленного Комитета Гучкова (военным министром) ¹.

К осени 1916 г. «триумvirату» Родзянко-Львов-Гучков удалось наложить свою руку на российскую вооруженную силу в лице ее вождей. Одни из них были посвящены в заговор, другие взяты под контроль соответственно подобранным окружением.

На Северо-Западном фронте ген. Рузский — целиком во власти Юрия Данилова и Бонч-Бруевича — перешел в стан заговорщиков.

На Западном — лояльный ген. Эверт и его н-к штаба незначительный ген. Квещинский зорко опекались ген. квартирмейстером Лебедевым (Павлом) и его офицерами.

Главкомандовавший Юго-Западным фронтом ген. Брусилов затаил в душе горькую обиду на Государя, оставившего без награды его знаменитое наступление. Заговорщикам не пришлось его долго упрашивать.

На новоучрежденном Румынском фронте ген. Сахаров был в плену у своего штаба.

Наместник на Кавказе — Вел. Князь Николай Николаевич находился в большой и плохо скрытой вражде к Государю и Государыне. Участие в заговоре он, однако, отклонил, предпочитая занять выжидательную позицию ².

¹ Мы видим, что Гучков заимствовал от младотурок не только технику переворота, но и схему управления — «триумvirат». В Талааты он прочил Родзянку, в Джемали — Львова, в Энверы — самого себя.

² В октябре 1916 г. кн. Львов отправил к Вел. Кн. Николаю Николаевичу своего сотрудника по Земско-городскому Союзу — тифлисского голову Хатисова с предложением примкнуть к заговору. Вместо того чтобы повесить Хатисова за это предложение своей властью Наместника, Великий Князь попросил у него сутки на размышление и по прошествии этого срока отклонил приглашение. Свой отказ он мотивировал тем, что «солдаты откажутся идти на Царя» и что поэтому движение обречено на неудачу и он не желает участвовать в этом слишком рискованном предприятии.

Но самым важным приобретением «триумвирата» было согласие на участие в заговоре ближайшего и доверенного сотрудника Государя — ген.-адъютанта Алексеева. Оно одно обеспечивало почти целиком успех крамолы.

Болезнь ген. Алексеева побудила отложить задуманный на 30 ноября переворот (арест Государя на пути из Ставки в Петроград). Заместившему ген. Алексеева ген. Гурко заговорщики не доверяли, несмотря на его близкие отношения к Гучкову. Новый ген.-квартирмейстер Ставки ген. Лукомский был для них вполне своим человеком.

Так дали себя обмануть честолюбивым проходимцам генерал-адъютанты Императора Всероссийского. Невежественные в политике, они приняли за чистую монету все слова политиканов о благе России, которую сами любили искренно. Они не знали и не догадывались, что для их соблазнительей блага Родины не существует, а существует лишь одна-единственная цель — дорваться любой ценою до власти, обогатиться за счет России... Самолюбию военачальников льстило то, что эти великие государственные мужи — «соль земли Русской» — беседуют с ними как с равными, считают их тоже государственными людьми...

Третья группа притаилась в подполье. Это была зловещая группа пораженцев. Политические эмигранты марксистского толка — партия с.-д. большевиков во главе с Лениным — составляли за границей ее головку, а в самой России находились кадры «боевиков» — распропагандированного фабрично-заводского пролетариата — особенно сильные в Петрограде. Программой этой группы был захват власти и установление сначала в России, а затем и во всем остальном мире социалистического строя на основе коммунистической диктатуры пролетариата. В деятельности этой группы, рассчитывавшей на поражение России, была заинтересована Германия — почему мы и назовем ее германо-большевистской.

Таким образом, схематически антирусские силы представлялись в следующем виде.

Первая группа — «придворная». Состав — придворные круги, праздный «высший свет» и оппозиционные члены Императорской Фамилии. Цель — дворцовый переворот. Исполнители — кучка офицеров. Средства — интриги. Программы никакой.

Вторая группа — «общественники». Состав — вся либеральная оппозиция. Цель — замена «бюрократически самодержавного» строя «конституционно-демократическим» путем дворцового переворота, а в дальнейшем — учреждение Демократической Республики. Исполнители — высшие военачальники. Поддержка — союзные посольства. Средства — русские капиталисты-толстосумы, общественное мнение, думская трибуна и печать.

Третья группа — «германо-большевистская». Состав — политическая эмиграция за границей, революционное подполье в России. Цель — социальная революция. Средство — вооруженное восстание а развал Армии. Исполнители — «боевики». Поддержка — Германское Командование...

Императорское правительство являло картину совершенного упадка. С убийством Столыпина ушел последний государственный человек, теперь же, с уходом в 1916 г. старика Горемыкина, ушел и последний сановник...

Началась дикая вакханалия интриг, сведения личных счетов и мышшиной возни всевозможных «комбинаций» — скорбная эпоха, вошедшая в историю нашей Родины под именем «министерской чехарды».

Всюду искал людей Император Николай Александрович — и нигде не нашел их... Неожиданные назначения сменялись поэтому назначениями еще более неожиданными. Общественное мнение желало видеть здесь одни лишь «происки Распутина», со злорадством наблюдая тяжелую драму своей Родины.

Бездарного, но честного столоначальника Горемыкина сменил незадачливый Штюрмер — человек с немецкой фамилией, разумеется, сделанный немедленно «ставленником немки», «агентом Германии» — изменником, мечтающим о «сепаратном мире». А вслед за Штюрмером, в декабре 1916 года, назначен был убогий князь Голицын¹. Садясь на председательское кресло, он не подозревал, что сел на облучок погребальной колесницы...

1 ноября 1916 года член Думы Милуков произнес свою знаменитую речь «Глупость или измена» — речь, направленную против Императрицы Александры Федоровны и составленную по инсинуациям австро-германских «бюро печати». Если «диспозицию номер первый» Гучкова можно было рассматривать как приказ о всеобщей мобилизации, то речь Милукова, бывшая одновременно и глупостью, и изменой, стала открытым объявлением войны.

Настроение общества из оппозиционного стало революционным, и все внимание его к зиме 1916–17 гг. с внешнего фронта переключилось на фронт внутренний.

¹ Голицын был назначен председателем Совета министров только потому, что владел французским и английскими языками. Государь хотел было Рухлова — человека способного и умного, но не говорившего на иностранных языках. В Петрограде же собиралась конференция союзников. Считалось, что министры Российской Империи не смеют говорить с иноземными по-русски, а подобно швейцарам больших гостиниц, должны говорить с каждым на его языке.

Вспышка патриотизма, охватившего в июле 1914 года Россию, при всей своей мощности, была непродолжительной. Подобно вороху соломы, энтузиазм вспыхнул ярким пламенем — и быстро погас.

В этом виновато было правительство, не сумевшее использовать исключительно благоприятную возможность всенародного подъема, не догадавшееся создать аккумулятор для длительного использования внезапно проявившейся энергии, огромный заряд которой пропал поэтому даром. Виновато и общество, оказавшееся неспособным на длительное волевое усилие и скоро вернувшееся в свое обычное состояние едкого скептицизма и страстной, но бесполезной (потому что злостной) критики. Инерция трех поколений никчемных людей взяла верх...

Война чрезвычайно развратила деревню. Политически и экономически русское крестьянство эволюционизировало за три года с 1914 по 1917 больше, чем за три поколения с 1861 по 1914.

Материальное благосостояние крестьянства повысилось. Хлеба осталось меньше, и он был в большей цене. Семьи взятых на войну получали щедрые денежные пособия, превышавшие заработок «кормильца». Деревня, отдавая Царю своих сыновей, сама богатела — у нее появились «городские» потребности и «городские» привычки.

Но этот материальный подъем сопровождался страшным духовным оскудением. Падение религиозного чувства, разврат и рост хулиганства сопровождались развитием бунтарского духа и стяжательских инстинктов.

Русская Армия на третий год войны. Объезжая войска осенью 1916 года, Император Николай Александрович вызывал из строя старослуживших солдат, вышедших с полком на войну. Выходило по два-три, редко по пяти на роту — из иных рот никто не выходил.

Первый, кадровый состав Императорской пехоты ушел в вечное в осенних боях четырнадцатого года. Второй окрасил своею кровью снег первой зимней кампании — снег Бзуры, Равки и Карпат. Третий состав — это «перебитые, но не разбитые» полки великого отхода. Пришедший ему на смену четвертый вынес вторую зимнюю кампанию. Пятый лег в ковельские болота. Шестой догорал в Буковине и Румынии, и на смену ему запасные полки готовили седьмой.

Изменение состава повлекло за собой и изменение облика Армии. Она стала действительно «вооруженным народом». Офицеры и солдаты в подавляющем большинстве носили мундир всего только несколько месяцев, а то и несколько недель. Ни те, ни другие не получили надлежащего военного образования и воинского воспитания. Прошедший трехнедельный, в лучшем случае двухмесячный курс учения в запасном полку солдат

попадал под команду офицеру, прошедшему столь же поверхностное ученье в школе прапорщиков или на ускоренном курсе военного училища.

Сами по себе эти русские люди были храбрыми, выносливыми и способными при случае на подвиг отваги и самопожертвования. Со всем этим они представляли совершенно сырую, необработанную массу. Это далеко еще не были солдаты, подобно тому, как их наскоро произведенное начальство далеко еще не могло считаться господами офицерами.

На полк оставалось пять-шесть коренных офицеров, редко больше (обычно на должностях командиров батальонов и заведующего хозяйственной частью). В ротах и командах состояло 30–40 офицеров «военного времени», а командир полка, как правило, отбывал мимолетный ценз и ничем не был связан с полком. Офицерская среда была пестрой по составу, разнообразна по происхождению и неодинакова по качеству. Старая полковая семья погибла, новая не имела возможности создаться.

Остатки кадрового офицерства распределились между фронтом — где на них, в сущности, все и держалось, и тылом, где наряду с незаменимыми специалистами поспешили «устроиться» менее стойкие элементы нашего офицерского корпуса. Отбор по этим двум категориям произошел в первые же месяцы войны...

Нагромождение запасных войск в больших городах имело огромное развращающее влияние на людей. Глазам солдата открывалась разгульная картина тыла с его бесчисленными соблазнами, бурливой ночной жизнью, повальным развратом общественных организаций, наглой, бьющей в глаза роскошью, созданной на крови.

Революционные партии не имели возможности наладить систематическую пропаганду в войсках — тому препятствовала текучесть состава запасных частей, все время менявшегося. За революционеров работал весь уклад жизни отравленного тыла и весь порядок службы и безделья перегруженных «пушечным мясом» запасных полков. Антиправительственная агитация велась в тылу и в прифронтовой зоне Земско-Городским союзом — широкой и беспрепятственной раздачей оппозиционной печати, превосходно налаженной передачей и распространением слухов и сплетен, умелой обработкой больных и раненых в лазаретах «Земгора».

Военным Министром после вынужденного ухода ген. Сухомлинова был сделан совершенно беспринципный Поливанов, весь смысл службы видевший в недостойных офицера интригах и ставший угрожать Думе и оппозиционной общественности. Он

оставался на посту министра с июня 1915 по март 1916 г., когда по воле Государя должен был уйти ¹.

Поливанова сменил ген. Шуваев — дельный интендант. А в январе 1917 г. на кресло Милютин сел ген. Беляев — человек совершенно ничтожный, всю жизнь не выходящий из канцелярии и прозванный в Ген. Штабе «мертвой головой».

Между начальниками и подчиненными стало чувствоваться отчуждение, не наблюдавшееся прежде.

Для солдат 1914 года офицеры были старшими членами великой военной семьи — воспитавшего их полка. Отношения между офицерами и солдатами Русской Армии были проникнуты такой простотой и сердечностью, подобных которым не было ни в какой иностранной армии, да и ни в каких иных слоях русского народа.

Вооруженный народ 1916 года видел в офицерах только «господ», принося в казармы запасных полков, а оттуда в окопы всю остроту разросшихся в стране социальных противоречий и классовой розни. Стоя в строю «литерных» рот, а затем и действовавших частей, люди эти чувствовали себя не гвардейцами, гренадерами, стрелками, не солдатами старых полков, чьи имена помнила и чью руку изведала Европа, — а землепашцами, ремесленниками, фабричными, для которых военная службы была только несчастным событием жизни. В своих темных душах они считали офицеров представителями «господ» — тогда как для старых солдат офицер был представителем Царя.

Остатки кадрового офицерства сохранили доверие солдат. Хуже было с офицерами военного времени. Большая часть «прапорщиков» — случайного элемента в офицерских погонах — не сумела надлежащим образом себя поставить. Одни напускали на себя не принятое в Русской Армии высокомерие и этим отталкивали солдата. Другие безвозвратно губили себя панибратством, попытками «популярничать». Солдат чуял в них «не настоящих» офицеров.

Унтер-офицеров Русская Армия уже не имела. Были солдаты с унтер-офицерскими нашивками, пробывшие месяц в учебной команде, ничем не отличавшиеся от своих подначальных и не пользовавшиеся в их глазах никаким авторитетом.

Такова была общая картина нашего вооруженного народа к концу третьей зимы мировой войны. Она менялась к лучшему в дивизиях с крепким боевым духом, в полках со славными традициями, но оставалась безотрадной в дивизиях, засидевшихся в окопах, либо наспех сбивавшихся из четвертых батальонов...

¹ Еще в апреле 1916 г., стремясь угодить общественному мнению (но так и не получив его расположения), Правительство решилось на позорный шаг — арест ген. Сухомлинова. Семидесятилетнего старика, генерал-адъютанта и георгиевского кавалера, схватили и посадили в крепость, не предъявив ему никакого обвинения.

Целей войны народ не знал. Сами «господа», по-видимому, на этот счет не сговорились. Одни путано «писали в книжку» про какие-то проливы — надо полагать, немецкие. Другие говорили что-то про славян, которых надлежало то ли спасать, то ли усмирять. Надо было победить немца. Сам немец появился как-то вдруг, неожиданно — о нем раньше никто ничего народу не говорил. Совершенно так же неожиданно за десять лет до того откуда-то взялся японец, с которым тоже надо было вдруг воевать... Какая была связь между всеми этими туманными и непонятными разговорами и необходимость расстаться с жизнью в сыром польском окопе — никто не мог себе уяснить.

Одно было понятно всем — так приказал Царь. К царствовавшему Императору народ относился безразлично, но обаяние имени стояло высоко. Царь повелел воевать — и солдат воевал.

Великая бескровная. В конце декабря 1916 года в германской Главной Квартире был принят план решительных действий на 1917 год. Было решено вывести из строя Англию беспощадной подводной войной, а Россию и Францию взорвать изнутри.

17 февраля 1917 г. германский Рейхсбанк циркулярно сообщил своим представителям в Швеции об ассигновании срочных кредитов на субсидию революции в России ¹...

23 февраля — в заранее назначенный день и час — ЦИК партии большевиков вывел на улицы Петрограда 88000 рабочих и работниц с криками «долгой войну!» Желая избежать кровопролития, ген. Хабалов отказался от применения оружия.

24 февраля движение все ширилось, не встречая противодействия. В этот день бастовало уже 197000 рабочих. Появились красные флаги, демонстранты приветствовали войска, державшиеся совершенно пассивно без приказаний. Предоставленная самой себе, дезорганизованная Протопоповым, полиция надрывалась из последних сил.

Для поддержания порядка вызваны были учебные команды запасных полков Гвардии. Военный министр ген. Беляев лепетал ген. Хабалову удивительные приказания: «целить так, чтобы не попадать», «стрелять так, чтобы пули ложились впереди демонстрантов, никого не задевая»... Растерявшийся Хабалов не решался открывать огня — и это несмотря на то, что в полиции уже были убитые и много раненых ². В этот день 24 февраля слабость и убожество Правительства ясно были осознаны всеми — и в первую очередь мятежниками...

¹ Кредиты были открыты на имя заграничных русских революционеров-пораженцев — Ленина, Зиновьева, Каменева, Коллонтай, Сиверса и Меркалина. Паролями этим русским революционерам Германское Правительство назначило «Диршау» и «Волькенберг».

² «Психология каптенармусов», столь характерная для наших нестроевых генералов, сказалась в стремлении властей объяснить беспорядки единственно «нехваткой хлеба». Ни Хабалов, ни Беляев не подозревали о «социале» — о партии большевиков, руководившей мятежными толпами и в свою очередь руководимой германской Главной Квартирой.

Избиваемая полиция начала применять оружие, но войска продолжали держаться пассивно. Хабалов запрещал стрелять, побуждаемый к тому ген. Беляевым, нывшем о том, «какое ужасное впечатление произведут на наших союзников трупы на петроградской мостовой»¹. Войска созерцали анархию, держа ружья к ноге. Пехота была еще ненадежна, несмотря на очевидный соблазн, но казачьи части уже заколебались². Несмотря на это критическое положение столицы, петроградские власти допустили преступное очковтирательство, все время обманывая своего Государя из карьерных соображений. Обманутый Венценосец все же начал тревожиться и повелел Хабалову энергично прекратить беспорядки, «недопустимые во время войны».

Мятеж застал врасплох Государственную Думу и оппозиционную общественность. Там готовили «младотурецкий переворот» в конце марта. Выступления рабочих масс в феврале никто не предвидел.

Оппозиционной общественности надо было так или иначе реагировать на эти внезапные события. И вождь этой общественности — Родзянко — колебался не долго.

Вспыхнувший мятеж надлежало использовать во что бы то ни стало. Этот драгоценный случай был неповторим. Если царские министры испытывали ужас при мысли о «трупах на петроградских мостовых», то для Родзянки и его единомышленников эти трупы были поистине подарком небес, трамплином для прыжка к заветной цели — власти во что бы то ни стало. Не приходилось долго раздумывать, доискиваться причин разразившегося бунта. Им надо было воспользоваться, даже если он был организован врагами России. Важно было dokonать заколебавшийся ненавистный режим, дорваться к власти и захватить все места для себя! Для этого надо было бунт превратить в революцию — перевести прицел с городского на Царя.

Старшие военачальники — и в первую очередь ближайший сотрудник Государя ген. Алексеев — были на стороне оппозиции, и Родзянко мог вполне на них положиться: под их генерал-адъютантскими мундирами скрывались думские ливреи.

26 февраля Родзянко телеграфировал Государю, а одновременно к главнокомандующим фронтами, что в столице анархия и необходимо образовать ответственное министерство. Государь, получив успокоительные телеграммы Беляева и

¹ Этот удивительный военный министр Российской Империи, так трогательно оберегавший нервы наших союзников от резких ощущений, не соображал, что всего за десять месяцев до того — в апреле 1916 г. Англия подавила в море крови Ирландское восстание Роджера Кеземента, разгромив Дублин артиллерией, убив тысячи мужчин и женщин и казнив сотни мятежников.

² В пехоте были вызваны только учебные команды, т.е. лучшие люди запасных полков. Редкая команда «пли!», подававшаяся на свой риск и страх отдельными мужественными офицерами, принималась безотказно. Достойн быть отмечен Л.-Гв. Финляндского полка подпоручик Иосс. Одним метким револьверным выстрелом он усмирил весь Васильевский остров, наповал уложив вожака демонстрантов на казенном трубочном заводе. Беспорядки после этого сразу там стихли. Подпоручики у Русского Царя были, но не было генералов.

Хабалова, естественно, больше верил своим генералам. Он повелел распустить Думу на неопределенное время.

В этот день 26-го беспорядки приняли стихийный характер и перебрались в казармы запасных частей, которые лишь с трудом удалось удержать от выступления. Улицы Петрограда были в крови. Хабалов же доносил Государю: «Сегодня все спокойно»...

27 февраля стало роковым днем. Случилось худшее, что могло случиться: военный бунт ¹.

Взбунтовавшиеся войска вышли на улицы и слились с бушевавшей чернью. Русский солдат обогрил свои руки кровью русского офицера...

Был разгромлен арсенал, истреблена полиция, сожжен Окружной Суд и выпущены арестанты из тюрем. Толпы восставших смяли оставшиеся верными части войск.

Видя успех восстания, ЦИК партии большевиков провозгласил учреждение Совета Рабочих Депутатов, наподобие того, что руководил всеобщей забастовкой 1905 года. Совет состоял из представителей нелегальных партий «революционной демократии». Председательское место было предложено члену Думы, грузинскому сепаратисту-меньшевику Чхеидзе — ненавистнику России. Товарищами председателя были член Думы соц.-рев. Керенский и делегат ЦИКа — большевик Овший Моисеевич Нахамкес. Чхеидзе представлял II-й Интернационал, Керенский — самого себя, а Нахамкес — восставший пролетариат и германский Генеральный Штаб. Он и стал хозяином положения в Совете.

Одновременно с учреждением Совета Рабочих Депутатов возник «Комитет Государственной Думы». Не желая подчиниться царскому указу о роспуске, «общественники» решили возглавить этим Комитетом революционное движение.

Из 160-тысячного гарнизона у ген. Хабалова осталось 2 тысячи. Он вверил их полк. Кутепову, а сам совершенно отстранился от руководства.

Правительства не существовало. Протопопов скрылся. Растерянные министры собрались у кн. Голицына, догадавшегося — на пятый день революции — объявить осадное положение. Военный Министр ген. Беляев предложил «запретить демонстрантам выходить после 9 часов вечера»... Это было все, до чего смогли додуматься люди, которым была вверена судьба России...

Родзянко вновь настойчиво просил Государя об «ответственном министерстве», сообщая, что в столице анархия. В том же духе высказался и Вел. Кн. Михаил

¹ Унтер-оф. Кирпичников учебной команды одного из запасных полков убил своего начальника выстрелом в спину и, взбунтовав часть, вывел ее на улицу. Временное Правительство чувствовало предателя, как «первого солдата, поднявшего оружие против царского строя». Кирпичников был потом — накануне Первого Кубанского похода — арестован в Ростове Добровольцами и расстрелян по приказанию полк. Кутепова.

Александрович, повторивший слово в слово все продиктованное ему Родзянкой и, наконец, злосчастный Голицын, телеграфно умолявший о своей отставке и назначении Родзянки либо Львова.

Встревоженный Император Николай Александрович почувствовал, что его до сих пор обманывали и в столице происходят действительно серьезные беспорядки. Он повелел отправить с Северного и Западного фронтов по бригаде пехоты и конницы, а из Ставки — «георгиевский батальон». Эти силы были подчинены ген.-ад. Иванову, облеченному диктаторскими полномочиями. Вслед за Ивановым Государь решил отправиться в Царское Село сам. Утром 28 февраля царский поезд покинул Могилев...

28 февраля последние защитники Монархии в столице либо погибли, либо были поставлены в невозможность продолжать борьбу¹. К вечеру большая часть министров, в том числе Голицын, Протопопов и Беляев, были арестованы...

Людендорф и Нахамкес знали что делали. Им надо было уничтожить Русскую Армию — а этого можно было достигнуть лишь уничтожением дисциплины².

Вместе с Армией был нанесен смертельный удар Флоту. В ночь на 1 марта распропагандированные флотские экипажи залили кровью Кронштадт, а в ночь со 2-го на 3-е на гельсингфорском рейде и на берегу произошла дикая резня офицеров эскадры. Был убит и адм. Непенин. По списку, заготовленному германским «Адмирал-Штабом», были истреблены все лучшие специалисты во всех областях (в первую очередь — столь досадивших немцам разведки и контрразведки) — и этим наш Балтийский флот был выведен из строя.

Тем временем царский поезд не был пропущен мятежниками на Николаевскую дорогу. Государь повелел повернуть на Псков — в штаб Северного фронта. Не чувствуя себе опоры

¹ Достоин быть отмеченным запасный Самокатный батальон, с героем командиром полк. Балкашиным, оказавший 27 и 28-И отчаянное сопротивление дикой черни и изменившим войскам и погибший. Отряд полк. Кутепова занял было Зимний Дворец, но был вынужден его покинуть по требованию Вел. Кн. Михаила Александровича, опасавшегося за целостность дворца и не заботившегося о последних защитниках Престола. Полк. Кутепов занял тогда Адмиралтейство, но должен был покинуть и эту позицию по настоянию адм. Григоровича, тоже опасавшегося за целостность здания — и своей в нем квартиры. Это было важнее сохранения монархии. Отряд, в котором считалось еще 1100 чел., 12 орд. и 15 пулем., явился в Петропавловскую крепость, где Военный Министр, навзрыд плакавший, приказал ему разойтись. Эти последние слуги Императора Всероссийского были Измайловцы, Егеря и Государевы Стрелки 3-го полка.

² Гучков в бытность свою военным министром не сомневался в заграничном происхождении «Приказа номер первый». Действительно, подробный анализ приказа позволяет вынести заключение, что фактическая его часть (учреждение комитетов, обезоружение офицеров) сделана германскими специалистами — самое построение фраз носит на себе следы влияния немецкого синтаксиса. Приписка же: «Приказ этот прочесть во всех полках, батальонах, ротах и прочих командах» сделана прис. пов. Соколовым и показывает полное незнание им военного языка и военной организации.

в лице ген. Алексеева, он понадеялся на ген. Рузского... 1 марта вечером литерный поезд подошел к Пскову.

В этот день мятеж в столице утих. Комитет Думы и Совет Рабочих Депутатов завязали переговоры друг с другом. Не чувствуя еще себя достаточно подготовленными (вожди были еще за границей), «советчики» охотно предоставили «общественникам» всю ответственность и все бремя власти.

От этой долгожданной власти у «общественников» в первый же день закружилась голова. Ответственное министерство никого уже не удовлетворяло. Надо было ковать железо, пока оно было горячо, использовать до конца внезапно предоставившуюся блестящую возможность — устранить Государя и захватить в свои руки безраздельный контроль над 12-летним больным Императором Алексеем и слабым и безвольным регентом Вел. Князем Михаилом.

Родзянко телеграфировал Алексееву в Ставку и Рузскому во Псков о принятии власти Временным Правительством под председательством кн. Львова и просил отозвать войска.

Рузский немедленно доложил об этом Государю, и вечером 1 марта последовало Высочайшее повеление вернуть войска на фронт, а ген. Иванову ничего не предпринимать¹. Государь согласился и на ответственное министерство.

Убедившись в том, что никаких мер к подавлению мятежа не будет принято, Родзянко приступил к решительным действиям.

2 марта утром Родзянко вызвал к аппарату ген. Рузского и объявил ему, что ответственное министерство запоздало и уже недостаточно и что «династический вопрос поставлен ребром». Он сообщил, что только отречение Государя от Престола способно умиротворить страну и революционные массы, безгранично доверяющие ему, Родзянке, и требующие «войны до победного конца» (Родзянко знал, что массы кричали «долой войну!»). Упорство же Государя способно лишь вызвать кровопролитие. В том же духе честолюбивый председатель Думы сообщил и ген.Алексееву в Ставку.

Тогда ген. Алексеев разослал всем главнокомандовавшим телеграмму, в которой изложил требования Родзянки и просил их в свою очередь настоять на отречении Государя. Телеграмма была отправлена в 10 ч. Утра, и через четыре часа получились ответы... Великий Князь Николай Николаевич «коленопреклоненно», Эверт, Брусиллов и Сахаров без коленопреклонения, но не менее настоятельно требовали отречения. Рузский действовал на месте.

¹ Восставшие железнодорожники не пропустили поезда ген. Иванова. России дорого пришлось заплатить за упущение милитаризации железных дорог.

Убеждать Государя долго не пришлось. Ничего не желал для себя Император Николай Александрович. Ни власть, ни самая жизнь не имела для него никакого значения, раз их ценой можно было купить счастье и благополучие матери-России. Вожди Армии — люди, которым Он безгранично доверял, — находили, что его отречение пойдет на благо страны. Значит, ни о чем не могло быть и речи.

В три часа дня Государь подписал отречение в пользу Цесаревича Алексея Николаевича. Регентом становился Вел. Кн. Михаил Александрович, Верховным Главнокомандующим — Вел. Кн. Николай Николаевич, председателем ответственного министерства — кн. Львов, командующим войсками Петроградского В.О. ген. Корнилов ¹.

На горе России, в это самое время была получена от Родзянки телеграмма, в которой тот сообщал о выезде в Псков делегатов Временного Правительства Шульгина и Гучкова для переговоров об отречении. В ожидании их Государь повелел задержать манифест об отречении в пользу Цесаревича.

Делегаты прибыли в Псков поздно вечером — и тут, в салоне вагона литерного поезда Император Николай Александрович после краткого, но мучительного колебания отрекся от престола за себя и за Наследника в пользу брата. Это решение было принято после того, как лейб-медик Боткин объявил Государю, что безнадежно больной Алексей Николаевич не сможет царствовать. Непоправимое свершилось. Соединенными усилиями германских и русских генералов и политиков был свергнут Император Всероссийский.

Монарх был устранен. Оставалось устранить самую Монархию. Регентство и контроль над регентством уже не удовлетворяли думскую общественность. Она пожелала захватить всю власть без остатка.

На рассвете 3 марта Родзянко вызвал ген. Рузского и потребовал задержать манифест и не объявлять его народу и войскам, ибо воцарение Вел. Князя Михаила Александровича «абсолютно неприемлемо». Изумленному «главкоसेву» председатель Думы сообщил, что «совершенно неожиданно» вечером 2 марта вдруг вспыхнул «такой солдатский бунт, которому он, Родзянко, еще не видел подобного» и что взбунтовавшиеся войска требуют низложения Династии, грозя в противном случае все залить кровью.

Эту же ложь Родзянко передал вслед затем и Алексееву, прося Ставку задержать манифест. В душе у Алексеева шевельнулось подозрение. Он почувствовал, что Родзянко его

¹ Алексеев, как и остальные участвовавшие в заговоре военачальники, не были посвящены до конца в замыслы думской общественности. Стремясь хотя бы отчасти обелить печальную славу Алексеева, ген. Лукомский приписывает ему фразу: «Никогда не прошу себе, что поверил в искренность некоторых людей, послушался их и послал телеграммы главнокомандующим по вопросу об отречении Государя от престола». Последовавшим затем поступком — скрыванием 4-й телеграммы Государя об отмене отречения за Наследника — Алексеев показал, что никакого раскаяния не чувствовал.

обманывает (по вполне достоверным сведениям Ставки, никакого нового бунта в Петрограде не произошло и жизнь в столице вошла в нормальную колею). Но требование Родзянки ген. Алексеев исполнил. Он отправил длинную растерянную телеграмму главнокомандовавшим, обращаясь по свойству рыхлой своей натуры за советом к подчиненным.

Обманув без особенного труда недалеких и дряблых военачальников, «общественники» стали уговаривать Великого Князя Михаила Александровича отречься от престола в свою очередь.

Царский брат был человеком слабым и безвольным и на завещанный ему Престол он посмотрел не как на служение Родине, а только как на личное неудобство. Он отрекся охотно и быстро... Но это свое отречение он не отправил Государю (который знал бы тогда, как поступить). Он отрекся в пользу Временного Правительства и этим ввергнул Россию в пропасть, а себя самого — на дно уральской шахты.

Эта измена долгу как громом поразила вернувшегося в Ставку Императора Николая Александровича. Видя крушение страны, Венценосец решил принести в жертву Родине своего больного сына. 4 марта утром, узнав о малодушии своего брата, он взял назад псковское отречение за Наследника. Цесаревич Алексей должен был стать Императором, и Россия вновь становилась на свой природный тысячелетний путь.

Государь вручил эту телеграмму ген. Алексееву для отправки в Петроград. Но генерал-адъютант Алексеев скрыл от России эту телеграмму и не отправил ее. Страна не узнала о начавшемся было царствовании юного Императора, а от Армии скрыли последний приказ Царя-Подвижника, которому суждено было стать Царем-Мучеником ¹.

9 марта вся Царская Семья была арестована ².

¹ Вот слова этого, написанного кровью царского сердца, приказа: «В последний раз обращаюсь к вам, горячо любимые мною войска. После отречения мною за себя и за сына моего от Престола Российского, власть перешла ко Временному Правительству, по почину Государственной Думы возникшему. Да поможет ему Бог вести Россию по пути славы и благоденствия. Да поможет Бог и Вам, доблестные войска, отстоять нашу Родину от злого врага. В продолжение двух с половиной лет вы несли ежечасно тяжелую боевую службу, много пролили крови, много сделали усилий и уже близится час, когда Россия, связанная со обоими доблестными союзниками одним стремлением к победе, сломит последнее усилие противника. Эта небывалая война должна быть доведена до полной победы. Кто думает теперь о мире, кто желает его — тот изменник Отчеству, его предатель. Знаю, что каждый честный воин так мыслит, исполняйте же ваш долг, защищайте доблестно нашу Великую Родину, повинуйтесь Временному Правительству, слушайте ваших начальников, помните, что всякое ослабление порядка службы только на руку врагу. Твердо верю, что не угаснет в ваших сердцах беспредельная любовь к нашей Великой Родине. Да благословит вас Господь Бог и да ведет вас к победе Святой Великомученик и Победоносец Георгий!»

² Временное Правительство предписало произвести этот арест командовавшему войсками Петроградского В.О. ген. Корнилову. Люди, бросившие своего Государя на произвол врагов и сами попрятавшиеся, впоследствии сохранив свою жизнь благодаря корниловским добровольцам) не смогли этого простить Корнилову и всячески чернили его память. Совсем иначе относились к ген. Корнилову Царственные Узники. Государыня была довольна, что арест был поручен не кому-нибудь, а известному всем герою войны, и сказала н-ку охраны полк. Кобылинскому, что «Корнилов вел себя в эти дни, как настоящий верноподданный». В конце июля, по назначении Корнилова Верховным Главнокомандующим, Государь говорил Кобылинскому: «Спасение России

Россия рухнула в бездну.

Всеобщий развал. Не будем изображать всех подробностей революционного позора нашей Родины. Восемь месяцев, с февраля по октябрь 1917 года, были грязной страницей тысячелетней нашей истории. Невиданная грязь была затем смыта великой кровью...

Совет Рабочих Депутатов представлял тех, кто поднял мятеж. Временное Правительство — тех, кто пытался использовать этот мятеж в своих целях.

Сердце русской революции с первого же дня ее существования — а это был «Международный день работницы» 23 февраля — забилося в ЦИКе партии большевиков, создавшем Совет. Временное Правительство было и до конца осталось чуждым революционной стихии, не имея в ней никаких корней. Либеральная общественность рассчитывала прийти к власти путем дворцового переворота. Вместо этого она вдруг очутилась у этой власти в непредвиденной и грозной обстановке военного мятежа.

Великой страной взялись управлять люди, до той поры не имевшие никакого понятия об устройстве государственного механизма. Пассажиры взялись управлять паровозом по самоучителю — и начали с того, что уничтожили все тормоза.

5 марта Временное Правительство одним росчерком пера упразднило всю русскую администрацию.

Были отрешены все губернаторы и вице-губернаторы. Возвращены все политические ссыльные и уголовные каторжники — и упразднены полиция и Корпус жандармов. Призваны в Россию все эмигранты-пораженцы, агенты неприятеля — и упразднена контрразведка. Объявлена свобода — и брошены в тюрьмы тысячи инокомыслящих «реакционеров». Провозглашена «война до победного конца» — и уничтожена дисциплина в Армии....

Инстинкт государственности, понимание интересов Государства были совершенно незнакомы либерально-демократической общественности. Ею завладели два чувства: безотчетная ненависть к «старому режиму» и страх прослыть «реакционерами» в глазах Совета Рабочих Депутатов. Не была удара, которого эти люди не согласились бы нанести своей стране во имя этой ненависти и этого страха.

Армия была ошеломлена внезапно свалившейся на нее революцией.

Рушилось все мировоззрение офицера и солдата, опустошалась их душа.

Построенные темными квадратами на мартовском снегу войска угрюмо присягали неизвестному «Временному Правительству». Странно и дико звучали слова их присяги.

от анархии, спасение имени России на дрогнувшем фронте — зависит только от Корнилова. Мы все молимся ежедневно, чтобы Господь помог ему довести предпринятое дело оздоровления до конца».

Царя не стало. Солдат недоуменно смотрел на офицера. Офицер растерянно молчал и оглядывался на старшего начальника. Тот смущенно снимал с погон царские вензеля...

Так прошла первая неделя марта месяца — пока от Риги до Измаила огромный фронт не содрогнулся от удара отравленным кинжалом в спину. В Действующую Армию был передан приказ номер первый...

Назначенный Верховным Главнокомандующим Великий Князь Николай Николаевич был уволен Временным Правительством, не успев принять этой должности.

Временное Правительство утвердило Верховным ген. Алексеева. Начальником Штаба стал ген. Деникин (сдавший свой VIII арм. к-с ген. Ломновскому), а ген. квартирмейстером ген. Ваефович (ген. Лукомский получил I арм. к-с).

Военным Министром стал честолюбивый заговорщик — вдохновитель «младотурок» Гучков, наконец-то удовлетворивший свою давнишнюю мечту руководить российской вооруженной силой сообразно своим личным симпатиям и антипатиям.

Гучков — при содействии услужливой Ставки — произвел настоящее избиение высшего командного состава. Армия, переживавшая самый опасный час своего существования, была обезглавлена. Была отрешена половина корпусных командиров (35 из 68) и около трети начальников дивизий (75 из 240). Из высших военачальников был отрешен главнокомандовавший Зап. фронтом ген. Эверт, замененный ген. Гурко, командовавшие армиями — 2-й ген. Ник. Данилов, замененный к-ром XIX к-са ген. Веселовским, 10-й — ген. Горбатовский, замененный к-ром IX к-са ген. Киселевским, 11-й — ген. Баланин, замененный командиром VI арм. к-са ген. Гутором. Ген. Клембовский, отказавшийся от армии, был зачислен в Военный Совет, и должность Помощника нач. штаба Верховного упразднена ¹.

Во главе ряда Военных Округов были поставлены авантюристы, наспех произведенные в штаб-офицерские чины. Воинской иерархии для проходимца министра не существовало ².

Наглый Гучков целиком подчинил себе растерявшуюся Ставку. Злополучный Алексеев впал в совершенную протрацию и выпустил управление Действовавшей Армией из своих неверных рук. Руль корабля беспомощно завертелся во все стороны, в тот самый момент, когда на корабль налетел шквал неслыханной ярости...

¹ Временное Правительство прибегло к «опросу» высших военачальников, предложив им самим назначить Верховного Главнокомандующего (начало пресловутой «керенщины»). Ген. Рузский уклонился от ответа, остальные указали на ген. Алексеева, как уже находившегося на месте. О самом Алексееве все были невысокого мнения. Брусилов, Горбатовский, Ник. Данилов и Рогоза в своих ответах подчеркивали безволие Алексеева, указывая на него только за неимение лучшего.

² Московский В.О. получил зауряд-подполковник Грузинов — друг Гучкова, «октябрист» и председатель Московской земской управы. Казанский — зауряд-подполковник Коровниченко — социалист и присяжный поверенный. Киевский — некто Оберучев с.-р., из разжалованных подпоручиков, сосланный в 1905 г. в Сибирь, возвращенный Гучковым из ссылки и произведенный прямо в полковники «для уравнения со сверстниками».

Гучков плыл по течению. Он думал овладеть положением, санкционировав приказ номер первый и предписав учреждение комитетов во всех частях войск. Этим он убил всякий авторитет Правительства и Командования.

Солдат решил, что раз Царя не стало, то не стало и царской службы и царскому делу — войне — наступил конец... Он с готовностью умирал за Царя, но не желал умирать за пришедших к власти «господ». Офицер, призывавший солдата защищать Родину, становился ему подозрителен. Раз была объявлена «свобода», то кто имел право заставлять его, солдата, проливать свою кровь на фронте, когда в тылу рабочие провозгласили восьмичасовой трудовой день, а односельчане готовились поделить землю помещика?

И в первые весенние дни 1917 года толпы русских солдат вышли из своих окопов... У колючей проволоки их ждал бесчестный враг с прокламациями и водкой. Германские офицеры, «братаясь» и спаивая русских солдат, призывали их убивать русских офицеров, бросать окопы, идти домой. И одурманенные люди, возвращаясь в землянки, с тупой злобой начинали смотреть на своих офицеров.

Из 220 стоявших на фронте пехотных дивизий браталось 165, из коих 38 обещали немцу не наступать... Конница и Артиллерия, сохранившие еще часть старых кадров, сохранили и воинский дух. И часто меткая очередь наших трехдюймовок прекращала безобразные сцены братания — и вражеская кровь германского офицера смешивалась с кровью обманутого русского солдата...

Братанье продолжалось весь март и к апрелю прекратилось. На этом настояло Австро-Венгерское командование, опасавшееся, что зараза перебросится на его разноплеменные войска. Отрезвляюще подействовали на нашу деморализованную пехоту и короткие удары немцев в различные места нашего фронта и, наконец, самоотверженная, подвижническая работа строевого русского офицера.

Войска не обрели прежней своей боеспособности, но по крайней мере удалось задержать дальнейший развал...

Реформы Гучкова следовали одна за другой. Вслед за введением комитетов и разгромом командования он распорядился уволить вчистую всех нижних чинов старше 43 лет и на летние работы всех старше 40 лет. Эта совершенно непродуманная частичная демобилизация вконец расстроила железные дороги.

Но худшее было еще впереди. Одним из первых мероприятий Гучкова было учреждение т. наз. комиссии по устройству армии на новых началах под председательством ген. Поливанова — и эта комиссия из нестроевых петербургских генералов,

раболепствовавших перед революционной демократией, принялась за разработку «Декларации прав солдата» — полное уничтожение дисциплины в Армии...

В течение всего марта на фронте возникали самочинные комитеты¹. В конце месяца Ставка издала положение о комитетах, пытаясь их регламентировать и создать какое-то равновесие между офицерским и солдатским составом. Но уже в половине апреля Временное Правительство, совершенно не считавшееся со Ставкой, передало на фронт — через голову верховного командования — свое собственное «поливановское» положение, совершенно отменявшее офицеров.

Злополучный Алексеев решил протестовать против разрушительной работы комиссии Поливанова, но в последнюю минуту оробел и попросил подчиненных военачальников протестовать совместно. Те тоже убоялись гнева Гучкова — и из протеста ничего не вышло... Семеро военачальников испугались одного штатского министра, в свою очередь их боявшегося. Таковы были вожди Русской Армии в ту весну 1917 года. Ее могли спасти великие сердца...

Гучков и Алексеев создали Совету рабочих депутатов такую обстановку, о которой его вожаки в своем революционном подполье не смели и мечтать.

16 апреля из Швейцарии в запломбированном вагоне Германского Командования, через Швецию и Финляндию в Петроград прибыли главари партии большевиков...

Это были Апфельбаум-Зиновьев, Розенфельд-Каменев, Собельсон-Радек, Финкельштейн-Литвинов и главный их вождь Ульянов-Ленин.

Владимир Ульянов-Ленин, возглавивший после Петра Струве партию социал-демократов большевиков, был прежде всего прирожденным организатором. Его небольшой ум, чрезвычайно односторонний и ограниченный марксистскими шорами, был умом начетчика. Этот ограниченный ум подкреплялся железной логикой и железной волей маньяка и во много раз усиливался чрезвычайно развитым политическим чутьем и поразительным инстинктом революционера. Организаторские способности и политическое чутье делали из Ленина человека неизмеримо более крупного, чем ничтожества Временного Правительства. Ленин был единственной политической величиной Семнадцатого года — но величиной для своей страны отрицательной. Он впитал в себя весь яд подонков материалистической немецкой философии — нежизнеспособной и устарелой теории марксизма.

¹ Первый комитет на фронте возник по почину ген. штаба полк. Егорова — будущего «красного маршала».

Заимствовав цели от Маркса, Ленин взял средства от Клаузевица. Осуществление социализма в бесклассовом обществе он полагал достигнуть вооруженной борьбой, захватив власть и установив диктатуру организованной им партии.

На русский народ интернационалист Ленин смотрел только как на морских свинок, над которыми надо было произвести опыт прививки нигде еще не проверенных социалистических теорий. «Россия — это дикий сырой лес, который нужно сжечь дотла!» — писал и проповедовал он.

Взяв основное положение Клаузевица: «Война — та же политика», Ленин вывел логическое заключение: «Политика — та же война». Для верного успеха война эта должна была быть беспощадной — откуда и знаменитая формула: «Кто не с нами, тот против нас».

Безмерно затянувшаяся война, смысл которой совершенно ускользал от народа, чрезвычайно тому благоприятствовала. Народ был, во-первых, раздражен, во-вторых, вооружен. «Бескровная» Русская Революция с самого своего рождения творилась винтовкой и пулеметом. Человек революции, как никто еще в истории, Ленин был первым, кто целиком и в совершенстве постиг всю природу Русской Революции — ее исключительный динамизм. Он понял, что в отличие от Английской и Французской революций, борьба партий и программ в России существенного значения иметь не может, а все решат штыки и пулеметы. Эти штыки и пулеметы надо было привлечь на свою сторону — и все остальное тогда само собой прилагалось. Интуиция революционера подкреплялась школой Клаузевица.

Организация захвата власти особенного труда не представляла. Отсутствие чувства государственности у Правительства создавало идеальные условия для подготовки порабощения России — для образования ведущей «головки» партии в столице, партийных «ячеек» на местах и боевиков красной гвардии в важнейших центрах.

«Я хочу, чтобы Ленин мог в России говорить столь же свободно, как в Швейцарии!» — воскликнул Керенский, мудрый министр юстиции этого замечательного правительства. Желание Керенского сбылось...

В конце апреля перевертень Поливанов закончил свою «Декларацию прав солдата» — этот, по словам ген. Алексеева, «последний гвоздь в гроб нашей вооруженной силы»...

Согласно этой «Декларации», военнослужащие получали все политические права (участие в выборах), могли поступать в любую из политических партий (в том числе и в большевистскую), могли исповедывать и проповедывать любые политические убеждения («долой войну», «долой офицеров» и т.д.). В воинские части в тылу и на фронте могли свободно доставляться все без исключения печатные издания (в том числе анархические и

большевистские). Отменялось обязательное отдание чести. И, наконец, упразднились все дисциплинарные взыскания.

Регулярной вооруженной силе наступал конец.

Гучков пришел в ужас от поливановского творчества и, отказавшись утвердить его, подал 30 апреля в отставку. Бесславное его управление длилось два месяца.

Военным министром стал 36-летний помощник присяжного поверенного А.Ф. Керенский, совмещавший до тех пор должности Министра Юстиции и товарища председателя Совета рабочих депутатов.

Растерявшегося дилетанта сменил самоуверенный профан.

По своему происхождению, воспитанию и взглядам Керенский был бесконечно далек от Армии и не имел — да и не мог иметь — никакого понятия о военном деле. Безмерно себялюбивый, самоуверенный и самовлюбленный, он считал себя героем Русской Революции, не имея к тому решительно никаких данных. Это был человек фразы — но не слова, человек позы — но не дела.

Узнав о содержании «Декларации», ошеломленные старшие военачальники собрались 1 мая в Ставке на совещание. Решено было отправиться всем в Петроград просить Временное Правительство не утверждать «Декларации». 4 мая состоялось совещание главнокомандовавших с Военным Министром и членами Совета. Оно не дало никаких результатов. Революционеры отнеслись с высокомерным пренебрежением к доводам военачальников — и 9 мая Керенский утвердил «Декларацию прав солдата»¹...

Первая половина мая принесла значительные перемены как в составе Временного Правительства, так и в Командовании.

Проповедь Ленина принесла свои первые плоды. 10 мая обработанные им части петроградского гарнизона выступили с требованием «отставки министров-капиталистов». Трусливый Львов поторопился дать им удовлетворение². Возмущенный этим командовавший Петроградским В.О. ген. Корнилов подал в отставку. Его заменил генерал Половцев.

Был уволен главнокомандовавший Северным фронтом ген. Рузский. Его заменил ген. А.М. Драгомиров, сдавший свою 5-ю армию ген. Юрию Данилову.

¹ Утверждение «Декларации» Керенский считал большой своей заслугой, хвалясь, что осуществил то, на что не осмеливался Гучков.

² При реформировании Временного Правительств, в состав его вошел с портфелем министра земледелия только что вернувшийся из Цмервальда Ицка Либерман (левый с.-р., взявший себе защитным псевдонимом «Виктор Чернов»). Либерман-Чернов служил в германском военном министерстве на штатной должности редактора газеты, издававшейся германским командованием для обработки в революционном духе русских военнопленных.

14 мая, стремясь угодить революционной общественности, Временное Правительство отрешило Верховного Главнокомандовавшего ген. Алексева (как «недостаточно революционного»). На его место был назначен ген. Брусилов. Юго-Западный фронт принял ген. Готор, а его 11-ю армию ген. Эрдели. Н-ком штаба Верховного стал ген. Лукомский.

Пребывание ген. Брусилова на посту Верховного Главнокомандующего оставило тягостное впечатление. Брусилов думал овладеть разнузданной массой, подлаживаясь под нее и угождая ей, стремясь войти в доверие «революционной демократии». Он надеялся, таким образом, мало-помалу вернуть Армию на путь воинского долга. Об искренности «революционных убеждений» ген. Брусилова, конечно, не могло быть и речи ¹.

Эта тактика разделялась очень многими старшими начальниками. Она оказалась ошибочной и не дала решительно никаких результатов.

Ген. Брусилов отрешил командовавшего 8-й армией ген. Каледина за несочувствие демократизации и заменил его ген. Корниловым (ген. Каледин скоро был избран Донским Атаманом). По той же причине недостаточной демократичности был уволен герой Эрзерума — и Кавказскую Армию принял к-р 11 Турк. к-са ген. Пржевальский.

Недоверие Керенского к «генералам» сказалось в учреждении им правительственных соглядатаев — «комиссаров» — при Ставке, штабах фронтов и армий, для согласования их работы с комитетами и для слежки за военачальниками.

В первых числах мая в Россию прибыл правая рука Ленина — Бронштейн-Троцкий, снабженный громадными кредитами (72 мил. марок золотом) германским Рейхсбанком и еврейскими банками в Америке, всегда субсидировавшими русское революционное движение.

Если Ленин был головой Русской Революции, то иступленно кровожадный Бронштейн стал ее душой, вложив в дело разрушения России безграничный пафос ненависти. Прибытие Троцкого с деньгами дало возможность большевикам широко развить свою печать и пропаганду...

Преступление Керенского. Вся Россия превратилась в один огромный сумасшедший дом, где кучка преступников раздала толпе умалишенных зажигательные снаряды, а администрация исповедовала принцип полной свободы этим умалишенным во имя «заветов демократии». Спасти страну можно было только расправой с предателями и обузданием

¹ В беседе с ген. Деникиным Брусилов излил горечь, накопившуюся у него на душе: «Антон Иванович! Вы думаете, мне не противно махать постоянно красной тряпкой? Но что же делать? Россия больна, армия больна. Ее надо лечить. А другого лекарства я не знаю». По Брусилову выходило, что для успешного лечения врач должен сам притвориться больным.

взбесившихся масс. Но для этого необходимо было переменить всю обанкротившуюся систему управления — заменить трескучие фразы решительными мерами.

Ген. Корнилов, возглавивший Русскую Армию в самый тяжелый час ее существования, видел бездну, разверзавшуюся под ногами ослепленной России. Он считал спасительным установление сильной власти на диктаторских началах. Одновременно надлежало оздоровить Армию восстановлением попорченной дисциплины, официальным введением смертной казни и заменой зловещей «декларации прав солдата» декларацией его обязанностей¹.

Вся первая половина августа прошла для Корнилова в напряженном труде по созданию законопроекта об устройстве армии. Верховный был одинок в этой своей огромной работе. Его непосредственное окружение — случайные люди полувоенного-полукомиссарского облика и явно авантюристической складки — поражало своим самонадеянным ничтожеством. При всех своих положительных качествах Корнилов не умел подбирать себе сотрудников.

Робевший и колебавшийся Керенский все откладывал утверждение законопроекта, страхась своих коллег-пораженцев и Совета рабочих депутатов. Из своего финляндского тайника Ленин продолжал властвовать над слабым умом и дряблой волей «главы российской демократии».

Мало-помалу Корнилову удалось склонить Керенского на ввод в столицу надежных войск. События на фронте тому способствовали. Рига пала, Петроград оказался под непосредственным ударом врага — и страх перед германскими генералами пересилил у Керенского его неприязнь к русским генералам. В петроградский район был двинут с Румынского фронта III конный к-с ген. Крымова.

Можно было считать обеспеченным создание «директории» в составе Корнилова, Керенского и Савинкова, снабженной диктаторскими полномочиями. Оставалось договориться, кому в этом «триумвирате» занять председательское место. Для Корнилова этот вопрос особенного значения не имел; верховный главнокомандовавший добивался лишь полноты власти на фронте. Но для Керенского вопрос о возглавлении был всем. Безмерно честолюбивый председатель Временного Правительства мыслил себя не иначе, как в центре всеобщего поклонения и обожания.

¹ Корнилов считал необходимой милитаризацию военных заводов и железных дорог и находил, что надо иметь «три армии»: одну — на фронте и в окопах, другую — на заводах для изготовления боевого снаряжения, и третью — на железных дорогах для подачи снаряжения на фронт. Додумайся до этого шталмейстеры и столоничальники Императорского Правительства в 1916 году — мы не имели бы революции.

Корнилов пригласил Керенского в Ставку, чтобы лично договориться с ним о всех необходимых подробностях предположенного государственного устройства. Но «главноуговаривающий» уже впал в свое обычное состояние возбужденного малодушия. Керенский уже стал сожалеть о своей сделке с революционной совестью, о своем сговоре с казачьим генералом. Он уклонился от поездки в Ставку и послал для переговоров с Корниловым случайного человека — обер-прокурора Синода Владимира Львова, давно слывшего у всех притчей во языцех своей сумбурной бестолковостью. Казалось, Керенский искал предлога, чтобы порвать с одиозной «военщиной».

Львов прибыл в Ставку 24 августа. Ген. Корнилов заявил ему, что необходимо учреждение диктатуры при обязательном участии Керенского и что он, Корнилов, готов подчиниться кому укажут.

Вернувшись 26 августа в Петроград, Владимир Львов заявил Керенскому, что Корнилов требует себе всю верховную власть — как военную, так и гражданскую — что он не верит Керенскому и Савинкову и не ручается за их жизнь.

Испуг Керенского был велик. Но он не заслонил расчета, вдруг вставшего перед ним: опираясь на все силы революционной демократии от Савинкова до Ленина включительно, раздавить обнаружившийся «генеральский заговор» и этим раз навсегда избавиться от опасного соперника. Интересы государства всегда были у Керенского на третьем плане (после личных и партийных). Сейчас они окончательно перестали для него существовать.

Керенский вызвал Корнилова по прямому проводу и спросил его, верно ли то, что передал ему Львов, нарочно не поясняя, что именно сказал Львов. Далекий от мысли о провокации, ген. Корнилов лаконически ответил, что правда, — не догадавшись ни расспросить Керенского, ни повторить вкратце содержание своей беседы со Львовым.

Тогда Керенский приказал Корнилову сложить с себя звание Верховного Главнокомандующего. Ошеломленный Корнилов отказался сойти со своего ответственного поста. Сношения Петрограда с Могилевым были прерваны.

27 августа вся Россия была потрясена манифестом Временного Правительства, объявившего генерала Корнилова вне закона. В этом манифесте Керенский назвал героя Карпат «изменником»... Когда в июле ему были представлены доказательства службы большевиков у Германского Командования, то Керенский Ленина «изменником» не называл¹.

¹ Любопытнее всего, что из революционной общественности громче всех об «измене Родине» кричал министр земледелия Либерман — по псевдониму «Виктор Чернов» - активный деятель Циммервальдского съезда пораженцев в 1915 году — тот самый, от которого Керенский на совещании 3-VIII предостерегал Корнилова. Чернов уже третий год занимал штатную и хорошо оплачиваемую должность в германской разведке, и тайны это ни для кого не составляло. Керенский называл Чернова «товарищем», а Корнилова — «изменником».

Корнилов не остался в долгу, заклеив в своем воззвании все Временное Правительство «немецкими наемниками»¹.

Керенский приказал военачальникам не подчиняться мятежному Верховному, а войскам не повиноваться начальникам. Он амнистировал арестованных большевиков, призвав их к совместной защите завоеваний революции, и приказал раздать оружие революционному петроградскому пролетариату.

Пока Керенский организовывал и вооружал большевиков, Корнилов бездействовал в Ставке. Ему надо было стать во главе шедшего на Петроград III-го конного корпуса и лично возглавить спасительную контрреволюцию. Вместо этого он оставался в Могилеве, застигнутый провокацией врасплох. Его полувоенное-полукомиссарское окружение изменило ему и покинуло его.

Конница Крымова разбросалась от Пскова до Луги, дойдя передовыми своими частями до этого города. Два слова — «корниловцы идут!» преобразили весь распущенный тыл Северного фронта. В частях, давно вышедших из повиновения, сама собою и мгновенно воцарилась аракчеевская дисциплина.

Однако ген. Крымов не сумел воспользоваться столь благоприятно складывавшейся обстановкой. Не получая из Ставки никаких указаний, никакой ориентировки, подобно Корнилову ошеломленный неожиданной провокацией правительства, он задержал 29 августа свои войска у Луги, а сам отправился для выяснения обстановки в Петроград. Там он был предательски убит². Заступивший его место кн. Багратион-Мухранский по приказу Временного Правительства отвел III конный к-с в район Псков — Великие Луки. «Гидра контрреволюции» была побеждена.

Армия вновь погрузилась в анархию, чтобы больше из нее не выходить...

1 сентября Керенский торжественно провозгласил Россию «демократической республикой», а себя самого — «верховным главнокомандующим сухопутными и морскими силами» этой демократической республики, начальником штаба верховного главнокомандующего был назначен небрежливый и беспринципный «младотурок» — полк. Верховский. «Полукорниловцу» Савинкову Керенский больше не доверял.

¹ Ген. Деникин считает это воззвание ошибкой, т.к. из всего состава Временного Правительства один Чернов мог по справедливости считаться «немецким наемником». Враждебно к Корнилову относились только Керенский, Чернов и Некрасов. Остальных Корнилову не следовало от себя отталкивать. В этом утверждении ген. Деникина нельзя не видеть чрезмерного его уважения к «общественности».

² По одной версии Крымов был застрелен «адъютантами» Керенского, по другой — застрелился сам. Выяснено только, что он был убит и что Керенский запретил перевязку истекавшего кровью генерала.

Первым и единственным мероприятием Керенского как верховного главнокомандующего была расправа с крамольными генералами. Прибывший в Ставку ген. Алексеев именем Керенского арестовал генералов Корнилова и Лукомского. Одновременно были арестованы открыто солидаризовавшиеся с Корниловым главнокомандовавший Ю.-З. фронтом ген. Деникин, его н-к штаба ген. Марков и командовавший Особой армией ген. Эрдели. Арестованные военачальники были заключены в Быховскую тюрьму. Алексееву удалось настоять на охране заключенных преданными Корнилову текинцами. Корнилов и его сподвижники были спасены этим от самосуда озверелой черни.

Председательствование во Временном Правительстве и выступления в новосозданной говорильне, — т. наз. «парламенте», отнимали все время Керенского и делали его главнокомандование сухопутным и морским бессилием российской демократической республики чисто номинальным. Сознавший всю неловкость своего положения ген. Алексеев оставался в Ставке всего несколько дней и ушел. Начальником штаба и фактическим верховным главнокомандующим был назначен новый н-к штаба Ю.-З. фронта ген. Духонин, а ген.-квартирмейстером — ген. Дитерихс; оба доблестные боевые начальники и талантливые офицеры Ген. Штаба. Однако проявить свои дарования на этом посту им уже не пришлось. Армия превратилась в толпу...

Выступление Корнилова было последней попыткой предотвратить крушение великой страны.

Удайся оно, Россию, конечно, ожидали бы еще потрясения. Прежде всего, немцы попытались бы утвердить своего Ленина штыками — и нашим неокрепшим еще армиям пришлось бы в сентябре-октябре выдержать жестокий натиск и отступить вглубь страны. Затем надо было считаться с тем, что анархия за шесть месяцев керенщины успела беспрепятственно пустить глубокие корни в народную толщу. При всех своих достоинствах героя Корнилов не был государственным человеком и правителем. Его убогое окружение было только немногим выше Временного Правительства. Выздоровление России было бы долгим и тяжелым. Но она осталась бы Россией...

Оставшись в Могилеве и не возглавив лично шедшие на Петроград войска, Корнилов совершил роковую ошибку. Некоторым оправданием для него была полная неожиданность провокации. Пассивность Верховного предредила неудачу спасительной контрреволюции.

Провокаторская работа Вл. Львова очевидна. Как низко ни расценивать его умственные способности, нельзя предположить, что он только «напутал», передав Керенскому прямо противоположное тому, что ему говорил Корнилов. Львов сразу после октябрьского переворота примкнувший к большевикам, был, по-видимому, уже в августе их сотрудником.

Во всяком случае, Керенский поверил Львову потому, что хотел ему поверить. Разговор Керенского по прямому проводу с Корниловым выдает его головой. Его вопрос правда ли то, что сказал Львов, — без пояснений, что именно сказал Львов, — можно считать непревзойденным образцом провокаторского мастерства.

Трагически сложившаяся обстановка требовала от главы Временного Правительства выбора между Корниловым и Лениным. И Керенский выбрал Ленина.

Выбор этот был для Керенского естественным. Воспитанный на культе революции и преклонении перед «светлыми личностями», Керенский был человеком своей среды упадочников.

Корнилов звал спасти Россию. Ленин призывал углубить завоевания революции. «Россия» была для Керенского отвлеченным, ничего не говорившим понятием — географической картой на стене III класса гимназии. «Революция» зато была чем-то близким и родным — «прекрасной дамой». Россия обретала для Керенского смысл лишь с обязательным прибавлением прилагательного. «Царская Россия» была «страной кнута и произвола», неприятельской державой, Карфагеном, который необходимо было разрушить. «Революционную Россию», наоборот, можно и должно было считать своей страной — при обязательном условии запереть в тюрьму всех инакомыслящих «реакционеров» (это называлось «свободой»).

Государство, государственность, государственные интересы были терминами чужими и враждебными. За ними чудился ненавистный жандарм и одиозный земский начальник. Могли существовать лишь общественность, лишь общественные интересы. Если государство мешало общественности — следовало упразднить государство. Если государственные интересы мешали тому, чтобы Ленин мог говорить в России «столь же свободно, как в Швейцарии», то надлежало отменить государственные интересы.

Корнилов говорил на непонятном Керенскому языке. Казак по происхождению, военный по призванию, государственник по воззрению — он был ему трижды непонятен, трижды неприятен, трижды чужд, тогда как Ленин был своим.

Конечно, Керенский не одобрял Ленина, возмущался его «аморальностью», негодовал на братоубийственную проповедь марксистского изувера. Но это были только частности. И тот и другой поклонялись революции. Один воскуривал ей фимиам, другой приносил ей кровавые жертвы. И Ленин, и Керенский говорили на одном и том же языке. Разница была лишь в акценте.

Керенский предпочел своего Ленина чужому Корнилову. И отдал Ленину Россию на растерзание. В выборе между Россией и революцией он не колебался, ставя выше революции только самого себя.

Корнилов отдал жизнь за Родину. Керенский отдал Родину за жизнь. История их рассудила...

Армия Петра Великого погибла по тем же причинам, по которым погибла Петровская Империя. У людей, ее возглавлявших, иссякла сила духа, совершенно отсутствовала творческая интуиция.

Своевременный переход в сентябре-октябре на добровольческое положение спас бы нашу Армию и, тем самым, уберег бы нашу Родину. Надо было отказаться от вооруженного народа — раз этот народ тяжело заболел, отказаться от шаблонов и принять новое решение, которое само собою напрашивалось, — перейти от «полчища» к «дружине», от семи миллионов глоток к одному миллиону бойцов, на которых можно было бы положиться.

В конце сентября комиссар Северного фронта Станкевич предложил свести всю Действовавшую Армию в 15–20 корпусов, установив высокие оклады жалования и денежные награды за трофеи ¹. В октябре командир XIV армейского корпуса барон Будберг тщетно призывал павших духом военачальников перейти, пока не поздно, на добровольческие начала ²... Он не был услышан...

Школа Жомини, готовя из своих питомцев образцовых и исполнительных военачальников, не сообщала им широкого философского кругозора, не прививала им творческих инстинктов. Привыкнув действовать и мыслить только по усвоенному раз навсегда трафарету, они растерялись и потерялись, когда эти трафареты вдруг перестали годиться.

А когда все возможности были безвозвратно упущены и все сроки были безнадежно пропущены — тогда догадались принять решение, три месяца подряд диктовавшееся жизнью. Добровольческая Армия была создана, но создана в порядке импровизации, с совершенно негодными средствами. У генерала Алексеева было всего тридцать юнкеров и восемьсот рублей деньгами. За два месяца до того, в бытность генерала Алексеева в Ставке,

¹ По плану Станкевича оклады жалования солдат на фронте приравнивались заработкам рабочего в тылу. За каждого взятого пленного должно было выдаваться 1000 руб., за каждую неприятельскую винтовку — 500 руб. и т.д. Ген.-кварт. Ставки ген. Дитерихс отвергнул этот план, найдя, что денежные премии «не соответствуют началам воинской этики». Как будто все то, что до сих пор случилось, — братание с неприятелем, избивание офицеров и повальное дезертирство — не было нарушением этики во сто крат худшим!

² В начале октября — уже в период полного развала Северного фронта, в XVI АРМ. к-се был произведен опрос желавших воевать «до победного конца». В 18-й п. д-ии откликнулось 1000 чел., в 70-й — 1400. Ген. Будберг считал, что во всей Русской Армии должно набраться до миллиона вполне боеспособных солдат.

в его распоряжении были сотни тысяч офицеров и верных долгу солдат, которых надо было только организовать, были миллиарды рублей...

Организация рушилась. До реорганизации вовремя не додумались. Пришлось взяться за худшее — за импровизацию...

Ответственность за катастрофу. «Если бы Россия в 1918 году осталась организованным государством, все дунайские страны были бы ныне лишь русскими губерниями, — сказал в 1934 году канцлер Венгрии граф Бетлен. — Не только Прага, но и Будапешт, Бухарест, Белград и София выполняли бы волю русских властителей. В Константинополе на Босфоре и в Катарро на Адриатике развевались бы русские военные флаги. Но Россия в результате революции потеряла войну и с нею целый ряд областей...»

«Ни к одной стране рок не был так беспощаден, как к России — пишет в свою очередь другой иностранный государственный деятель, Черчилль. — Ее корабль пошел ко дну, когда пристань была уже на виду. Он уже перенес бурю, когда наступило крушение. Все жертвы были уже принесены, работа была закончена. Отчаяние и измена одолели власть, когда задача была уже выполнена...»

Россия могла стать сильнейшей и славнейшей державой мира. Но этого не захотели ни русская общественность, ни русский народ. Этого не желали ни наши враги, ни наши союзники.

Можно и должно говорить о происках врагов России. Важно то, что эти происки нашли слишком благоприятную почву. Интриги были английские, золото было немецкое, еврейское... Но ничтожества и предатели были свои, русские. Не будь их, России не страшны были бы все золото мира и все козни преисподней.

Русские люди 1917 года все виноваты в неслыханном несчастье, постигшем их Родину.

Эта вина ложится, во-первых, на Императорское Правительство, не сумевшее ни предвидеть катастрофы, ни предотвратить ее — и это когда за долгие месяцы до февраля не то что люди, а самые камни петроградских мостовых кричали о готовившейся революции.

Безмерна вина оппозиционной общественности, увидевшей в этом потрясении неповторимый случай прийти, наконец, к власти, захотевшей обратить несчастье Родины в средство для достижения своих узко эгоистических целей, в средство для насыщения своего чудовищного честолюбия.

Обманутые общественностью военачальники сыграли роль позорную и жалкую. Лично для себя они, правда, никакой выгоды не искали. Ими руководило желание блага России, ложно понятого. Они полагали, что благоденствия Родины можно добиться изменой Царю... Их непростительной ошибкой было то, что они слишком стали считать себя

«общественными деятелями» и недостаточно помнили, что они — прежде всего присягнувшие Царю офицеры. Милютинская «гражданственность» и здесь сослужила свою печальную службу.

Эти три категории виновных — растерявшиеся сановники, предатели политиканы и недостойные военачальники — не имеют оправдания. История вынесла им приговор, справедливый и беспощадный.

Отречение Государя Николая Александровича за себя и за сына было ошибкой. Но кто посмеет упрекнуть за нее Императора Всероссийского, к виску которого было приставлено семь генерал-адъютантских револьверов? Этим своим отречением Царь-Мученик надеялся избежать гражданской войны. Кровь его подданных была для него кровью собственного сердца. Он не мог решиться ее пролить ¹...

Подобно тому, как садовод обязан отсекал сухие ветви и вырывать сорные травы, — так и монарх обязан отсекал преступные головы, помня, что иначе — щадя кровь ста негодяев, он губит миллионы честных людей. Никогда еще венценосец не спасал своей страны принесением себя в жертву.

Подобно всякой революции, русская революция представляет одно нераздельное и неразрывное целое. Попытки искусственного разделения ее на «хорошую» февральскую и «нехорошую» октябрьскую — ребячески несерьезны. Это все равно что толковать о «первой французской революции 1789 года» и «второй — 1792-го», или о «первой мировой войне 1914 года» и «второй мировой войне 1915-го». Октябрь неотделим от февраля в календаре русской революции совершенно так же, как неотделим в календаре природы. Это — два звена одной непрерывной цепи, озноб и язва одной и той же чумы. Если в октябре Ленин отдал приказ «грабь награбленное» — то исключительно потому, что за семь месяцев до того «февральский» министр Керенский заявил: «Я желаю, чтобы Ленин мог говорить столь же свободно в России, как в Швейцарии!»

Дикий опыт «стопроцентной демократии» с марта по ноябрь 1917 года — насаждение в военное время совершенно нового, неиспробованного строя, полное пренебрежение государственностью во имя каких-то книжных принципов, оказавшихся никуда не годными — этот безумный опыт вошел в историю под названием «керенщины», по имени своего самого характерного — и в то же время самого бесхарактерного деятеля.

¹ Это благородное заблуждение свойственно природе венценосцев. Не прикажи Людовик XVI своей швейцарской гвардии прекратить огонь — он мирно бы закончил свой век на троне, а счастливая его страна избежала бы ужасов революции и опустошительных войн Империи. А у нас декабристы бы залили кровью Россию, не выкажи Император Николай Павлович самоотверженной твердости на Сенатской площади. Этого железного духа не хватило тихому подвижнику, правившему Россией в труднейшие годы ее одиннадцативековой истории.

Вина Ленина, зря погубившего тридцать миллионов русских жизней, — огромна. Но еще больше ответственность Керенского, давшего Ленину возможность погубить эти тридцать миллионов жизней. Это — самая страшная ответственность, какую знает История...

Кому мало дано, с того меньше и спросится. Вот почему мы не должны винить выше меры все те миллионы малых сил, что были соблазнены в тот навеки проклятый год. Разнузданные дикие толпы солдат-дезертиров, рабочих-красногвардейцев и крестьян-погромщиков, конечно, виновны перед своей страной, перед памятью отцов и перед своими детьми.

Великая Империя мало что делала для народного образования и решительно ничего не сделала для народного воспитания ¹. Народ не учили любить свою страну. Неудивительно, что он в конце концов любил лишь свою деревню, до которой «немцу все равно не дойти», — да и в деревне лишь свою избу...

Орды дезертиров, митинговавшие против «аннексий и контрибуций», братавшиеся с неприятелем, избивавшие своих офицеров и валившие с фронта домой — делить землю — были те самые солдаты, что менее года назад сокрушали австро-германские армии в «Брусиловском наступлении», те самые полки, что за каких-нибудь полгода до того, сняв затворы с винтовок, без выстрела кинулись черной ночью и в двадцатиградусный мороз на грозные германские позиции у Бабита... И если бы какие-то люди где-то далеко в Петрограде не устроили «великой бескровной» — то эти братальщики и дезертиры пошли бы в кампанию 1917 года, как и в предыдущие, героями на вражескую проволоку. И так же самоотверженно поднимались бы под пулеметным огнем во весь рост, чтобы прикрыть своих офицеров, как то они делали минувшим летом и осенью в ковельских боях...

Петроградские рабочие-красногвардейцы не родились большевиками, но ими сделались. Они искали социальной справедливости, которой не находили. «Классовое самосознание» выковывалось долгими десятилетиями и в обстановке, как нельзя более благоприятствовавшей обострению социальной розни. И все-таки значительная, подавляющая численно, часть русского рабочего класса не приняла марксистского интернационала. Вспомним только Ижевцев, вписавших в историю нашей Гражданской войны самую удивительную главу.

¹ Ни священник приходской школы, ни учитель министерской не объясняли детям великого прошлого их страны, не учили знать ее и любить. Из тысячи новобранцев девятьсот не знали цветов русского знамени. А как зовут Царя, они узнавали, лишь присягая ему. От своих офицеров и унтер-офицеров — единственных воспитателей стапятидесятиmillionного Русского Народа — они получали то, что давало им силы умирать героями за эту мало им известную Родину.

Война, как мы видели, сильно развратила русскую деревню. Более чем стомиллионная масса русского крестьянства переживала тот же период оскудения духа, как и все остальные слои русского народа...

Со всем этим, и солдат, и рабочий, и крестьянин виновны перед своей родиной — Россией. За эту вину они справедливо заплатили раскулачиванием, коллективизацией, пятилетками, стахановщиной и ссылками целых губерний в «концлагеря». Этого не могли предвидеть своим темным умом голосовавшие за «список номер пятый» дезертиры, красногвардейцы и погромщики «великой и бескровной».

Но кроме виновников русская революция знала еще и героев. В Содоме не нашлось и трех праведников. В России Семнадцатого года их были тысячи.

Этими праведниками всероссийского Содома были офицеры Русской Армии и увлеченная ими русская учащаяся молодежь. Только они вышли из огневого испытания неистлелыми, прошли через кровь незапятнанными и через грязь незамаванными.

Петровская Армия отошла в вечность. И с последним ее дыханием забилося сердце Добровольческой Армии. Русская Армия продолжала жить.

Заключение

История Русской Армии — это история жизни Русского Государства, история дел Русского Народа, великих в счастье и в несчастье, — история великой армии великой страны.

Лавров и терний за эти два с половиной столетия хватило бы на все остальные армии мира, взятые вместе, — и еще осталось бы на славнейшую из них.

Нет истории более поучительной и нет дел более великих. Наследники русской славы, мы их продолжим на будущие времена — и впишем мечом и гнусной кровью бесчисленных врагов Матери-России новые и новые подвиги в ее скрижали.

Мы должны все время помнить, что мы окружены врагами и завистниками, что друзей у нас, Русских, — нет. Да нам их и не надо при условии стоять друг за друга. Не надо и союзников: лучшие из них предадут нас. «У России только два союзника: ее Армия и Флот», — сказал Царь-Миротворец.

Мы располагаем бесчисленными духовными сокровищами. Они лежат еще втуне, но дадут, при умении взяться за дело, небывалые плоды — как в мирном строительстве, так и на полях сражений.

Побольше веры в гений нашей Родины, надежды на свои силы, любви к своим русским. Мы достаточно дорого заплатили за то, чтобы на вечные времена исцелиться от какого бы то ни было «фильства» и знать лишь одно русофильство.

Довольно с нас «мировых проблем» и дорого стоящего мессианства! Не будем мечтать о счастье человечества — устроим лучше счастье нашей собственной страны. Довольно и «священных союзов» на русской крови и «мировых революций» на русские деньги и русские страдания.

Научимся смотреть на вещи ясно и просто, раз навсегда отрешившись от мистики, засоряющей и затуманивающей государственное сознание.

Русский народ — отнюдь не богоносец, как то думали люди, великие сердцем, но не умевшие мыслить государственно. Он также не преступник, как полагают люди недалекие и озлобленные. Богоносцами могут быть не народы, а только отдельные люди, причисляемые за это к лику святых. У нас богоносцев больше чем где-либо. Народ — это не только сто миллионов людей, живущих в данное время. Это также — миллиард их праотцев, оставивших наследием великую страну. И это также — миллиард их потомков, что еще не родились, но приумножат это наследие в грядущие века. Народ, как и часть Народа — Армия, как и часть армии — полк, — это не только те, кто есть, но и те, кто был и те, кто будет. Поколению духовно нестойкому наследуют поколения более сильные. В 1612 году добрые люди взяли верх над ворами, в 1917 году воры одолели добрых людей — одолели в силу известных причин и обстоятельств, которые можно было бы изменить людям, духовно более сильным.

Наш народ землепашцев в то же время и народ-воин. Никакой иной народ так не сумел соединить плуг с мечом, труд земледельца — обязательным для всех воинским долгом. В какой стране и в какую эпоху мы найдем явление, подобное Казачеству?

Военный гений русского народа велик и могуч — тому свидетели все покоренные столицы Европы и те шедшие на Русь завоеватели, что стали верноподданными Белого Царя.

У Русского Народа есть свои достоинства, есть и свои недостатки. Развивая достоинства, мы должны по мере сил сводить на нет недостатки — то есть в первую очередь стремиться к удалению причин, способствующих этим недостаткам. Труд огромный, но благодарный — труд, за который надо только суметь как следует взяться, а взявшись — вложить в него все сердце и всю душу без остатка.

И за этот беспримерный труд возьмутся и доведут его до завершения те поколения воссоздателей Родины — Русских офицеров, — для которых в тяжелые годы и писались эти строки.

Нам придется преодолеть великие трудности — но это для того, чтобы совершать затем великие дела!

А когда эти трудности покажутся непреодолимыми, рвы Измаила —глубокими, Чертовы Мосты, непроходимыми, когда вот-вот опустятся руки и упадут сердца — тогда оглянемся назад и спросим совета у Петра, Румянцова, Суворова. И они дадут совет — тот самый, какой надо. И вновь содрогнется вселенная от дел русского оружия.

Но горе нам и горе вам, что придете, если вместо русских великанов станете спрашивать совета у чужих нихтбештимзагеров, если вместо Суворова будете опять искать откровения у Мольтке. Поражения вновь тогда станут нашим бесславным уделом. Третья Плевна сменится Мукденом, Мукден — Мазурскими озерами.

Суворов учил: «Мы — Русские. С нами Бог». Его не поняли, стали по-дикарски перенимать чужеземные «доктрины» и «методы», рассчитанные на сердца чужих армий. Мы перестали быть Русскими... Бог перестал быть с нами.

Со времен Тридцатилетней войны первой армией в мире была созданная Густавом Адольфом Шведская армия. Она сокрушала цесарские рати и польские ополчения. Но наступил день — день Полтавы, — когда ее знамена склонились перед другой армией — юной армией Петра I, одетой по-иноземному, но мыслившей по-русски и дравшейся по-русски.

Прошли годы. Европа стала считать своей «лучшей армией» автомат Фридриха II. Победы этой армии-машины над армиями Франции и Австрии создали ей репутацию непобедимой. И вот, это непобедимое дотоле войско встретилось на полях Бранденбурга с другим войском. Встретилось — и перестало существовать... Та, сокрушившая пруссаков Фридриха сила, была Русской Армией дочери Петра — армией Румянцова и Салтыкова, думавшей по-русски и по-русски дравшейся.

Сменилось еще одно поколение — и мир потрясли победы армии французской Республики. В ста сражениях разгромили Европу синие ее полубригады, но на полях Италии сами были сокрушены чудо-богатырями Суворова — самым русским войском, которое когда-либо имела Россия.

Стоило только когда-либо какой-нибудь европейской армии претендовать на звание «первой в мире», как всякий раз на своем победном пути встречала неунывающие русские полки — и становилась «второй в мире».

Вот основной вывод нашей военной истории. Так было и так будет.

К о н е ц.

1933 г.

... Для того, чтобы понять Россию, нужно прежде всего иметь правильное понимание ее истории, правильную историческую концепцию, то, что называется истинной философией истории. Все это мы и находим в книгах Керсновского; в них впервые раскрывается жизнь русской армии перед широкими кругами русского общества, для которого армия и ее герои должны быть такими же родными и близкими, как и Церковь и наши отечественные святые.

Рклицкий Н. «История Русской Армии» // Царский вестник. Белград. 1934. № 405.

Керсновский А.А. История русской армии. Издание «Царского вестника» Ч. I–IV. — Белград, 1933–1938.

Приложение

РАЗЛОЖЕНИЕ АРМИИ В 1917 ГОДУ

(Выдержки из документов)

Совещание в Ставке 18 марта 1917 года

Секретно.

Состояние армии.

Армия переживает болезнь. Наладить отношения между офицерами и солдатами удастся, вероятно, лишь через 2–3 месяца.

Пока же намечается упадок духа среди офицерского состава, брожение в войсках, значительное дезертирство.

Боеспособность армии понижена, и рассчитывать на то, что в данное время армия пойдет вперед, очень трудно. Таким образом:

1) Приводить ныне в исполнение намеченные весной активные операции **н е д о п у с т и м о**.

2) Не рассчитывая на Балтийский флот, надо организовать оборону Финляндии и подступов к Петрограду, что потребует усиления Северного фронта.

3) На всех фронтах до восстановления порядка в тылу и образования необходимых запасов необходимо перейти к обороне.

4) Необходимо принять самые энергичные меры для уменьшения едоков на фронтах.

Для этого необходимо убрать с фронтов всех инородцев и военнопленных и решительно сократить число людей и лошадей во всех тыловых учреждениях.

5) Надо, чтобы правительство все это совершенно, определенно и ясно сообщило нашим союзникам, указав на то, что мы теперь не можем выполнить обязательства, принятые на конференциях в Шантильи и Петрограде.

6) Необходимо немедленно прекратить отправку союзникам пшеницы, которая нужна нам самим.

Генерал-лейтенант Лукомский.

Мнения начальствующих лиц о настроении войск в армиях Западного фронта

Мнения большинства начальствующих лиц сходятся на том, что дисциплина в войсках упала; доверие между офицерами и солдатами подорвано; нравственная упругость и боеспособность войск значительно понизились. В настоящее время войска пригодны только

к обороне, наступление будет возможно лишь через 1–2 месяца после того, как возбуждение, вызванное переворотом, уляжется, однако на успех наступления можно рассчитывать при непременно условии самой тщательной подготовки.

Почти все начальники указывают на то, что масса всякого рода литературы, хлынувшей в армию, и в частности «Известия», возвания и приказы Советов Рабочих и Солдатских Депутатов приносят громадный вред, так как отвлекают части от боевого дела и расшатывают их потому, что масса солдат во многом плохо разбирается, многое принимает на веру и усваивает из прочитанного лишь то, что ей в данный момент нравится. Организующиеся офицерско-солдатские комитеты вносят заметное успокоение...

Генерального штаба подполковник Новиков 17–25.III.1917 г.

Письмо начальника штаба десятой армии командирам корпусов

«В единении — сила».

Милостивый государь!

Только что происшедший политический переворот, устранивший старую власть и создавший новую в лице Временного Правительства, ряд приказов нового правительства по армии, поколебавших прежние основы организации и дисциплины армии, ряд выступлений в печати Совета Рабочих и Солдатских Депутатов — все это не могло не отразиться на армии, ее боеспособности и основе армии, ее дисциплине.

Страна и армия в опасности. Необходимо принять меры, которые на новых основаниях сохранили бы боевую мощь армии и поддержали основу ее — дисциплину. Для этого необходимо прежде всего приблизить на товарищеских основаниях офицерский состав к солдатам, дабы последние видели в своих офицерах старших товарищей и руководителей, которые разъяснили бы им возникающие у них вопросы в связи с происходящими событиями и внушали им необходимость дисциплины, без которой нет победы над общим врагом.

Для того, чтобы организовать солдатскую среду и достичь полного согласия в понимании офицеров и солдат, главнокомандующий приказал образовать совместные комитеты из солдат и офицеров на свободных выборных началах.

Чем скорее армия и тыл покроются сетью таких объединительных солдатско-офицерских организаций; ротных, эскадронных, сотенных, батальонных, полковых, батарейных, дивизионных, корпусных и армейских, тем прочнее укрепится боевая мощь армии...

Основными положениями деятельности подобных организаций должны быть: 1) признание единой власти в руках Временного Правительства до созыва учредительного собрания, 2) доведение войны до победного конца, 3) сохранение дисциплины и боеспособности армии и 4) тесная внутренняя связь между офицером и солдатом.

Уважающий вас покорный слуга В.Минут.

17.Ш.1917 г.

Письмо вр. и.д. главнокомандующего ген.Алексеева военному министру Гучкову

Секретно, в собственные руки.

Милостивый государь Александр Иванович!

...Большая часть дивизий и старых, и новых — встречает наиболее важный весенний период в некомплекте и с расстроенными обозами. Не приходится говорить о том, что все новые формирования пехотных частей без артиллерии ведут к тому, что количество орудий, приходящихся на 1000 бойцов, у нас постепенно понижается, тогда как у нашего противника оно возрастает. Количество пулеметов, особенно в новых дивизиях, едва ли удастся довести до 8 на полк, и то без соответствующего обоза, а теперь, по-видимому, мы не будем получать и установленного числа винтовок, вследствие чего часть людей, особенно на Румынском фронте, останется невооруженной, не говоря о том, что в запасе на случай неизбежных утрат в боях у нас совершенно не будет винтовок, и мы возвратимся, быть может, к безвыходному тяжелому положению 1915 года.

Моральное состояние армии недостаточно определилось, вследствие всего пережитого и неувоенного еще умами офицеров и солдат, равно вследствие проникающей в ряды пропаганды идей, нарушающих установившийся веками военный порядок. Бог даст, армия переживет острый кризис более или менее благополучно, но нужно предусматривать возможность и понижения боеспособности армии, хотя бы и временной. Это в общем ходе событий явится наиболее опасным моментом для России. Хорошо осведомленный противник, конечно, учтя это обстоятельство, и постарается использовать наш период слабости для нанесения решительного удара. Неизвестно, кого обвинит тогда в поражении общее мнение армии.

Что касается до «намечаемых мною, совместно с союзными нам армиями, оперативных планов», то об этом в данную минуту говорить уже поздно, ибо решения были приняты на конференции в Шантильи 15 и 16 ноября 1916 года и на конференции в Петрограде в феврале 1917 года. Мы приняли на этих конференциях известные обязательства, и теперь

дело сводится к тому, чтобы с меньшей потерей нашего достоинства перед союзниками или отсрочить принятые обязательства или совсем уклониться от исполнения их...

Какие-то мероприятия нужны безотлагательно. Если запасные части развалились нравственно, то придется отобрать из них пока лучшие элементы и отправить в армию для образования при полках особых батальонов. Хотя общее настроение армии еще неопределенно, но близость к противнику, большее число офицеров создают более благоприятную атмосферу для нравственной и боевой подготовки укомплектований, чем в запасных полках внутренних округов.

Затем нужно энергичными мерами вернуть на службу многочисленный контингент людей, самовольно оставивших свои запасные полки и ушедших на родину или обратившихся в городах к «мирным» занятиям. Особенно необходимо отыскать растерянных новобранцев последнего призыва, так как это лучший боевой элемент, который еще можно спасти от развала и подготовить из него прочные укомплектования, передав его частью на фронты. Словом, необходимо обеспечить армию хотя бы несколькимистами тысяч пополнений, иначе мы разрушим наши кадры.

Особо острая нужда в обеспечении армии продовольствием. В дни нравственных потрясений вопрос питания приобретает особое значение. Хорошо накормленный солдат в этом видит заботу о нем свыше и более склонен слушать голос благоразумия, призывающий его к порядку, повиновению, к сохранению нравственной силы своей роты и полка. В настоящее время мы не выходим по части продовольствия из кризиса и живем изо дня в день.

Прошу принять уверение в совершенном уважении и преданности.

Ник. Алексеев.

12.III.1917 г.

Письмо командующего 5-ой армией ген. Рузскому, главнокомандующему армиями
Северного фронта

В. секретно, в собственные руки.

Милостивый государь Николай Владимирович!

Общее настроение в армии с каждым днем делается напряженнее. Некоторое успокоение, которое замечалось в первые дни после созыва общего собрания депутатов от всех частей, управлений и учреждений армии, в последние дни сменилось проявлением крайне опасного свойства.

Аресты офицеров и начальников не прекращаются... Были случаи отказа идти на позицию на том основании, что и в прошлом году полк стоял пасхальную ночь на позиции, и поэтому постановка его в окопы перед пасхой несправедлива в проч. ...

Боевое настроение упало. Не только у солдат нет никакого желания наступать, но даже простое упорство в обороне и то понизилось до степени, угрожающей исходу войны.

В массе войсковой все определеннее проводится неизвестными агитаторами требование о выборных начальниках, и уже появились прокламации об избиении офицеров. Бывшие случаи ареста солдатами генералов и офицеров, которые все кончались тем, что неугодные начальники были убраны, а солдаты никаких наказаний не понесли, в сущности, почти привели нас к тому положению, когда солдаты могут устранить кого угодно одною угрозою насилия над личностью начальника. Начальники же фактически лишены какой-либо возможности найти какую-либо опору в законе, и, по-видимому, не скоро наступит еще время, когда военные суды вновь займут то положение, которое ими совершенно утрачено.

Все происходящее, конечно, мы все предвидели. Нельзя перед лицом противника вносить в армию такой разлад, какой внесли все распоряжения Совета Рабочих и Солдатских Депутатов и то особое положение, в какое был поставлен Петроградский гарнизон. Кроме того, политика, широко охватившая все слои армии, невольно отвлекла все внимание от фронта к тому, что происходит в Петрограде, и заставила всю войсковую массу желать одного — прекращения войны и возвращения домой.

Все начальники до последнего ясно отдают себе отчет, до какой степени губительно такое настроение, изо всех сил работают на поддержание боевой готовности, всеми мерами стараются влить в солдат свою решимость довести войну до достойного конца, но все их усилия до сего времени к реальным положительным результатам не привели. Настроение падает неудержимо до такой степени, что простая смена одной части другою на позиции составляет уже рискованную операцию, ибо никто не уверен, что заступающая часть в последнюю минуту не откажется становиться на позицию, как то было 28 марта с Рязским полком (который после уговоров на позицию стал)...

В заключение доношу, что отказ от предполагаемой перегруппировки является, безусловно, необходимым с точки зрения нравственного состояния начальников, которое событиями последнего времени было подвергнуто тягчайшим испытаниям, и вряд ли у них хватит сил справиться с новыми вспышками неповиновения, которыми грозит эта перегруппировка.

Прошу принять уверение в искреннем уважении и глубокой преданности.

А. Драгомиров.

29.Ш.1917 г.

Телеграмма генерала Лечицкого военному министру и пом. воен. мин. ген. Новицкому
Оперативная к № 01174.

Начальник 14 стрелковой дивизии доносит 14 апреля: для устройства наступательного плацдарма были назначены 4 роты 14-го полка. Собравшись на работы и узнав, какую работу они будут вести, стрелки отказались приступить к работе, объясняя свой отказ тем, что окопы выносятся вперед для наступления и что наступать они не могут, а будут лишь обороняться. 15-го апреля председатель полкового комитета объяснил выборным от рот всю неправильность поступка рот 14-го полка; выборные отказ рот приступить к работам (признали) неправильным и вынесли им порицание; несмотря на это, другие две роты, назначенные на эти же работы 15-го апреля, вновь отказались от работ и только после долгих убеждений выборных приступить к работе согласилась одна лишь рота; при вторичном собрании выборных выяснилось, что стрелки не верят не только своим офицерам, но и выборным, которые сообщили следующие пожелания солдат: 1) наступление, по мнению солдат, на данном участке невозможно, так как широких планов достигнуть нельзя, будут лишь потери, 2) вообще наступать они не в состоянии, а будут лишь обороняться; считают бесцельным вести наступательную войну в Румынии, в России наступать согласны...

Донесение дежурного генерала при в. главнокомандующем
начальнику генеральн. штаба

Секретно.

Начальнику генерального штаба

По приказанию начальника штаба верховного главнокомандующего сообщаю для доклада военному министру полученную верховным главнокомандующим телеграмму генерала Сахарова: «Докладываю дословно нижеследующую полученную мною телеграмму: Сегодня около 11 часов комкор 26 генерал Миллер вышел к прибывшим ротам пополнения и потребовал снятия красных бантов, как не установленных формой одежды. Это вызвало неудовольствие, перешедшее в бунт, и вслед за сим толпа арестовала генерала Миллера и отвела на гауптвахту. Приказал немедленно его освободить, во временное командование корпусом вступить начдиву 78, которому назначить сейчас же следствие, а генералу Миллеру прибыть в штаб армии для личного доклада. 01078 Келчевский». Донося об этом новом факте падения дисциплины в нашем воинстве, ходатайствую о безотлагательном принятии мер со стороны правительства, так как у развенчанной власти командного состава

армии нет сил справиться с солдатскою вооруженною толпой, принявшей возвещенную им свободу и мероприятия к возвышению их гражданской личности как право делать, что угодно, игнорировать офицеров, всячески дерзить им, не повиноваться им, оскорблять их и даже арестовывать их и смещать с должностей. Докладываю, что непринятие мер претив этого и продолжение оногo обязательно приведет очень скоро к полному разрушению военной силы, которая будет опасна уже не для врага, а для родины. Кроме того докладываю, что румыны взирают на поведение наших солдат и на подобные недопустимые по дисциплине поступки их не только в полной мере отрицательно, но и с опасением в отношении возможности продолжения союзных с нами действий, каковое и ранее разделялось здесь далеко не всеми и против которого проповедь германофилов и евреев за последнее время усилилась в значительной мере.

Генерал-лейтенант Кондзеровский.

9.IV.1917 г.

Выдержки из докладов членов Государственной Думы

Н.О. Янушкевича и Ф.Д. Филоненко

(Заслушаны Временным Комитетом Государственной Думы в заседании 13 марта 1917 г.)

Я н у ш к е в и ч.

Общие выводы такие: настроение не пессимистическое, дисциплина держится, но солдаты чего-то ждут. Они Христом-Богом умоляли приезжать, присылать кого-нибудь, разрешать все недоразумения; не только солдаты, но и офицеры обращались к нам с просьбой посетить отдельные части. Некоторые отдельные группы отказались принимать присягу. Мы спрашиваем: «На каком основании». «Нас заставляет присягать старое начальство, может быть, старому правительству». Мы говорим: «Новому правительству, верьте нам». «А почему заставляют подписываться?» Вопрос о подписке для них важный. «Ведь раньше мы не подписывали?» Мы разъясняли: «Теперь вы граждане, каждый сознательно дает подпись, что он обещает служить». Это их успокаивало, и они начали подписывать. Возникал целый ряд подобных вопросов. В некоторых частях нас просили обратиться к кому-нибудь, чтобы произвели чистку командного состава...

Некоторые солдаты прямо говорили: «У нас такой-то командир, мы его убьем, у нас организовано убийство!» «Что вы ему на это скажете?» Мы говорим: «Успокойтесь, дурака не валяйте, временное правительство этот вопрос так или иначе разрешит, оно принимает

меры, чтобы были такие начальники, которые нужны, вы о самосуде не говорите, теперь должен быть суд правый».

Нам приходилось говорить со многими офицерами, с высшим офицерским составом. Многие из них не ориентируются в положении и нас спрашивают: «Неужели вы не могли спросить армию прежде, чем производить революцию?» Мы говорим: «Так вышло. И вы сами, проснувшись, не узнали бы Петрограда». Они не представляют себе, что так могло быть. Они недовольны, что это сделано как-то без их спроса, наскоро, штатскими людьми, которые не считались с ними. Иногда они ко всему этому и ко всем приказам относятся отрицательно, и от солдат слышишь: «Это враг нового строя!» Один из командиров дивизии позволил себе так высказаться, что я вынес впечатление, что если он и не враг нового правительства, то во всяком случае слишком иронически на него смотрит. Хорошо, что разговор оборвался, а то я думал, что придется его арестовать. Между прочим, он сказал: «Все-таки я эту сволочь сек и буду сечь, и если он что-нибудь сделает, то я всыплю ему 50 розог!»...

Если сейчас ничего нет, то если меры не принимать, то весьма возможно, что может что-то произойти. Особенно офицерский состав неясно представляет себе, что произошло. Они не улавливают сути и думают, что у нас разрушена вся армия, что весь дух ее упал и что нет основания, на котором жила вся армия...

От Ф и л о н е н к о.

Всех волновал вопрос, останется ли главнокомандующим Николай Николаевич. Офицеры говорили: «Как можно удалять такого популярного человека. Что скажут войска?» Когда солдаты задавали нам этот вопрос, — газеты не приходили туда три дня, — то мы говорили им, в виде слуха, что вопрос этот решается. Они говорили: «Довольно с нас Романовых. Нам не нужно великого князя, пусть будет кто угодно». Затем поднимался вопрос о продовольствии, но он стоит не очень остро...

Затем относительно настроения, относительно того, будто надо кончать войну, что они устали, мы слышали только в одном полку. Это вновь сформированный полк, и пока он еще не войдет в общую колею, у него нет сплоченности и спаянности. Кроме того, в эти вновь сформированные полки дается все худшее из частей полка. Я сам был на фронте и это знаю. Тут попало много солдат, которые говорили: «А что же говорят про землю?» Вообще про землю очень часто говорили. Мы отвечали, что вопрос этот будет решен после учредительного собрания: «И ты голос подашь и я, а сейчас мы этого не можем решать. Но, во всяком случае, земельный вопрос так или иначе, а решен будет», А один солдат говорит: «Что земля, если меня не будет, то мне и земли не надо». Другой говорит: «Вот пускай нам

дают жалованья 9 с полтиной в месяц, а если не дадут, то мы пошабашим». Я говорю: «Таких немного найдется; что, братцы, немного?» — «Немного. — кричат, — это он что говорит». — «Так вот ты один и можешь пошабашить».

Офицерский состав страшно смущен и неясно представляет себе, что случилось и как произошел переворот. Они ставили на вид засилье солдатских депутатов и говорили, что это запасные части, что они и на войне не были и пороху не нюхали, а решают их судьбу. Мы рассказывали историю возникновения этих комитетов. Мы ставили на вид, что известные обстоятельства вынудили известным образом действовать и что все приказы, хороши они или нехороши, но раз они издаются, должны быть исполнены. Офицерский состав к нам относился боязливо, очень корректно, любезно, но холодно и недоверчиво. Нам пришлось беседовать в одной школе прапорщиков: там было человек 250. Выставили они старшего офицера, полковника, который привел ряд вопросов. Очень долго мы там были, часа три, рассказывали они не представляют себе что им все, но, в сущности, плохого было раньше, так что мы должны были разъяснить им, что было плохого при старом правительстве и при старом строе... Они обращались к нам с вопросом: как быть? И мы говорили, что нужно перестроить систему отношений. Теперь нет возврата к старому. Хорошо или дурно, но с этим надо примириться. Мы знаем, что ваше положение тяжелое, но если вы поработаете с этими солдатами, то будет хорошо. Насколько они приучены к новому строю, видно из того, что когда мы были у одного командира корпуса, то он устроил опять-таки собеседование для конвоя и для тех частей тыла, которые были у него, и они его попросили оставить одних, чтобы офицеры ушли. Офицеры и командир ушли, и казаки заявляют: «Вот, вы говорите, приказ. Он получен вчера, а сегодня мне комендант морду набил». Рукоприкладство в армии должно быть изъято, но оно настолько вкоренилось, что многие не могут от него отстать. Когда солдаты спрашивали нас, можно ли бить, то мы при офицерах говорили: «Нет, нельзя», и ничего другого, конечно, говорить не могли.

У нас вообще впечатление отрадное, и если бы офицеры сумели перестроить свои отношения на новых началах, а это необходимо, то дело было бы сделано. Теперь самый острый вопрос, по нашему мнению, как свою задачу исполнит офицерство...

Выдержка из телеграфного донесения Ставки комиссару Савинкову

Оганквар. Сводка. Положение дел к 24 часам 26 августа 1917 г. Ход событий на фронтах. На Северном, в 12 армии соприкосновение с противником установлено: на всем фронте идет бой между передовыми частями противника и нашим сторожевым охранением; в большинстве случаев наши части сохранили свое расположение; самолеты противника

усиленно ведут разведку нашего расположения, особенно в районе Псковского шоссе; по данным 26 августа зарегистрировано задержанных дезертиров: в гор. Вендене 12 500 солдат, в районе гор. Вендена 3 500 солдат и в гор. Валке 3 000 солдат; имеются сведения о большом количестве дезертиров в Пернове и Пскове.

Приказ № 561 армиям Юго-Западного фронта

22 мая 1917 года

Инициативная группа солдат и офицеров вверенных мне армий, к которой всецело присоединилась делегация Черного моря, 13-го сего мая обратилась к военному министру и ко мне со следующим заявлением: «Для поднятия революционного наступательного духа армии является необходимым формирование особых ударных революционных батальонов, набранных из волонтеров в центре России, чтобы этим вселить в армию веру, что весь русский народ идет за нею во имя скорого мира и братства народов с тем, чтобы при наступлении революционные батальоны, поставленные на важнейших боевых участках, своим порывом могли бы увлечь за собой колеблющихся».

Вполне сочувствуя этой идее, я и спросил у военного министра Керенского согласие на формирование революционных батальонов.

Утверждаю при штабе фронта «Исполнительный Комитет по формированию революционных батальонов тыла»...

В о з з в а н и е

Для усиления боевой мощи и поднятия революционно-наступательного порыва армии во имя защиты свободы, закрепления завоеваний революции, от чего зависит свобода демократии не только в России, но всего мира, приступлено к формированию добровольческой революционной армии, батальоны которой вместе с доблестными нашими полками ринутся на германские баррикады во имя скорого мира без аннексий, контрибуций, на началах самоопределения народов.

Г р а ж д а н е! Настал час спасти отечество. Наша армия желает быть сильной. Она нуждается в вере, что весь русский свободный народ идет вместе с нею бороться за скорый мир всего мира.

В п е р е д!

На германские баррикады — там мир и наша свобода! Все, кому дороги судьбы родины, кому дороги великие идеалы братства народов, рабочие, солдаты, женщины,

юнкера, студенты, офицеры, чиновники, идите к нам под красные знамена добровольческих батальонов.

Записывайтесь в организационное бюро Всероссийского Центрального Комитета по созданию добровольческой армии. Мойка, 20, от 10 до 12 дня и от 4 до 7.

Всероссийский центральный
комитет по организации
добровольческой революционной армии.
(Исполнительный комитет по формированию
революционных батальонов из волонтеров тыла).

Присяга революционеров-волонтеров

Перед сим красно-черным знаменем, символом революции и борьбы за свободу, даю честное слово революционера-гражданина, что добровольно, бескорыстно, исключительно побуждаемый любовью к свободе России, с целью защиты ее чести, свободы, равенства и братства и возвращения утраченных нами земель, вступаю в ряды ударных революционных батальонов и принимаю на себя обязанности революционного солдата.

Обещаю :

- 1) Исполнять безропотно и без протеста на службе и в бою все приказания поставленных надо мною начальников.
- 2) Защищать каждого товарища, если ему угрожает малейшая опасность или он попросит помощи.
- 3) Наступать впереди всех, обгоняя передних.
- 4) Обороняться до получения ран, которые только одни могут заставить меня покинуть товарищей по оружию в бою или в походе.
- 5) Не сдаваться в плен врагу живым.
- 6) Не пить ничего спиртного.
- 7) Хранить вверенные мне тайны и не иметь никаких братаний с врагом.
- 8) Быть терпимым к политическим убеждениям товарищей по оружию.
- 9) Никогда не падать духом — верить, что моя смерть за родину и за свободу России есть счастье и оправдание моей присяги.

Письмо женщины-добровольца военному министру.

Милостивый государь, господин военный министр!

Обращаюсь к вам покорнейше с ходатайством о разрешении мне лично переговорить с вами о формировании мною (если вы разрешите) женского батальона «Черных гусар смерти», за что искренно буду вам верна до самого гроба...

Надеюсь на скорый ваш утвердительный ответ, остаюсь глубоко преданная вам доброволец-женщина

Валентина Петрова.

Телеграмма. Москва. Большой театр, председателю совета министров, великому гражданину Александру Федоровичу Керенскому

Веря, что только вы спасете Россию, народ и армия пойдет за вами всюду. Россия любит вас и поныне видит в вас великого своего вождя — единого спасителя гибнущей родины. Мы защитим вас от всех врагов с оружием в руках. Тяжело служить здесь в тылу среди врагов ваших и народа. Умоляю вас, во имя спасения России, во имя великого, вовеки бессмертного имени вашего, повелите разрешить мне организовать партизанский отряд и отправиться с ним в Полесье для вооруженной борьбы с германцами и организации восстания в захваченных ими областях Литвы и Полесья. Верьте, что мы найдем пути наносить врагу тяжкие удары.

Бывший вождь сербско-македонских чет Андрей Войнич Сяножецкий.

Телеграмма начальника штаба петроградского округа
начальнику штаба верх. главнокомандующего

Участником настоящей войны георгиевским кавалером Бочкаревой с разрешения военминистра сформирован женский отряд числом 200 человек. По условиям времени главнокомандующий ходатайствовал о безотлагательном направлении отряда, притом в наиболее опасный район армии, и просит указаний, какой пункт и чье распоряжение отправить.

Начштаб петроградского Балабин.

Р е з о л ю ц и я: Надо на Зап. фронт в пункт по указанию главкозапа, которому телеграфировать. 15/VI.

14.VI.1917 г.

Из доклада Главного управления генерального штаба о формировании войсковых частей из женщин-добровольцев

В настоящее время в Главное управление генерального штаба прибывают женские делегации от многих городов России (Петрограда, Москвы и Симбирска) с предложением своих услуг по формированию войсковых частей из женщин-добровольцев, причем большинство этих делегаций ставит основным условием создания женских войсковых частей возможно быстрое отправление их в действующую армию для непосредственных боевых действий. Такие же ходатайства поступают и в письменной форме, как от отдельных лиц, так и от всевозможных организаций.

Означенный вопрос был в полном объеме доложен военному министру, который приказал теперь же приступить к созданию войсковых частей из женщин-добровольцев, сосредоточив всю общеорганизационную часть в главном управлении генерального штаба и возложив исполнительную работу на штабы соответствующих военных округов.

Принимая во внимание, что в качестве добровольцев записываются женщины всевозможных общественных положений и весьма разнообразного возраста и состояния здоровья, решено использование женщин-добровольцев вести в смысле: а) формирования частей чисто боевого назначения, б) создания команд вспомогательного назначения и в) использования женщин-добровольцев на укомплектование тыловых организаций небоевого назначения.

В соответствии с сим, в первую очередь намечено сформировать:

1) Два отдельных пехотных батальона из женщин-добровольцев, по одному такому батальону в Москве и в Петрограде и 2) четыре отдельных команды. Эти команды предназначаются для обслуживания в бою и вне боя штабов дивизий и корпусов.

Что же касается использования женщин-добровольцев, коим состояние здоровья не позволяет служить в частях боевого и вспомогательного назначения, то этих женщин предположено назначать на укомплектование всевозможных санитарных организаций, что будет осуществляться распоряжением окружных штабов, в ведении коих состоят такие организации...

18.VI.1917 г.

Обращение солдатской секции Полтавского С.Р. и С. Депутатов к военному министру

Военному министру Верховскому.

Солдатская секция Полтавского Совета Рабочих и Солдатских Депутатов в совместном заседании с представителями командных, дружинных, полковых и ротных комитетов,

выслушав доклад тов. Аусем и признавая вредность существования женских батальонов, принимая во внимание, что образование женских батальонов является результатом деятельности лиги офицеров, контрреволюционность которых уже вполне обрисовалась и даже признана Временным Правительством, постановила: «Предложить Командующему войсками Киевского Военного Округа немедленно распустить стоящую в городе Полтаве «Первую Команду разведчиков-добровольцев женщин», организованную поручиком Иловайским, принять имеющееся оружие и снаряжение и передать последнее в части, из которых они взяты.

Тов. председателя (подпись). Секретарь Л.Попов.

11.IX.1917 г.

Резолюция Исполнит. Комитета Псковского Совета С. и Р.
Депутатов о формировании ударных батальонов

Исполнительный Комитет Псковского Совета Солдатских и Рабочих Депутатов, обсудив совместно с исполнительными бюро военной и рабочей секции Совета устав и разъяснения комиссара инициативной группы Черноморского флота по образованию революционных батальонов и принимая во внимание: что инициаторы за разрешением и содействием в первую голову обратились к высшему командному составу армии, не получив предварительной санкции на организацию ни от Петроградского Совета, ни от происходящего теперь Съезда Советов; что как самый способ вербовки добровольцев, так и предусматриваемая для них уставом лучшая материальная обеспеченность сравнительно с другими их товарищами по армии ставит батальоны в особое привилегированное положение; что устав имеет в виду внутреннюю организацию батальонов, расходящуюся с декларацией прав солдата-гражданина; что и политическим и стратегическим целям образования батальонов, неопределенно сформулированным в уставе, легко может быть придано истолкование, не соответствующее стремлениям революционной демократии; что изолированность положения и особенности задач батальонов не исключают также опасности их действий, не совпадающих с господствующим в армии течением; что созданием предполагаемых ударных отрядов по тем же причинам не будет достигнута даже основная задача замысла — усиление боеспособности армии; что лозунг батальонов — «наступление с целью отнятия у неприятеля захваченных им у нас земель», заранее отрезая пути к мирному уложению военного конфликта, не может явиться основанием для ликвидации вопроса о войне в духе революционной демократии и ее органов — Советов вообще и Петроградского в частности; что наконец наступление при настоящих условиях грозило бы вконец

дезорганизовать армию, а с другой стороны, дать оружие в руки контрреволюции, как внешней, так и внутренней, — решительным образом высказывается против предполагаемого формирования особых революционных батальонов, способное лишь внести рознь и дезорганизацию в среду единой революционной армии и тем ослабить ее боеспособность.

Секретарь З. Шаринский.

11.VI.1917 г.

Телеграмма команд. Черноморским Флотом морскому министру и нач. штаба верх.
главнокомандующего

Секретно. Срочно.

Анархическое движение развивается, происходят митинги, приводящие свои постановления в исполнение без санкции Центрального комитета. Арестованы помощник командира и два офицера экипажа и командир полуэкипажа. На некоторых судах отбирают оружие у офицеров.

Колчак.

6.VI.1917 г.

Телеграфное донесение генерала Маркова начальнику штаба верх.
главнокомандующего

Секретно.

По приказанию Главкозапа докладываю, что мной получена нижеследующая телеграмма от наштарма 10: «Молодечно 11-го июня 1917 года 19 ч. 10 м. Доношу копию донесения полученного комкором 1 Сибирского от комполка 61 Сиб.: “Мне и офицерам остается только спасаться, так как приехал из Петрограда солдат 5 роты ленинец. В 16 часов будет митинг. Уже решено меня, Морозко и Егорова повесить. Офицеров разделить и разделаться. Я еду в Лощены. Без решительных мер ничего не будет. Много лучших солдат и офицеров уже бежало. Полковник Травников”».

Марков.

21 час 11.VI.1917 г.

Телеграмма комиссара 2-й армии верховн. главнокомандующему.
начальнику штаба верховного главнок. и военному министру

Доношу, что мною сегодня получен протокол собрания членов отделения союза офицеров армии и флота при 8 гренадерском московском полку, где помещена нижеследующая резолюция: «Общее собрание членов отделения союза офицеров армии и флота при 8 гренадерском московском полку, узнав о преступной работе главного комитета этого союза, который, прикрываясь именем многочисленного строевого офицерства, вошедшего в союз как в профессиональную, беспартийную организацию, конспиративным путем принял самое деятельное участие в подготовке заговора генерала Корнилова и в частности путем воззвания, соединенного с требованием привлечь офицеров фронта на сторону генерала Корнилова, выражая свое глубокое негодование главному комитету и его провокационной попытке вовлечь нас в гибельную для родины и завоеванной свободы борьбу “с правительством спасения революции”... В интересах справедливости требуем предать суду членов главного комитета, как провокаторов, пытавшихся за нашей спиной и от нашего имени вести преступную работу». Отделение союза ликвидируется, аналогичного содержания резолюции получены от 19 плевненского полка и 75 артиллерийской бригады.

Комиссар два Гродский.

4.X.1917 г.

Телеграмма комиссара 2-й армии военному министру и комиссару Западного фронта

19-го сего сентября, около 18 часов в 29 Сиб. полку собралась группа солдат, около 400 человек, и, вызвав к себе временно командующего полком подполковника Ржевского, обвинила его в сочувствии Корнилову, капиталистам; обвинение базировалось на двух пунктах программы занятий в полку, выработанной подполковником Ржевским: «за что полагается смертная казнь и в каких случаях и кому часовые отдают честь, делая на караул и становясь смирно». Группа солдат разошлась около 21 часу, вынеся постановление потребовать от полкового комитета ходатайства разжаловать подполковника Ржевского в рядовые и постановки его в строй. Во избежание недоразумений, согласно ходатайства подполковника Ржевского, он возвращен начдивом к исполнению прямых обязанностей.

И. д. комиссара С. Моисеенко.

20.IX.1917 г.

Телеграмма комиссара 42-го армейск. корпуса комиссару
Северного фронта

Работа следственной комиссии по делу убийства Выборге офицеров значительно подвинулась вперед... Всего убито 11 офицеров и случайно один солдат, по-видимому, рикошетом. Все убийства можно разделить две группы: Орановский, Васильев, Степанов и Керениус убиты на гауптвахте разъяренной толпой мотивам политического характера, как корниловцы. Другие офицеры были убиты отдельными кучками солдат из личной мести. Совершенно особняком стоит убийство полковника Максимовича, здесь участвовало один или три человека, один из коих установлен, убийство совершено целью грабежа. Выяснить виновных всех убийств возможно, но это дело затрудняется отрицательным отношением гарнизона к выяснению и выдаче виновников...

Комиссаркор 42 Соколов.

10.IX.1917 г.

Телеграмма комиссара 2-й армии начальнику политического управления воен.
министра

Сводка о настроении войск 2-й армии за время с первого по восьмое сентября сего года. Настроение возбужденное, подозрительность крайняя, в связи с мятежом усилилось недоверие к командному составу, подвергаются даже сомнению все приказы, подписанные в прошлом Корниловым. Помимо прежних причин недовольства — требование отдыха и отказа от работ по причине их тягости, недовольства переходами в необорудованные прилично землянки появилось новое: немедленное закрытие союза офицеров с его отделениями (7 туркестанская дивизия)... Дружинный комитет отрешил от должности 191 тамбовской дружины командира дружины полковника Домославского, ротных командиров — капитана Тюшкова и прапорщика Авдеева и младшего офицера прапорщика Смолянинова за принадлежность к союзу офицеров; меры приняты... Отношение к командному составу ухудшилось в связи с восстанием Корнилова; кроме упомянутого случая отрешения от должностей велась агитация против командного состава во 2 парке 1 гренадерского паркового артиллерийского дивизиона. Общее состояние армии несомненно ухудшилось в связи с усилившимся движением против командного состава.

Комиссар два Гродский.

7.IX.1917 г.

Форма донесений комиссаров частей о состоянии вверенных им частей

- 1) Настроение в войсках (агитация пораженческого и контрреволюционного характера).
- 2) Отношение войск к приказам Вр. Правительства о принятии крайних мер для поддержания порядка.
- 3) Главная причина недовольства в солдатских частях и главные требования.
- 4) Случаи братанья.
- 5) Случаи обсуждения боевых и других приказов.
- 6) Случаи открытого неисполнения приказов.
- 7) Количество дезертиров.
- 8) Эксцессы.
- 9) Случаи предания военно-революционному суду.
- 10) Положение армейских организаций и отношение к ним командного состава.
- 11) Взаимоотношение солдат и командного состава.
- 12) Взаимоотношение командного состава и комиссаров.
- 13) Служба, занятия и работы.
- 14) Характеристика прибывших пополнений.
- 15) Общие выводы и пожелания.

Сводка сведений о настроении частей войск армий Западного фронта с 12 по 15 октября 1917 г.

1) Настроение войск фронта ухудшается в связи с пораженческой агитацией, вливающейся в войска путем печати и проповеди большевизма, распространяются газеты: «Буревестник», «Товарищ», немецкая газета «Русский Вестник». 1) Без перемен. 3) Требование мира, улучшение питания и обмундирования, недовольство дороговизной предметов первой необходимости, арестами большевиков и закрытием «Правды» и «Молота». 4) В третьей армии были попытки в пяти полках. 5) В десятой армии обсуждение боевых приказов приняло характер хронический и массовый. 6) 32 стрелковый полк не вышел на смотр, 41 полк не вышел на позицию, 115 полка пулеметная команда самовольно оставила деревню, 27 Сибирского полка 3 рота отказалась работать, 217 полк не вышел на занятия, 530 полк отказался исполнить боевой приказ, но после уговоров комиссара выполнил, 42 Сибирского полка 5 и 6 роты отказались выполнять боевой приказ, 698, 247 и 41 Сибирский отказались стать на позицию, Мариупольский полк отказывается сменять славяно-сербский полк, занимающий позицию 21 день; есть угрозы открыть фронт. 7) Во второй армии семь человек, в третьей армии девять человек, в десятой армии шестьдесят

восемь человек. 8) 672 полка пулеметная команда арестовала двух офицеров. В том же полку бомбой в окно легко ранен офицер в 313 полку; свидетели по делу, вторично назначенному к слушанию, не явились в военно-революционный суд, команда солдат 218 и 217 полков окружила офицера, оскорбляли его, бросали в него поленьями. 265 полка 8 рота отказалась от работы на позиции, когда другой ротный командир высказал свое подозрение к роте, что ее подстрекал фельдфебель, то из строя раздались по адресу ротного командира брань и крики «вон, долой». В 41 Сибирском полку убит член полкового комитета. 9) Не было. 10) Без перемен. 11) Недоверчивое, переходящее в враждебное.

12) Внимательное и содействие среди высшего командного состава.

13) Продуктивность работ понижается. 14) Пополнение не обучено, недисциплинированно, разлагающе влияет на солдат фронта, есть элементы с провокаторским направлением. Общее положение армии ухудшается и может быть охарактеризовано как близкое к полному развалу; особенно угрожающе положение в 10 армии. Расформирование запасных полков и перевозок их в армию совершенно разрушит фронт.

Жданов.

15.X.1917 г.

Телеграмма помощника комиссара Северного фронта военному министру

Военная вне очереди, прямым проводом, секретная.

1 Настроение по-прежнему тревожное. Идеи большевизма развивают успех, но доминирует просто жажда мира, стремлением к которому заражена психология массы... 2) Временное Правительство авторитетом не пользуется, особенно ввиду неудовлетворения насущных нужд. К приказам его относятся, в лучшем случае, безразлично, но вообще недоверчиво. 3) Массовые требования целых дивизий увода в глубокий тыл на отдых; все тот же и при каких угодно условиях мир, справедливые требования пополнения (в 718 полку всего 700 штыков, а в 76 дивизии 50–60 штыков на роту) и, наконец, обычные требования обмундирования, сапог, хлеба и т.д. 4) Со стороны противника делается все, чтобы возобновить братание, в связи с политическим положением страны, и стремление это находит отклик и у нас в частности, и в 5 армии вновь начинает укрепляться убеждение, что братание необходимо и что оно может ускорить мир... 5 и 6) Ни один приказ не исполняется без обсуждения, что явилось обычным явлением. 11 особый полк по дороге на смену смешался с 12 полком и фактически не существует. Штаб полка, офицеры и кучка солдат заняли окопы. 70 дивизия отказывается сменить 8-ю. В 14 дивизии непрерывные отказы

идти в заставы, и идут лишь офицеры и комитетчики... 7) Дезертировало за неделю: в 1-м корпусе — 39, в 14-м корпусе — 19, в 19-м корпусе — 26, в 27-м корпусе — 42, в 37-м корпусе — 10, в 21-м-корпусе — 130, причем дезертировал ротный комитет 7 роты 738 полка в составе председателя, секретаря, члена ревизионной комиссии и члена полковой георгиевской думы. 8) В 12 полку были побиты два члена президиума полкового комитета за призыв к выступлению на позицию. В связи с расформированием запасных полков взбунтовался 174 запасный полк и убил командира полка. Комиссар двинского округа принимает меры. Солдаты 10-го сибирского полка, узнав о приговоре стрелка их полка за вооруженный грабеж к смертной казни, потребовали выдачи приговоренного, угрожая в противном случае перебить всех офицеров штаба дивизии и весь состав суда. В результате послана депутация главковерху. 10) Авторитет комитетов заметно падает. Повсюду проникают элементы, плывущие за массой. Армейский съезд 5-й армии в массе был большевистский. 11) Недоверчивое, часто враждебное. Пользуются симпатиями подделывающиеся под требования массы, что, к сожалению, все чаще и чаще встречаются. 12) Нормальное. 13) На работу смотрят, как на затягивание войны. Занятия и служба неохотно с вечными уговорами и отказами. 14) Пополнение, как общее правило, необученное, недисциплинированное, действующее своим влиянием разлагающе. Как исключение, украинская рота 282-го полка была целиком из старых солдат, из 150 по списку пришло 105 плохо обученных, но удовлетворительных по настроению. В 132-й Бендерский полк прибыла украинская маршевая рота в составе 176 человек; из них 76 должны быть отправлены в тыл. Общее впечатление удовлетворительное. 15) Сегодня было совещание комиссаров армий Севфронта. Общая характеристика безотрадная. На совещании комиссаров Севфронта намечен ряд мер усиленной борьбы с разложением.

Вырабатывался вопрос национализации корпусов и создания корпусов из ударных частей. Выдвинут вопрос о всероссийском призыве добровольцев в особые добровольческие полки. Выяснилась насущная неотложная необходимость корпусных и даже дивизионных комиссаров, а также привлечение в армию возможно больше работников из центра на помощь в этот острый период. Намечена культурно-просветительная работа комиссаров с армместкомами, которой придается большое значение.

Пом. комиссаров Савицкий.

22.X.1917 г.

Телеграмма комитета по формированию ударных батальонов

В час тяжелых испытаний, когда кучка безответственных элементов своим выступлением грозит довести страну до окончательной гибели и срыва Учредительного Собрания, все комитеты по формированию революционных ударных батальонов добровольческой армии в полном единодушии своими батальонами, как и всегда, всемерно поддерживают Временное Правительство, которое одно может вывести страну из того тяжелого положения, в котором она сейчас находится. 36 революционных ударных батальонов в полной боевой готовности ждут приказа верховного вождя русской революционной армии и Временного Правительства, чтобы двинуться на Петроград и положить конец стремлениям безответственной кучки анархо-большевиков.

Председатель Центрального Исполнительного Комитета при ставке по формированию
ревбатальона Аристов.
Секретарь Рыбас.

28.X.1917 г. Надпись.

Генквару. Надо послать хотя по одному батальону в Петроград и Москву. Г.-л.
Духонин.

Телеграмма-резолюция собрания полкового и ротного комитетов и офиц. состава 1-го ударного полка

Министру-председателю и верх. главнокомандующему.

Соединенное собрание полкового, ротных комитетов и офицерского состава 1-го револ. ударн. полка 27-го октября 1917 года, обсудив выступление большевиков и содержание радиотелеграммы организованного ими военно-революционного комитета, постановило: никогда Россия не находилась в столь тяжком положении, как военном, политическом, так и во внутреннем экономическом, развал, разруха и полнейшая анархия ослабляют силу боевой мощи армии и мешают спокойной работе по созыву Учредительного Собрания и обороне страны; выступление большевиков в это время соединенное собрание считает авантюрой кучки безответственных элементов, волнующих и развращающих темные и несознательные массы и играющих на шкурных и низменных инстинктах толпы; это выступление может быть гибельным для России и не принесет желанного демократического мира, ибо кроме позорного, тяжкого и унижительного сепаратного мира большевизм другого дать не может; анархия в стране в случае удачи выступления большевиков увеличится и доведет Россию к гибели, наконец, в выступлении большевиков соединенное собрание видит умышленный срыв Учредительного Собрания, которое одно является истинным выразителем чаяний,

желаний и требований измученного народа и которое одно может дать прочный демократический мир и закрепление свободы народа, поэтому рев. удар. полк, выражая полнейшее доверие Временному Народному Правительству, считает своим священным долгом открыто заявить стране и верховному главнокомандующему и главе Временного Правительства, вождю российской демократии А.Ф.Керенскому, что полк готов умереть за свободную родину, выступит по первому требованию на защиту Временного Правительства и передает себя в полное его распоряжение для беспощадной борьбы с предателями свободы и нашей горячо любимой родины.

Председатель собрания прапорщик Лариниченко. Секретарь волонтер Гордлевский.

27.X.1917 г.

Надпись. Гкв. Можно иметь в виду для посылки для подавл. большевиков. Г.-л. Духонин.

Радиотелеграмма донского войскового правительства

(Принято в 12 час. 31 мин. 29-го октября 1917 г.)

Ставка. Верховному главнокомандующему. Всем армиям, корпусам и дивизиям.

Донское войсковое правительство приглашает Временное Правительство и членов Совета Республики прибыть в Новочеркасск, где возможна организация борьбы с большевиками и гарантируется личная безопасность и тех и других. Четвертый, кавалерийский корпус, состоящий из терских и кубанских казаков, приветствует почин Донского войска, предлагает свою помощь для борьбы с большевиками и царящей в стране анархией и готовы до одного положить свои головы за спасение родины.

Комиссар корпуса Башмаков. Председатель корпусного комитета Тарасов.

27.X. 1917 г.

Телеграмма исполнительного комитета Совета Крестьянских

Депутатов армий Зап. Фронта верх. главнокомандующему

Исполнительный Комитет Совета Крестьянских Депутатов армий Западного фронта категорически протестует против насильственного захвата власти Российской Республики небольшой кучкой безответственных людей и, выполняя волю съезда, заявляет, что никому не позволит насиловать волю большинства трудовой демократии. Искомсокрестьянзапа открыто заявляет, что он приложит все свои силы и средства на борьбу с анархией и контрреволюцией в республике, откуда бы таковые ни исходили и поэтому заставит меньшинство подчиниться крестьянскому большинству. Искомсокрестьянзап требует

немедленного образования общедемократической власти, которая должна утвердить без изменений постановления Всероссийского Совета Крестьянских Депутатов от 25 мая 1917 года о передаче всех земель и инвентаря в ведение земельных комитетов. Искомсокрестьянзап, как исполнитель воли съезда солдат-крестьян, избранный уже после начала большевистского восстания, категорически заявляет всей российской республике, что он приложит все усилия и средства для созыва в назначенный уже законом срок Учредительного Собрания, которое только и в силах закрепить за трудовым народом землю, добытую волю и дать пострадавшим народам демократический мир. Никакого правительства Искомсокрестьянзап не признает, если оно не признано между прочим Всероссийским Советом Крестьянских Депутатов. Просим срочно данную телеграмму передать всем трудящимся Искомсокрестьянзап.

Председатель Попов.

Товарищ председателя Евстратов. Секретарь Готтовт Войшвилло.

28.X.1917 г.

Радиотелеграмма из Бобруйска

(Перехвачено в 14 час. 20 мин. 31 октября 1917 г.)

1) Петроградскому Военно-Революционному Комитету. 21 и 57 пехотн. дивизии в боевой готовности по первому зову комитета с оружием в руках станут на защиту Советов, каковым и требуют власть.

Председатель Охотин.

Радиотелеграмма Совета Народных Комиссаров

(Принято в 7 час. 35 мин.)

Всем полковым, дивизионным, корпусным, армейским и другим комитетам. Всем солдатам революционной армии и матросам революционного флота. — 7-го ноября ночью Совет Народных Комиссаров послал радиотелеграмму главнокомандующему Духонину, предписывая ему немедленно и формально предложить перемирие всем воюющим странам, как союзным, так и находящимся с нами во враждебных действиях... Когда предписание вступить немедленно в формальные переговоры о перемирии было сделано Духонину категорически, он ответил отказом подчиниться. Тогда именем правительства Российской Республики и по поручению Совета Народных Комиссаров Духонину было заявлено, что он увольняется от должности за неповиновение предписаниям правительства и за поведение,

несущее неслыханные бедствия трудящимся массам всех стран и в особенности армиям. Вместе с тем Духонину было предписано продолжать вести дело, пока не прибудет новый Главнокомандующий или лицо, уполномоченное им на принятие дел от Духонина. Новым главнокомандующим назначен прапорщик Крыленко. Солдаты, дело мира в ваших руках, вы не дадите контрреволюционным генералам сорвать великое дело мира, вы окружите их стражей, чтобы избежать недостойных революционной армии самосудов и помешать этим генералам уклониться от ожидающего их суда. Вы сохраните строжайший революционный и военный порядок. Пусть полки, стоящие на позициях, выбирают тотчас уполномоченных для формального вступления в переговоры о перемирии с неприятелем. Совет Народных Комиссаров дает вам право на это. О каждом шаге переговоров извещайте нас всеми способами, подписать окончательный договор о перемирии может только Совет Народных Комиссаров. Солдаты, дело мира в ваших руках; бдительность, выдержка, энергия, дело мира победит! Именем Правительства Российской Республики.

Председатель Народных Комиссаров В.Ульянов (Ленин).

Народный Комиссар по военным делам
и Верховный Главнокомандующий Н.Крыленко.

9.XI.1917 г.

Декрет о выборном начале и об организации власти 16 декабря 1917 года

- 1) Армия, служащая воле трудового народа, подчиняется верховному выразителю этой воли — Совету Народных Комиссаров.
- 2) Вся полнота власти в пределах каждой войсковой части и их соединений принадлежит соответствующим солдатским комитетам и Советам.
- 3) Отрасли жизни и деятельности войск, уже состоящие в ведении комитетов, ныне подлежат непосредственному их руководству. Над теми отраслями деятельности, которые не могут принять на себя комитеты, устанавливается контроль комитетов или Советов.
- 4) Вводится выборность командного состава и должностных лиц. Командиры, до полкового включительно, избираются общим голосованием своих отделений, взводов, рот, команд, эскадронов, батарей, дивизионов и полков. Командиры, выше полкового до Верховного Главнокомандующего включительно, избираются соответствующими съездами или совещаниями при соответствующих комитетах...

Председатель Совета Народных Комиссаров В.Ульянов (Ленин). Народный Комиссар
по Военным и Морским Дела
Н.Крыленко.

Народный Комиссар по Военным Делах Н. Подвойский.

Товарищи Народного Комиссара по Военным Делах:

Легран

Мехоношин

Кедров

Склянский.

Секретарь Совета Н. Горбунов.

Телеграфное донесение из Особой армии

Сообщаю копию телеграммы из Особой армии: «Наштагоз, копия Наштарм 2 и 11, Наштазап. Срочно 28-го декабря 1917 года 20 часов 267266. Подтверждаю, Особой армии боеспособность равна нулю. По донесению комкоров положение армии обрисовано в следующем виде: в 31-м корпусе общая жажда мира и неудержимое желание скорее по домам. Перемирие, происходящее увольнение старших сроков, официально названное демобилизацией, организованное, объявленное правилами перемирия, братание с противником — создали полную психологическую невозможность дальнейшего продолжения войны, и потому боеспособность войск не подлежит учету... Никакие приказания и распоряжения не выполняются. На соединенном заседании дивкома 57-й дивизии представителями полковых комитетов 26-го декабря постановлено: с 27-го декабря по 2-е января уволить со службы солдат призыва 1912 года включительно. Такое положение и в третьей дивизии. Остановить это увольнение невозможно. В боевом отношении полки, корпуса не существуют. Штабы и учреждения далее существовать не могут, так как никто ничего работать не хочет. Полки не дают пополнений. Нет писарей. В обозах и других учреждениях голодные лошади стоят без всякого присмотра и фуража. Корпусные и дивизионные склады не охраняются, имущество гибнет, расходуется. Наряды на высылку солдат для охраны складов не выполняются. Все хозяйственные учреждения существовать дальше не могут. Телеграфная связь с дивизиями прекращается за отсутствием телеграфистов, телефоны не работают, конная связь через несколько дней прекратится. Давать точные сведения о положении корпуса Комкор отказывается, вследствие того, что из подчиненных частей и учреждений донесения перестают поступать. Фронт открыт. Никем и ничем не охраняется. При таком положении Комкор снимает с себя всякую ответственность за целостность и безопасность фронта...»

Разложение армии в 1917 году. — М.-Л., 1925.

ДВЕ ЗАМЕТКИ О ТРАГЕДИИ 1917 ГОДА

И. А. Керенский. Февраль и Октябрь

...Остановимся подробнее на трех смертных грехах нашего топтания — армии, земле, мире.

«Не так ли топтались вы (мы?) вокруг реорганизации армии». — Т.е. в каком смысле нужно понимать эту реорганизацию армии? Если в смысле ее «революционного раскрепощения», то разве редакторам «Революционной России» неизвестно то, что признал в своей книге даже генерал Деникин? Разве им неизвестно, что русская армия была без остатка «раскрепощена», т.е. дезорганизована еще в управление Гучкова при благожелательном содействии генерала Поливанова и прочих «старорежимников»?

Конечно, не такую, с позволения сказать, реорганизацию имеет в виду «Революционная Россия», обвиняя нас в медлительности. Дело идет, очевидно, о той медлительности, которую нам действительно приходилось проявлять в сизифовой работе укрепления дисциплины в армии и восстановления в ней нормальных отношений между начальниками и подчиненными. Я помню, с какой энергией высказывались все члены Временного Правительства, и в том числе и Министр Земледелия, против «революционных эксцессов» в армии! Я помню, с какой горечью в душе, но единогласно голосовало все Временное Правительство закон о восстановлении смертной казни на фронте после прорыва у Тарнополя! Я все это помню и поэтому вполне понимаю, что медлительность военного министерства в работе его по освобождению армии от гучковского раскрепощения до сих пор вызывает у В. Чернова, как вообще у всех русских патриотов, законное раздражение и огорчение.

В этой медленности восстановления дисциплины в армии военное министерство повинно, но для смягчения нашей ответственности не вспомнит ли строгий обвинитель, какие препоны приходилось преодолевать нам при этой реорганизации? Не вспомнит ли он, с какой нечеловеческой энергией и самоотвержением приходилось комиссарам Воен. Министра (почти исключительно эсерам и меньшевикам) на фронте и в тылу вырывать армию из-под гипноза большевистской и неприятельской демагогии? Не вспомнит ли он, что даже в своей собственной среде мы иногда были бессильны против отражения этой демагогии?

«Не так ли топтались вы (мы?) вокруг земельного вопроса?» — ставится «политическим трезвенникам, то бишь государственным», второе обвинение. Вот здесь

мое положение, нужно сознаться, довольно щекотливое: приходится защищать земельную политику министерства земледелия от упреков, высказанных по его адресу самым долгосрочным из всех Министров Земледелия эпохи февральской революции... Грандиозная земельная реформа, небывалая еще в истории человечества и подлежащая осуществлению на всем безграничном просторе Российского государства, не могла быть осуществлена не только в шесть месяцев, но и в шесть лет. Всякая поспешность, всякое нервничанье под давлением разожженных демагогией appetites привели бы лишь к такому земельному хаосу, в котором потом десятки лет нельзя было бы разобраться.

Большевики красноречиво подтвердили своей земельной политикой достаточную обоснованность моих опасений. Как их «перемирия поротно» превратились в бесконечную цепь внешних и гражданских войн, так и их «стихийная социализация» земли превратилась в подлинную земельную анархию, из которой все увереннее выглядывает теперь крепкий Столыпинский мужичок-кулачок. Я не спорю, много было ненужных промедлений в текущей деятельности Временного Правительства при осуществлении земельной реформы, но «топтания» все-таки не было, ибо коренной земельный переворот был предрешен Временным Правительством и к осуществлению его мы приближались неуклонно.

«Не так ли топтались вы (мы?) и вокруг мирной политики?» — предьявляется нам следующий вопрос. Да, топтались в том смысле, что на сепаратный мир не шли! А вот большевики пошли — что же, из этого вышел мир? В чем же собственно выразилось наше топтание? Ну, допустим, что Временное Правительство действительно топталось, потому что находилось безнадежно в руках «западных» капиталистов, империалистов» и пр. и пр... А Советы? Разве от знаменитого воззвания «К народам всего мира» от 14-го марта они не пришли в мае через испытание Стохода к сознанию, что только в усилении боеспособности страны, что только в активных действиях на фронте ключ к скорейшему достижению всеобщего мира? Разве от встреч с приезжавшими тогда в Петербург иностранными социалистами лидеры русской демократии не убедились в том, что не в «буржуазных правительствах» только найдут они упорных противников своей слишком стремительной, слишком отвлеченной, слишком идеалистической для практичного Запада мирной политики? Ведь тогда, в эпоху 1916–1917 годов, не только бессовестный перевертень Кашень, вернувшись из Италии, где добивался от социалистов участия в войне, требовал у Бриана с трибуны парламента отрицательного ответа на знаменитое воззвание «о мире без победителей» Вильсона, а затем поехал в Россию выплакивать на наших жилетах продолжение войны до «победоносного конца». Нет, тогда (да и потом до самого конца)

самые непримиримые и честные социалисты-пацифисты твердо стояли на позиции Национальной Обороны...

Надо смотреть правде прямо в глаза. Тех, кого в России принимали тогда за выразителей истинных мнений международного революционного пролетариата, в действительности представляли мнения ничтожнейших меньшинств среди меньшинства социалистической оппозиции Запада. Война в Европе была не войной правительств, а борьбой народов, борьбой не на живот, а на смерть. Там пролетарские массы чувствовали, а их вожди сознавали, что «международная солидарность рабочих в защите их общих интересов против капитализма, как пишет тот же Пресман, не исключает, однако, чувства солидарности между людьми одной и той же нации, когда их общие интересы и права подвергаются опасности извне».

Во всей Европе среди великих государств не было страны, право которой на оборону не было бы более оправдано, чем России, ибо как еще в 1915 году доказал будущий сотрудник большевиков Н.Н. Суханов, наша родина не имела никаких агрессивных капиталистических целей в мировой войне. Мы не могли бросить ружья, не предавая Родины, не изменяя революции!

И, несмотря на Тарнопольский прорыв, несмотря на июльское большевистское восстание, несмотря на Корниловский заговор, на весь развал тыла, Февральская Революция победила бы своих противников в вопросе о мире, а следовательно, победила бы во всем остальном! Австрия не выдержала — она должна была во что бы то ни стало выйти из боя. За ней последовала бы Болгария. К октябрю Австрия решила вступить с нами в переговоры о мире. Мы были у якоря спасения!.. Но решение Вены стало известно Берлину. И пока австрийское предложение шло к Временному Правительству во имя «мира», в спешном порядке вспыхнула, так называемая, октябрьская революция. Началось восстание, сорвавшее «мирную политику» мартовской революции накануне ее торжества! Началось восстание, бросившее растерзанную Россию в хаос кровавых смут и внешних войн. Началось восстание, продлившее мировую бойню еще на долгие месяцы.

Да, армия, земля, мир — это были поистине три нечеловеческие задачи, которые должна была разрешить Февральская Революция, но она должна была их разрешить, обороняя страну от жесточайших ударов закованного в броню всей современной техники врага и защищая едва родившуюся свободу от безумного натиска внутренней анархии, шкурничества и измен!

Да, это тройная задача — восстановление в три дня распавшегося государственного аппарата, революционного преобразования всего политического и социального уклада

страны и борьба за внешнюю независимость Родины — эта задача оказалась свыше сил едва освободившегося и переутомленного трехлетней войной народа. Но разве эту жуткую трагедию целой нации можно объяснить, можно понять, слагая всю ответственность на горсть «кунктаторов» и сводя все к какому-то анекдоту о чудаках, «зацепившихся за пень» столь ненавистной ныне коалиции?

Повторяю, бесконечно много было всевозможных ошибок, промашек в деятельности всех тех, кого судьба толкнула тогда в самую гущу Революции. Этих ошибок и не могло не быть. Они всегда бывают в начале всякой революции, в начале всякого нового периода государственной жизни, ибо новым людям в неожиданных условиях приходится, создавая свое новое, расплачиваться за столетия чужих грехов, платить за чужие протори и убытки!

Но ведь нужно же, наконец, на расстоянии пятилетия, отделяющего нас от величайшего мига русской истории, нужно же, наконец, из-за деревьев всех этих переходящих мелочей увидеть самый-то лес — самую суть исторической драмы, закончившейся временной победой демагогической реакции над революцией — единственной, ибо никакой новой революции в октябре не было. Нужно же, наконец, понять, что не в медлительности «политических трезвенников», т.е. революционных государственников, нужно искать причину того, что «вышедшая из терпения стихия» ударила во все тяжкие октябрьской революции. Я утверждаю, пока этого не доказывая (впрочем, так же утверждает, не доказывая свои положения, «Революционная Россия»), я утверждаю, что Февральская Революция не только не медлила в своем стремлении удовлетворить революционное нетерпение масс, но что она в этом своем стремлении подошла к самому краю пропасти. В той исторической обстановке, в условиях военного времени, больше дать государство, хотя бы сто раз революционное, никаким массам не могло. Мы были на пределе, за чертой которого был уже хаос, закруживший в огненной пляске Россию после октября. Ту стихию, которая кинулась во все тяжкие большевистской реакции, не могли удовлетворить никакие другие уступки, кроме тех щедрых даров, которыми влекли их за собой ленинские демагоги-агитаторы: похабный мир, бесстыдный грабеж и безграничный произвол над жизнью и смертью всякого, кого угодно будет темной толпе назвать «буржуем».

Неужели же теперь, когда сама трезвеющая стихия все больше и больше сознает, как обманули ее, надругались над ней большевики, разбудив в ней зверя; неужели и теперь, когда в самых темных низах все чаще вспоминают о 1917 годе и к февралю возвращаются разум и совесть народная, неужели теперь мы сами начнем повторять эти, навсегда ушедшие в небытие, ударные лозунги из большевистских листов лет 1917 года: а почему землю не

делят; почему мира не заключают, зачем вместо свободы «декларацию солдатского бесправия» объявляют и т.п.

Еще раз, Трагедия 1917 года не в государственности революции, а в том, что в урагане военного лихолетья в один минутный поток смешались две стихии — стихия революции, которой мы служили, и стихия разложения и шкурничества, на которой играли большевики вместе с неприятельскими агентами. Величайшее несчастье заключалось в том, что, издавна привыкнув с первого взгляда опознавать обычную реакцию в «мундире», генерала на «белом коне», многие вожди революции и сама их армия не смогли вовремя распознать своего самого опасного, упорного и безжалостного врага — контрреволюцию, перерядившуюся в рабочую блузу, в солдатскую шинель, в матросскую куртку. Привыкли ненавидеть представителей «старого мира», но не сумели со всей страстью революционеров вовремя возненавидеть гнуснейших разрушителей государства, бессовестных поработителей трудящихся! Привыкнув долгие десятилетия видеть государство олицетворенным в царском жандарме, стыдились, под капором анархической демагогии, своей революционной государственности, стыдились поддерживать авторитет своей власти, пока не оказались в государственных тюрьмах под высокой рукой воскресших жандармов-чрезвычайщиков!

И вот теперь, когда с совершенной ясностью вскрылся весь дьявольский обман большевистской «революционности» и Ленинской «коммунистической» государственности, когда вместо дымящихся головешек октябрьской реакции нужно снова зажигать маяки свободы и права, труда и социальной справедливости, жертвенной любви к Родине и государственности — когда пришло время звать народ к этим маякам Февраля, — теперь эти маяки хотят загасить в братоубийственной распре, возлагая на измышленных «кунктаторов» все «ошибки» целой эпохи и оправдывая невольно их медленностью большевистский скачок в неизвестное. Опять берут слово «государственность» в иронические кавычки, забывая, что уже и так горькую чашу невыносимых страданий и испытаний выпила Россия за эти проклятые кавычки!

Зачем же все это делается? Зачем понадобилось искать козлов отпущения за собственные прегрешения, за ошибки всей революции? Оказывается, это нужно потому, что старые грехи 1917 года мешают сейчас «созданию единого революционного фронта». Не надо забывать, говорит «Революционная Россия», что тяжелой гирей на центристских элементах социализма доселе висят их ошибки в прошлом, их кунктаторство, их топтание на одном месте, вынужденное связью с правым крылом — связью, которой трудно было избежать ввиду бешеного натиска безумных элементов слева. Эти ошибки нужно еще загладить.

Прежде всего, о каких «центристских элементах социализма» идет здесь речь? Очевидно, только о русских, ибо небызвестно, что «центристские элементы» Запада медленно, но верно отходят от своих недавних большевистских увлечений, стремятся сбросить с себя «тяжелую гирю» именно этих «ошибок» и все смелее выходят к линии английской.

Перед кем же русские «центристские элементы социализма» должны заглазить свои ошибки в прошлом? Перед всей страной за недостаточную энергию в отставании в прошлом новой государственности от натиска «варваров» слева? — Нет, ибо тогда не было бы обвинения в трезвости, в кунктаторстве. Перед крестьянством, которое лютой ненавистью ненавидит все и вся, что напоминает коммуниста? Нет, ибо, во-первых, все эти ошибки центристских элементов для него темная вода «во облацах небесных», а, во-вторых, «по отношению к распыленной, рассеянной, атомистически-бессвязной деревенской Руси» руководящую роль будет «по-прежнему играть город». А в городе, конечно, пролетариат «самый сплоченный и отзывчивый элемент населения».

Задача и заключается в том, чтобы «заглазить ошибки», очистившись от всех этих «правых элементов», от всех политических трезвенников, то бишь государственников, — «вести самую упорную идейную борьбу с большевиками за сердца и умы»... всех рабочих, скажете вы? Нет! Сама пролетарская масса «дезорганизована», но зато в ней есть небольшой процент «упрямых энтузиастов». Эти энтузиасты — «самые энергичные, волевые, действенные элементы, задающие тон всем остальным». Эти энтузиасты не дрогнули... они неизменно становятся в первых рядах красных бойцов за существующий режим». И, пока это так, «сплошь и рядом не будет подниматься рука на этот режим у многих таких элементов массы, которые всем своим существом и всей логикой положения влекутся на борьбу против него».

Вот этих-то «красных бойцов» необходимо во что бы то ни стало увлечь прочь от большевиков в стан очистившихся от всякой скверны «центристских элементов социализма». Для них нужно зажечь «новые маяки, яркие и ослепительные, а не дымящиеся головешки» старых наших лозунгов. Но какие новые маяки ослепительнее большевистских призывов осени 1917 года можно изобрести? Что можно еще обещать «несбыточнее», «огненнее», «революционнее»? — Ничего.

Поистине, такая цель — овладеть умами этих верных Ленину «красных бойцов» — бессмысленные мечтания! Есть две категории этих бойцов. Одни — бескорыстные идейные коммунисты, настоящие фанатики пролетарской диктатуры в ее нынешнем виде, верящие в новое социалистическое Царствие Божие, уже осуществленное Лениным на земле. Эти —

погибнут на боевых постах, сгорят на кострах, но «от писания» не откажутся. В этих обреченных последняя ставка московских диктаторов, с которыми они и погибнут, если, конечно, вовремя не предадут. Никакие чужие маяки, хотя бы яркие, как звезды небесные, таких «бойцов» никуда не увлекут.

Есть еще другие — просто властолюбивые, честолюбивые, первобытные классовики, Марковы-Валяй наизнанку. Им плевать на все социализмы вместе взятые, но им нравится быть «господами жизни». Им нравится, когда «за пролетарское происхождение» их выпускают на волю за то, за что «бывших буржуев» и простых крестьян расстреливают. Это они комиссарствуют в красной армии и гонят во славу пролетарской диктатуры на убой мобилизованную «святую скотинку», согнанную с разных концов «распыленной деревенской Руси». Это они вместе с фанатиками-коммунистами неистовствуют в чрезвычайках, но только те бескорыстно, а эти и себя не забывают. Это они так же, как в четвертой Государственной Думе Замысловские и Марковы, гогочут при рассказах о пытках и истязаниях в ленинских застенках. Этим тоже никакими новыми маяками не проймешь! Эти первобытные «классовики» — такое же зло, такая же проказа для государства, для нации, как и отошедшие в вечность доблестные представители «объединенного дворянства»!

Строить новые маяки для красных бойцов-фанатиков бессмысленно, для Валяй-Марковых от пролетариата — постыдно! А если, как утверждает «Революционная Россия», существование преданных большевистской диктатуре рабочих «держит в сфере притяжения коммунизма многих идейных, людей из интеллигенции, в частности, из молодежи, которая не может жить без потрясающих утопий...», то этим идейным интеллигентам и молодым утопистам нужно, наконец, разъяснить, что следует служить идеям, а не создавать идолов, хотя бы они и назывались «рабочими и работницами»; что нужно быть не с теми рабочими, которые расстреливают и сажают в тюрьмы, а с теми, которые этим операциям подвергаются. Пора этих юношей, гоняющихся за «потрясающими утопиями», вернуть к не менее потрясающей действительности — захлебывающейся в крови, гибнущей среди голода и нищеты, брошенной под пяту хищника-иностранца страны, которая и для этих юношей все-таки... Родина.

Неужели спасение и освобождение России невозможно, пока не превратятся в эсеров или меньшевиков последние «красные бойцы» Ленина, пока не выйдут вместе с ними «из сферы притяжения коммунизма» последние бородатые и безбородые утописты? Неужели для уловления этих последних могикан обреченного режима нужно перед кем-то заглаживать свои ошибки, приносить в жертву свое единство? Неужели для них нужно

отшвырнуть от себя свое прошлое, всю традицию Великой Революции, как дымящиеся головешки, и возжечь новые маяки из перепевов большевистской демагогии?!

Нет, пусть назовут меня «варваром» и трижды предадут отлучению, я останусь у старых маяков, к которым еще вернется Россия.

1922 г.

II. В.Руднев. Армия и Революция

Роль ген. Деникина в событиях революционной эпохи слишком значительна, чтобы появление в свет первого тома его «Очерков русской смуты» могло пройти незамеченным. С именем ген. Деникина связана наиболее серьезная попытка вооруженной борьбы против большевиков. Урок, который еще надлежит извлечь из крушения ее, выходит далеко за пределы шаблонной формулы о неизбежности поражения «реакции» в борьбе с большевиками. Ибо помимо реакции, действительно сгушавшейся с течением времени в руководящих кругах Добровольческой Армии, активную роль в южнорусском движении играли группы и с иными, отнюдь не реакционными социально-политическими устремлениями, — известные слои казачества и крестьянства, рядовое офицерство, часть общероссийской интеллигенции. И факт, что не эти здоровые элементы, а реставрационные определили характер и конечную судьбу движения, — сам по себе способен навести на тревожные размышления.

Но судить о том, насколько вождь Добр. Армии в состоянии окажется дать объективную картину и беспристрастный анализ южнорусской трагедии, можно будет лишь по выходе всей предпринятой ген. Деникиным работы. Первый том «Очерков» посвящен более раннему периоду, событиям от февраля по октябрь 1917 г.

Задуманы «Очерки» весьма широко. Они заключают в себе не только личные воспоминания автора, но и попытку осветить события революции с некоторой более общей точки зрения. Разрешены обе эти задачи далеко не с одинаковым успехом. Там, где автор передает лично им пережитое и непосредственно ему известное, «Очерки» представляют исключительный интерес; огромное знание среды, наряду с искренностью и прямоотой суждения, живое изложение, яркие и образные характеристики составляют бесспорные достоинства тех глав, которые посвящены течению революции в армии, на фронте. Напротив того, поверхностны, неоригинальны и неубедительны критические экскурсы Деникина в области политических и социальных отношений революционной эпохи; выдавая

осведомленность из вторых рук, обнаруживая предвзятость и отсутствие исторической перспективы, они представляют интерес разве только для характеристики самого автора.

Разумеется, вся книга Деникина — суровый обвинительный акт против т.н. «революционной демократии». Она, и только она одна, ответственна за крушение государства, за «растление и гибель» армии. Сравнительно сдержанный тон, которым, кстати сказать, труд Деникина выгодно отличается от книг Наживина и др. обличителей революции, не ослабляет, а лишь усиливает серьезный характер обвинения.

Причина катастрофы 1917 г. — в «отсутствии идеи государства и любви к родине» у левых партий, в «слабости власти Временного Правительства», — такова незамысловатая философско-историческая концепция ген. Деникина. Она не оригинальна, и не нова; она популярна, отвечая всеобщей потребности в простейшей формуле, перелагающей к тому же общую ответственность на определенные группы, на определенных лиц, на «Керенского», наконец; сознательно эта формула культивируется известными кругами, как орудие политической борьбы специально с социалистическими партиями.

Что умеренные социалистические партии, выдвинутые мартовской революцией на авансцену, оказались не на высоте выпавшей им на долю исторической задачи, оспаривать это значило бы отрицать очевидность, исторические факты. С какой ясностью теперь, задним числом, видны ошибки и недостатки кругов, пытавшихся в 1917 г. руководить событиями: неспособность осмыслить совершившееся и предвидеть будущее, найти опору в народных массах, отсутствие твердой линии поведения, сознательно проводимой среди революционного хаоса, паралич воли перед грозной опасностью. Список великих и малых недостатков, вольных и невольных грехов «революционной демократии» мог бы быть длиннее; и небольшое утешение в том, что и другие, в частности те, кто сейчас козлом отпущения за все делает «эсеровско-меньшевистский блок», не оказались ни в 1917 г., ни позднее проникательнее, сильнее и — удачливее... Но от автора исторического труда при оценке событий прошлого естественно, казалось бы, ожидать соблюдения необходимой исторической перспективы. От событий рокового семнадцатого года нас уже отделяет значительный, если не по числу лет, то по богатству опыта, период времени; многое, вменявшееся в свое время тем или иным группам и политическим вождям, как результат сознательной их деятельности и индивидуальных их свойств, представляется в настоящее время в большей степени следствием стихийных причин и рокового стечения обстоятельств.

Можно ли теперь «слабость» Врем. Правительства и поддерживавшего его блока партий рассматривать как первопричину катастрофы 1917 г.? Не очевидно ли в настоящее время, что, наоборот, эта мнимая причина была лишь одним из частных следствий или

симптомов какого-то рокового внутреннего недуга, обусловившего государственный и общественный распад России? Приписывать крушение великого тысячелетнего государства действию факторов или случайных, или явно производных, не значит ли, в конце концов, ничего не объяснить в механизме грандиозной катастрофы, нарушившей равновесие всей мировой политической и экономической системы?

Историк нашей революционной эпохи должен будет внести серьезные поправки в традиционное значение тех или иных партий (даже большевиков!) для исхода второй русской революции. Главным действующим лицом в революции, ее творцом был и остается народ. Внутренние процессы в психике народа, разбуженного от векового полусна испытаниями войны и потрясениями небывалой революции, определяли и определяют в конечном счете судьбу правительств и самого государства; все политические партии, не исключая и «волевых» большевиков, преуспевают лишь тогда, когда они являются вольными или невольными исполнителями полубессознательных предначертаний, зреющих в народной душе. С этой точки зрения источником слабости и причиной гибели Врем. Прав. было в конечном счете неприятие народными массами той военной программы, которую, в силу международных условий, вынуждено было оно проводить.

Генерал Деникин имел возможность в 1918–1920 гг. на юге России создавать власть и армию, уже в полной мере учитывая печальный опыт столь безоговорочно им осуждаемых Врем. Правительства, левых и либеральных партий. Он являлся неограниченным правителем десятка богатейших губерний с сорокаmillionным населением, он осуществлял ту пресловутую военную диктатуру, отказ от которой в 1917 г. будто бы погубил Россию, он опирался на круги, издавна монополизировавшие в свое исключительное достояние истинный патриотизм и государственный образ мышления. Не в том ли заключается разгадка его собственной «слабости», что он тоже не учел стихии, что в хаосе «русской смуты» он не сумел разглядеть исторический лик подлинной народной революции? Но не являет ли миру образец жалкого банкротства в организации жизнеспособного государственного строя и народного хозяйства и сверхдеспотическая власть большевиков? Разрешена ли вообще и после Врем. Прав. в России проблема сильной государственной власти?

Ибо наличие вождей с сильными характерами не является единственным условием успеха власти в революционную эпоху, как не является признаком силы неограниченность ее произвола. Власть сильна в положительном органическом смысле слова, если она не только владеет волей масс, но и в состоянии направить ее в русло созидательного процесса. Урок революций других народов учит, что этим условиям революционная власть удовлетворяет

тогда, когда, связав свою судьбу с классами, наиболее заинтересованными в совершающемся перевороте, она сознательно или инстинктивно ставит себе цели, объективно осуществимые, исторически необходимые, достижение которых способно закрепить новые, созревшие в недрах старого строя, общественные отношения. В чем несчастье русской революции, почему ни в одном из сменявшихся в России после февраля 1917 г. правительств она не нашла орудия, адекватного ее исторической миссии, — мы ближайшим образом еще не знаем, поскольку природа происходящих в народной психике процессов еще в самой малой степени определена и изучена.

В этом противоречии, по-видимому, вновь вскрывается, уже не в первый раз в русской истории, извечный трагический разрыв между культурными верхами и остальной массой народа.

Истории революционных месяцев на фронте, развалу армии и ее стихийной демобилизации перед лицом врага посвящены наиболее яркие и патетические страницы вышедших выпусков книги Деникина. Тем очевиднее несостоятельность общей исторической концепции автора; в дебри неразрешимых противоречий заводит его стремление рассматривать и эти грандиозные события исключительно как результат сознательной воли тех или иных политических групп.

Разложение армии есть каиново дело «революционной демократии», утверждает Деникин; не большевиков только, но и тех социалистических партий, которые официально (и лицемерно, добавляет он) провозгласили необходимость поддержания боеспособности армии для защиты родины от внешнего врага. «Все основные лозунги, все программы, тактика, инструкции, руководства, положенные в основу “демократизации” армии, были разработаны военными секциями подпольных социалистических партий задолго до войны, вне подавления “стихии”, исходя из ясного и холодного расчета. Петроградский Совет своим зловещим приказом № 1, учреждавшим выборные солдатские комитеты, посеял рознь между солдатской массой и офицерством, левые партии внесли политику в армию, Керенский изданием “декларации прав солдата” вбил последний гвоздь в гроб, уготованный для армии».

Обвинения — тяжкие. За исключением наивного апокрифа об «инструкциях и лозунгах», заранее, еще до войны выработанных конспираторами-заговорщиками, в основе большинства этих обвинений лежат исторические факты, пусть тенденциозно освещенные, но не подлежащие отрицанию. Военная политика, проводимая Петроградским советом от имени всей демократии под идейной гегемонией циммервальдцев, была основана на совершенно ложном и утопическом, как оказалось, расчете на энергичное выступление

международного пролетариата. Поскольку оборонческие элементы, сильнее переживавшие чувство национальной тревоги и ответственности, плелись тем не менее в хвосте у циммервальцев, они также несут свою долю ответственности. Обращенные же к армии «интернационалистские» и революционные лозунги совета, благодаря проявленному их авторами полнейшему незнанию солдатской психологии, преломлялись в ней самым неожиданным образом. Приказ № 1, по свидетельству В.Б.Станкевича, сыграл на фронте роль «самую плачевную». И пусть неудачные лозунги совета даже не столь являлись причиной разложения, сколь лишь оформляли и давали морально-политическую санкцию уже происходившему процессу распада, — трудно сейчас, в свете четырехлетнего опыта, без весьма тяжелого чувства читать многое в его декларациях, резолюциях и приказах. Но для того, кто и в отношении к своим политическим врагам хотел бы сохранить объективность, не следовало бы до такой степени упрощать историческую обстановку катастрофы 1917 г., игнорировать безысходность тогдашнего внешнего и внутреннего положения России, как это делает ген. Деникин.

О связи судеб революции и войны писалось уже много. Конечно, мартовская революция не бессмысленный военный бунт, как утверждают те, кто не хочет признавать давнего трагического противоречия между отжившим строем и потребностями развивающейся России. Несчастливый ход затянувшейся войны лишь ускорил приход революции, органически неизбежной; влияние внешнего фактора лишь нарушило, быть может, более естественное и гармоническое, при других условиях, развитие событий. Непреодолимое стремление солдатских масс, — а быть может, и большинства русского народа, к «миру во что бы то ни стало, какой угодно ценой» предопределило дальнейший ход событий, ставя судьбу нового демократического порядка в зависимость главным образом от того, смогут ли пришедшие к власти партии спешно добиться окончания войны. Теперь, когда многое тайное в международной ситуации 1917 г. стало явным, мы легче можем оценить, были ли у Врем. Правительства шансы удержаться у власти, ускорив мир на путях, рекомендовавшихся в свое время политическими группами справа и слева.

Доведение войны «до победного конца», как когда-то говорилось? Для народа и армии, сделавших революцию, чтобы избавиться от невыносимой тяготы войны, этот выход был мыслим разве только в виде еще одного последнего, героического, но непродолжительного усилия, сопряженного с огромным риском, что в самый критический момент остатка душевных сил не хватит; продолжение же длительной и методической войны позиционной, разумеется, было бы неосуществимо. Между тем, мы знаем теперь, что разгром Германии силою оружия стал для союзной коалиции объективно возможен лишь значительно позднее,

после того как Америка бросила на чашку весов войны мощь своей экономической организации, техники и миллионы свежих солдат.

Разрыв с союзниками, сепаратное соглашение с Германией... да, этот выход, быть может, отвечал острой тоске народных масс по миру. Такою ценою Врем. Правительство могло выбить самое страшное оружие из рук большевиков. Но путь предательства, спасая власть, не спасал России. Сепаратный мир, говоря словами того же Деникина, привел бы лишь к тому, что «кровавая игра перемешанными картами продолжалась бы, — но уже за счет России». Такое убеждение было всеобщим, — как всеобщей для сознательной части русского народа была моральная неприемлемость измены. Теперь, в той удушающей атмосфере предательства, своекорыстия и лицемерия, которая в результате «освободительной», «последней» войны воцарилась в международных отношениях вообще и в отношениях большинства «союзников» к русскому народу в частности, эта столь элементарная и естественная честность Российского Правительства выглядит почти как сентиментальное донкихотство. Но тогда, в 1917 г., лишь сознательно идя на гражданскую войну внутри страны могли большевики решиться на сепаратный мир с Германией.

Не менее ясно мы видим теперь, насколько в международной обстановке 1917 г. ничтожны были шансы политики, руководимой идеей всеобщего мира по соглашению, «мира без аннексий и контрибуций», на языке той эпохи. Она не могла найти действенного отклика ни в правительственных кругах обеих враждующих коалиций, ни в их рабочем классе, на который вначале возлагали столько надежд русские социалисты. Союзники и слышать не хотели о мире по соглашению, пугая демократию грозными последствиями победы реакционного германского милитаризма, — и втайне готовясь сами осчастливить человечество «справедливым» Версальским миром; традиционно невежественные в русских делах, они требовали от русского народа лишь дальнейших, уже непосильных жертв, толкая Россию в бездну. Представители же рабочего класса Кашен, Гендерсон, Тома, с одной стороны, и Роберт Гримм, с другой, служили в России лишь послушным орудием своекорыстной политики делегировавших их правительств.

Таким образом, перед Временным Правительством и поддерживавшими его партиями в вопросе войны и мира оказался безысходный тупик. Оставалось, плывя по течению событий, продолжать войну, исчерпывая последние материальные и моральные ресурсы русского народа, под нависшей и все более реальной угрозой крушения не только фронта, но и государства. Трудно сказать, насколько мог отсрочить развал армии такой паллиатив, как значительное сокращение ее за счет увольнения старших сроков, в свое время выдвигавшееся также и по соображениям экономическим, но... встретившее энергичное

противодействие со стороны высшего командного состава, в том числе и ген. Деникина. Между правительством, проникнутым подлинным патриотизмом, одушевленным искренним народолюбием, и той народной массой, которая только и может быть источником силы демократической власти, стремительно углублялась, при содействии большевиков, пропасть взаимного непонимания. Стихийная катастрофа становилась рано или поздно неизбежной, торжество «партии похабного мира» — вопросом лишь времени.

Естественно, что в армии, на которую падала главная тяжесть войны, психологические процессы еще в большей степени должны были определяться в зависимости от того или иного разрешения «военного» — этого основного, хотя и не единственного — противоречия мартовской революции. Преходящий кризис армии, неизбежный при резком изменении политического строя, но в иных условиях — целительный, сделался, с утратой надежд на скорейшее окончание постылой и бесцельной войны, исходным пунктом для смертельного ее заболевания. Ошибки и преступления отдельных групп или лиц, социалистов ли, большевиков и монархистов, Врем. Правительства, Ставки или Совета, Керенского или Корнилова, могли играть роль лишь второстепенную, лишь задерживая и ускоряя процесс распада армии, сам по себе неизбежный при безысходности международного положения и при глубоком упадке душевной сопротивляемости русского народа. Наличие этих общих причин, разумеется, не уничтожает падающей на участников событий 1917 г. ответственности, поскольку детерминизму не место ни в области личной морали, ни в политике: от суда истории не уйдет ни «революционная демократия» с Керенским во главе, ни Ленин, ни Деникин. Но только объективный анализ основных внутренних мотивов, двигавших в 1917 г. народными массами, способен внести обобщающий смысл, организовать в логическое единство пеструю груду фактов, остающуюся без этого лишь хаосом, полным необъяснимых противоречий, бессмысленной «смуты».

Таковыми противоречиями богата книга генерала Деникина, поскольку он, оставаясь на поверхности явлений, стремится трагедию русской армии свести лишь к злему умыслу одних «антигосударственных» и к бесхарактерности и малодушию других — «охранительных» элементов. Противоречива, прежде всего, позиция Деникина в кардинальном вопросе: возможно ли и допустимо ли было армию не делать причастной тому великому освободительному движению, которым в революционные дни был охвачен весь остальной народ. То он справедливо признает, что ввиду предстоящих выборов в Учредительное Собрание «предотвратить вторжение политики в армию было абсолютно невозможно, как немисливо остановить течение реки», — то заявляет: «революцию — приемлю всецело и безоговорочно, но революционизирование армии... считаю гибельным

для страны», то, наконец, на июльском совещании главнокомандующих категорически требует «изъять политику из армии».

Отрицать неотложность «демократизации» армии, мечтать о сохранении армией неизменным ее дореволюционного уклада в то время, как вся страна лихорадочно перестраивалась снизу доверху, — можно было лишь совершенно не отдавая себе отчета в смысле происходивших событий или питая иллюзии о возможности сделать армию орудием борьбы против революции. Могла ли десятиmillionная армия, своими тыловыми частями растворенная в населении городов всей России, оставаться в потрясенной до основания стране каким-то инородным телом, чуждым всем страстям революционной эпохи? Была ли уже накануне революции здорова и боеспособна армия, потерявшая веру в свой высший командный состав с его бездарностью и карьеризмом, армия, в которой жестокость механической дисциплины — вплоть до официально введенных телесных наказаний — не могла заменить одушевления понятной для солдата идеей войны, в которой хроническое голодание и безнадежность сидения в окопах уже в конце 1916 г. развили в угрожающих размерах дезертирство?

На палитре ген. Деникина нет ярких красок для характеристики порядков дореволюционной армии. Пройдем и мы мимо них. Старая армия уже в прошлом, с ее историческими заслугами и с ее грехами. За последние уже принесено много искупительных и еще больше невинных жертв. Армия была орудием старого режима. Могла ли она остаться чуждой язвам строя, основанного на сословном неравенстве, на гражданском бесправии? Деникин вынужден сам, правда, в чрезвычайно сдержанных выражениях засвидетельствовать, что «не совсем здоровая атмосфера в армии и флоте разъединяла два их составных элемента», признать «грех и русского офицерства, вызвавший противоположение барина — мужику, офицера — солдату».

Сознание необходимости реорганизации армии соответственно духу времени, ее права на участие в каких-то формах в общегражданской жизни разделялось в начале революции не только идеологами солдатской массы из «революционной демократии», но и весьма политически умеренными военными и штатскими кругами. Ген. Деникин сам подсчитывает, что из сорока высших чинов армии, ее «мозга, души и воли» (главнокомандующие фронтами, командующие армиями и их начальники штабов), всего лишь четырнадцать активно боролись со стихийной «демократизацией» армии, несмотря на ее подчас нелепые и отталкивающие формы. Военный Совет, состоящий из старших генералов армии, солидаризировался с реформаторской деятельностью Врем. Правительства. В учрежденной Гучковым т.н. Поливановской Комиссии для проведения реформ в армии военные члены

зачастую поддерживают наиболее радикальные предложения; «в заседаниях ее можно было услышать иногда протестующий голос гражданских лиц, предостерегающий от увлечений, но военных — почти никогда». В других случаях, впрочем, гражданские лица не отстают от военных.

Военный министр Гучков говорит делегатам от частей: «организовуйтесь, как умеете, пользуйтесь существующими организациями, работайте над общим единением». 30-го марта приказом Верховного Главнокомандующего ген. Алексеева санкционируются комитеты ротные, полковые, дивизионные и армейские, а в апреле военный министр Гучков значительно расширяет их компетенцию как раз в наиболее щекотливой области, признавая за комитетами право «принимать законные меры против злоупотреблений и превышений власти должностными лицами своей части», а также право входить в сношения с политическими партиями без всякого ограничения, о посылке в части делегатов, ораторов и литературы для разъяснения программ пред выборами в Учредительное Собрание.

«Не признавая» для армии последствий, вытекавших из факта революции, ген. Деникину остается в поведении чуть ли не всего командного состава видеть лишь «угодничество перед революционной демократией», «честолюбивые замыслы», «безудержный оппортунизм», «преступное малодушие» и пр. Трудно, конечно, оспаривать экспертизу такого знатока военной среды, как ген. Деникин, но нам все же кажется, что на отношение командного состава к солдатским организациям сильнее карьерных соображений влияло сознание их неизбежности в революционное время и надежда через их посредство поддержать хоть какую-нибудь дисциплину в стихийно разваливающейся армии. Пусть Деникин окажется прав, сомневаясь в бескорыстии мотивов Брусиловых, Чермисовых, Верховских, — но почему, например, и ближайший единомышленник Деникина — ген. Марков с таким увлечением работал первые месяцы революции во всяких комитетах, советах и съездах? Почему комитеты явились неотъемлемой принадлежностью даже таких благонадежных частей, как Корниловский ударный полк?..

Явной натяжкой звучит объяснение ген. Деникина, что к содействию комитетов командный состав был вынужден обращаться только после того, как своей агитацией «революционная демократия» разрушила дисциплину в армии. «Так как власти не стало, — говорит он, — начальникам поневоле приходилось обращаться за содействием к комитетам». Военная власть автоматически исчезла, распалась вместе со старым строем в первый же день революции. Внезапный паралич Ставки, возглавлявшей могущественный армейский аппарат, ее беспрекословное подчинение кучке петроградских интеллигентов были наиболее разительным симптомом того, что разразившаяся революция действительно охватила всю

страну, в том числе и армию. Прежняя слепая дисциплина, механически связывавшая армию, безвозвратно рушилась в момент переворота; лишь по инерции немногие дни и часы могло еще сохраняться внешнее единство армии. «Разрушать» армию не приходилось, если бы таковы были в действительности намерения всех небольшевистских левых партий, — ибо ее уже не было. Могла ли считаться существующей, как единая организованная сила, армия, командный состав которой зачастую, по признанию того же Деникина, ожидал с минуты на минуту своего ареста солдатами? Социалисты-оборонцы могли мечтать лишь о мерах, которые, постепенно восстанавливая атмосферу взаимного доверия между солдатской массой и офицерством, подвели бы новый фундамент для дисциплины, давали бы новый импульс угасшему самопожертвованию. Отчасти стихийно возникающие, отчасти сознательно организуемые солдатские комитеты должны были служить орудием этой политики, ставившей себе целью поддержание боеспособности армии для защиты страны.

Нет спора, эта тактика, безусловно, провалилась. На первых порах армейские комитеты играют положительную роль, оказывают благотворное влияние на солдатскую массу. Их заслуги вынужден отчасти признать даже такой принципиальный их враг, как ген. Деникин: «комитеты, действительно, иногда влияли умиротворяюще на разбушевавшихся солдат, вели борьбу с дезертирством, улаживали обостренные отношения между офицерами и солдатами, призывали к исполнению приказов и вообще поддерживали внешние, по крайней мере, подпорки здания, начинавшего давать трещины». Но с течением времени, в зависимости от не раз уже упоминавшихся выше общих причин, ускорявших распад всей страны, комитеты теряют власть над постепенно раскачивающейся стихией, и, в конце концов, с переходом влияния в них от более сознательных и ответственных элементов к крайним, сами становятся орудием дальнейшего разложения армии.

Комитеты не были, как это думает ген. Деникин, первопричиной, обусловившей гибель армии. Им, как таковым, не присуще органически какое-то изначально-прочное, разрушительное начало; роль их, как и советов рабочих депутатов, меняется в зависимости от исторической обстановки. Те же советы рабочих и солдатских депутатов, подобные русским, были в 1918 г. колыбелью германской свободы, лесами, под охраной которых воздвигалось Здание германской государственности; съезд советов в декабре 1918 г. не допустил срыва Учредительного Собрания, готовившегося слева спартаковцами; благодаря солдатским комитетам оказалась возможной планомерная демобилизация германской армии и, в частности, в относительном порядке была произведена эвакуация Украины четырехсоттысячной германской оккупационной армией.

Положительное значение революционно-политические организации имели и в первые недели русской революции, как единственный авторитет, поддерживавший какой ни на есть порядок в стране и некоторую организованность в армии. И если позже они не только не приостанавливают процесса всеобщей «большевизации», но сами вовлекаются в ее процесс и становятся ее орудием, то в этом отношении советы и комитеты не являются исключением: их судьбу разделяют и такие неспецифические для русской революции организации, как профессиональные союзы, а кое-где и местные самоуправления. Лишь вместе с прогрессирующим недугом самой армии солдатские комитеты становятся, по характеристике Станкевича, «ярким выражением неизлечимой социологической болезни, признаком верного ее умирания».

Что солдатские комитеты с такими широкими полномочиями, какие установились на практике, отчасти санкционированной законодательством Гучкова — Керенского, несовместимы с нормальным воинским строем и могут быть терпимы лишь в переходный период до реорганизации армии на здоровых демократических основаниях, — в признании этого сходились все, независимо от политических направлений. «Удержав армию от полного развала, выиграть время, дать рассосаться болезненному процессу, помочь окрепнуть здоровым элементам», — так впоследствии определял цели своей «соглашательской» тактики Гучков. Сознание, что армия может быть построена лишь на основе принудительной дисциплины, на обязательности жертвы собою во имя высших интересов государства, крепло с течением времени и в руководящих кругах левых партий. Никто, не только в военном министерстве, но, быть может, и в среде самих комитетов, никогда не сомневался, что вообще комитеты только зло, рассказывает Станкевич. Неизбежные в первые недели революции, в атмосфере острого недоверия солдатской массы к революционной лояльности своего командного состава, они должны были постепенно отмирать, с восстановлением нормальных взаимоотношений в армии, очищенной от контрреволюционных элементов. Вот каким характерным парадоксом определял свое отношение к комитетам председатель комитета одной из армий А.Л. Виленский, позже погибший от руки большевиков: «Задача нашего комитета — довести армию до такого состояния, чтобы по приказу командующего армией любая часть арестовала без колебаний комитет. Тогда мы, деятели комитета, скажем: наш долг перед родиной выполнен». (Станкевич «Воспоминания»).

Это естественное вытеснение из армии вызванных революцией временных организаций могло происходить лишь постепенно и требовало большой выдержки и такта. Даже Деникин в своей программе на июльском совещании главнокомандующих видит путь к упразднению комитетов лишь в «постепенном изменении функций последних».

Была ли возможна иная тактика? Кто может утверждать, что неуспех ее зависел от неправильности самого метода, а не от непреодолимости внешних препятствий?

К несчастью, для усилий власти и партий судьба отпустила слишком скупо сроки. Стремительный процесс разрушения армии, разуверившейся в том, что мартовская революция принесет ей мир, оставлял далеко позади робкие попытки оздоровления и воспитания ее. Столь естественное для темных и озлобленных людей объяснение, что войну сознательно затягивают «капиталисты, помещики и генералы», всецело овладевало солдатской массой. Выступление Корнилова, патриотическое по мотивам, но явно безумное по утопичности замысла и риску ужасными последствиями при его неизбежной неудаче, нанесло последний удар армии и ускорило роковую развязку.

Роль элементов стихии велика в каждой революции. Но их преобладание над факторами сознательными тем значительнее, чем ниже уровень общего развития народа, чем менее дифференцирован он в социально-политическом отношении, чем относительно незначительнее его культурный слой. В России, где подавляющее большинство народа накануне революции представляло собою безграмотную, лишенную какой-либо структуры и единства национального сознания массу, роль иррациональных инстинктов, как мотива поведения масс, должна быть особенно значительной. Возможность «руководить» событиями при этих условиях сама по себе ограниченная, для деятелей мартовской революции еще более суживалась той железной зависимостью России от международной обстановки, изменить которую было не в их власти.

Поскольку стихийный «отказ от войны» был роковым для существования правительства национальной защиты, постольку он же главным образом должен был предопределить и ход событий в армии.

Не менее важен широкий подход к оценке событий мартовской революции и с точки зрения выводов на будущее.

Семнадцатый год был роковым не только для репутации тех или иных партий и программ. Он открыл собою эпоху небывалого еще по своей глубине и всесторонности идеологического кризиса всей русской интеллигенции. Нужно ли скрывать, что первая в истории русской интеллигенции свободная, без опеки и помех власти, встреча со своим народом таким, каков он есть в действительности, была жестоким ударом по обычной сентиментальной идеализации его; что непосредственное участие в государственной жизни впервые не в качестве безответственной оппозиции разрушило наивную веру в универсальную применимость заимствованных в Зап. Европе книжных догматов; что в новом свете предстала перед нею ценность национального идеала и пр.

Критическая проверка самых основ мирозерцания в свете трагических последних лет, а не сосредоточение внимания на временном и случайном, — такова настоятельная задача, стоявшая перед интеллигенцией. Можно ли сомневаться в том, что настоящий кризис является не смертельным, а благодетельным для лучших традиций русской интеллигенции — ее народолюбия, общественного идеала на основе социальной справедливости и гармонического развития свободной личности; что эти заветы могут лишь выиграть в своей жизненности от сведения их с высоты утопии и догматики на грешную землю реальной действительности.

1922 г.

Современные заметки. — 1922. — Кн. 9. — С. 282–293; 315–329.

ИСТОРИЯ РУССКОЙ АРМИИ В ЗАПАДНОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

История вооруженных сил России всегда представляла значительный интерес для западных исследователей ¹, которые прежде всего отмечали определяющее влияние на развитие русской армии таких факторов, как географическое положение страны, уровень ее экономического развития, общественно-политический строй государства, исторические традиции России, определенный «менталитет» ее руководителей, субъективное влияние первых лиц страны на развитие вооруженных сил, воздействие иностранных теорий и практических образцов на процесс строительства армии и флота.

Кроме того отмечается, что армия в России не только зависела от уровня развития государства, но и оказывала сильнейшее обратное влияние на его становление и роль в мировой политике ². Этот вывод связывается с мыслью историка С.М. Соловьева о том, что «история России — это история войн». В издаваемой на Западе пятидесятитомной «Энциклопедии армии и флота России и Советского Союза» приводятся следующие подсчеты от 1893 года; из 528 предшествовавших лет Россия 305 лет вела войну, причем нередко на нескольких фронтах сразу ³.

Следует учесть тот факт, что данные цифры в значительной степени определяются многовековой борьбой народов России за единство, целостность и независимость государства. Нельзя, однако, отрицать и того, что с ростом мощи Российского государства и складыванием империи ее лидеры использовали все средства, в том числе и военные, для обеспечения благоприятных внешнеполитических условий существования своего государства, расширения его территории и сферы влияния. Это было не только особенностью России, но и находилось в русле тогдашней общемировой практики.

Характеризуя вооруженные силы древней Руси, западные авторы отмечают прежде всего, что на начальном этапе достаточно сильным было норманнское влияние. Некоторые советологи, в той числе Д. Джонс, отрицают феодальный характер Киевского войска на том основании, что в него помимо солдат входили ополченцы (земско-городское войско)⁴.

«Норманнская идея» подается как один из аспектов «иностранным влиянием» на развитие вооруженных сил России. Хорошо известны строки «Повести временных лет», где рассказывается о том, как чудь, славяне, кривичи и др. обратились к варягам, которых называли «русью»: «Земля наша велика и обильна, а порядка в ней нет. Приходите княжить и владеть нами. И избрались трое братьев со своими родами, и взяли с собой всю русь, и пришли и сел старший, Рюрик, в Новгороде, а другой, Синеус, — на Белоозере, а третий, Трувор, — в Изборске. И от тех варягов прозвалась Русская земля».

Заметим, что относительно происхождения названия Русь существует много версий и здесь не место вдаваться в дискуссию по этому поводу. Очевидно, что варяг на Руси — это преимущественно вооруженный купец, идущий для того, чтобы торговать здесь или пробраться в более богатую Византию. В больших торговых городах Руси варяги встречали класс вооруженных купцов, входили в его состав, заключали с ним соглашения, действуя сообща, или нанимаясь за плату конвоировать русские торговые караваны. Согласно той же Повести, число варягов, оседавших в русских городах, было значительным: «Новгородцы сначала были славянами, а потом стали варягами, как бы сваряжились вследствие усиленного наплыва пришельцев из-за моря»⁵. Русскому государству нужна была вооруженная сила, способная защитить границы страны и все торговые пути от внешних врагов. Этой силой и стали варяжские князи со своими дружинами.

В период Киевской Руси и феодальной раздробленности (9–15 вв. армия состояла из отдельных княжеских дружин, образывавших постоянное ядро войска и ополчений городов. Центральное место при этом занимала дружина Киевского великого князя. Являясь достаточно мощной военной силой, она одновременно принимала участие в управлении страной. Однако численность княжеской дружины была небольшой (у старших князей — 700–800 человек). Поэтому, если предстояли крупные боевые операции, то к оружию призывалось народное ополчение, составлявшееся из городского населения, а в случаях чрезвычайных — и сельских жителей — «смердов». Помимо этого, в походах могли принимать участие и наемные отряды из воинов-иноземцев (не обязательно варяжские дружины, но и конные отряды «своих поганых» или «черных клобуков» (юрков, берендеев и печенегов). Общая численность дружин и ополчения князей достигала более 50 тыс. человек. Например, в 968 г. Святослав повел против византийцев 60 тыс. воинов.

Сильной стороной военной организации Киевской Руси в этот период западные исследователи считают сосредоточение центральной власти у Киевского великого князя. После смерти Ярослава Мудрого в 1054 г. эта централизация нарушилась, что привело к значительному уменьшению военной мощи Руси.

В работах советологов отмечается, что Русь была сильной, только будучи единой. Если князь был достаточно авторитетен среди народа (например, Владимир Мономах), то Вече практически бездействовало, предоставляя князю самостоятельно решать все вопросы, в том числе и военные ⁶. Когда же Русь состояла из 12–15 самостоятельных княжеств, то ее сравнительно легко завоевали татаро-монголы. В это время военные вопросы формально обсуждались сообща, но совместно принятые решения не были обязательными. Многие князья по той или иной причине отступали от данного ими слова и действовали как им заблагорассудится. Д.Джонс приводит в качестве примера битву на р. Калке в 1223 г., когда одна из дружин так и не вступила в бой ⁷.

Еще одной характерной чертой русской армии, сохранившейся на долгие времена, западные историки считают ее массовость, опору на количество. До XV века роль конницы была незначительной. Определяющим видом войск являлась пехота, которая часто решала исход сражения. Это отличало русскую армию от армий Западной Европы, где пехота нередко рассматривалась как «плохо вооруженная толпа».

К моменту восхождения на великокняжеский престол Ивана III вооруженные силы Московского государства были уже значительной силой, но оставались тем не менее довольно разношерстной массой, не объединенной внутренним единством и не имеющей твердого централизованного управления. Централизация военного управления связывается в западной историографии с именем Ивана IV («Грозного»), хотя «первым независимым русским царем» они называют Ивана III ⁸.

Состояние русской армии в начале XVII века оценивается как не отвечавшее европейским стандартам. Р. Дюпуи и Т. Дюпуи объясняют это тем, что военная мощь Москвы развивалась в относительной изоляции от Запада и «отражала общую отсталость страны». Даже обладая численным перевесом, русская армия нередко терпела поражения от шведских и польских отрядов. В качестве примера эти авторы приводят сражение под Клушино (село в 150 км от Москвы), где русская армия численностью 30 тыс. человек, включая 8 тыс. шведов (командующий Д.И. Шуйский), потерпела поражение от польского отряда, насчитывавшего 4 тыс. человек (3800 всадников и 200 чел. пехоты с двумя небольшими пушками во главе с гетманом Ст. Жолкевским).

Улучшение состояния армии в XVII в. связывается с западным влиянием: созданием полков «иноземного строя» или, как их еще называли, полков «нового строя». Речь идет как о полках, состоящих полностью из наемников из Англии, Голландии, Дании и Швеции, так и русских полках, построенных по иностранному образцу и возглавлявшихся иностранцами⁹. К концу столетия в полках «нового строя» находилась наиболее боеспособная часть русской армии. Их доля в общей численности достигала 60–70 процентов (в 1681 г. численность полков «нового строя» составила 90 тыс. человек, в то время как дворянское и стрелецкое войско насчитывало примерно 66 тыс. человек).

Почему же именно в XVII веке западное влияние действительно становится ощутимым? Объясняется это тем, что московские правители сознавали необходимость перестройки и недостаточность только собственных средств, опыта для ее проведения. В этих условиях, пишет В.О. Ключевский, в московской правительственной среде появляются люди, которые теряют прежнее национальное самодовольство и начинают оглядываться по сторонам, искать указаний и уроков у чужих людей, на Западе, все более убеждаясь в его превосходстве и в собственной отсталости. «Так, — заключает русский историк, — на место падающей веры в родную старину и в силы народа является уныние, недоверие к своим силам, которое широко растворяет двери иноземному влиянию»¹⁰.

Преобразования в армии в 80-х гг. XVII века приблизили русскую армию к уровню европейских. Централизация управления вооруженными силами России, сокращение числа приказов, ведавших войском, до 3-х — Разрядного, Рейтарского и Иноземного было, несомненно, позитивным шагом (при Иване Грозном таких приказов было 8, при царе Алексее Михайловиче — 18). Однако до создания единой системы военного управления было еще далеко. Тем не менее, основы регулярной русской армии были заложены.

Решающий рывок в росте военной мощи России был сделан при Петре I. За первую четверть XVIII века Россия превратилась в одну из величайших военных и политических держав Европы. Положительно оценивая итоги деятельности Петра I по укреплению армии и флота, западные исследователи обращают внимание на три характерных, по их мнению, обстоятельства. Во-первых, в основе реформ Петра I лежала «европеизация русской армии». Умению воевать, как считают Р. и Т. Дюпуи, Петр I учился прежде всего у своего извечного соперника — шведского короля Карла XII¹¹. Во-вторых, наращивание мощи армии было необходимо для удовлетворения «имперских амбиций» Петра I, в частности, для обеспечения беспрепятственного выхода России к морю. В-третьих, достижение заметных результатов в росте военной мощи было связано с громадными издержками и стоило, в том числе, многих миллионов человеческих жизней. «Когда он умер, — пишут Р. и Т. Дюпуи, —

он оставил Россию истощенной, ее население уменьшилось на 20 процентов, однако страна имела регулярную армию численностью 212 тыс. ветеранов, закаленных в сражениях, и 110 тыс. казаков, а также сильный флот»¹².

Безусловно, величайшей заслугой Петра I было создание русской (национальной) регулярной армии и флота. В ходе военных реформ Петр I упразднил практически всю старую военную организацию: дворянское ополчение, стрелецкое войско и полки «нового строя». Не так просто выглядело и использование иностранного опыта. Полки, сформированные в 1699–1700 гг. и отданные под командование иностранцам, в сражениях под Нарвой потерпели крах. Поэтому реформы Петра I дали результат прежде всего потому, что они сочетали в себе использование передовых западных идей в военной теории и организации с заботливым выращиванием собственного русского национального офицерского корпуса. Вполне естественно, что Петр I опирался при этом прежде всего на дворянство, одновременно следя за тем, чтобы карьера офицера зависела прежде всего от его личного войскового опыта, знаний и умений.

Совершенный Петром I рывок не мог обойтись без жертв — царь, прорубивший окно в Европу, силой пытался затащить туда свою отсталую по европейским меркам страну. Страдал от этого главным образом простой люд. «После Петра, — писал В.О. Ключевский, — государство стало сильнее, но народ беднее». Заслугу Петра В.О. Ключевский видел в том, что тот из большого, но полуазиатского и не слишком уважаемого в Европе государства сделал государство еще большее и уважаемое. Обеспечив внешнюю безопасность государства, одновременно увеличил страх к нему, часто связанный со злобой и ненавистью¹³.

Наследники Петра I, исключая, быть может, Екатерину II, не смогли должным образом распорядиться оставленной им военной мощью. Это объясняется в западной литературе прежде всего разномасштабностью личностей, владевших российским тронном после Петра Великого. Последний проявлял не только личную заинтересованность, но и компетентность в строительстве армии и флота. Этому никак нельзя сказать о «невежественной Екатерине I» (1725–1727); «ребенке Петре II» (1727–1730) и «ленивой Анне» (1730–1740). Не могли способствовать укреплению военного могущества России и безответственные временщики-фавориты, в том числе иностранцы¹⁴.

Дальнейшими (после смерти Анны в октябре 1740 г.) этапами в развитии русской армии западные исследователи называют:

1. Глубокую реорганизацию армии, предпринятую фельдмаршалом Минихом.

2. Возвращение к петровской модели армии, последовавшее после вступления на престол Елизаветы — дочери Петра I¹⁵.

3. Модернизацию армии при Екатерине II (1762–1796), много сделавшей для восстановления потускневшего престижа русской армии в 60–70-е годы XVIII века.

4. Централизацию военного управления при Павле I (1796–1801) и его попытки «пруссенизации» российской военной системы.

Западные исследователи не случайно перебрасывают мостик от Петра I к Екатерине II. Деятельность этой умной и дальновидной императрицы (в девичестве Софьи Августы Фредерики, дочери мелкого германского принца Ангальт-Цербстского) способствовала укреплению авторитета России как военной державы. Именно при ней отменяется (с 1793 г.) пожизненный срок солдатской службы и обязательная военная служба дворянства (с 1762 г.), создаются Генеральный штаб, шляхетские корпуса (привилегированные военно-учебные заведения закрытого типа); формируются постоянные соединения (дивизии и корпуса) и объединения непостоянного состава (армии)¹⁶.

Император Павел I (1796–1801), в течение пяти лет занимавший трон Российской империи, оказал, по оценкам зарубежных авторов, значительное влияние на развитие российской армии¹⁷. Его деятельность характеризуется прежде всего полным подчинением себе армии (путем предельной централизации управления) и насаждением в ней так называемого «прусского стиля». Приметой времени стало, безусловно, и удаление со всех значимых постов «людей Екатерины» и замена их своими, «гатчинцами».

Старший сын Павла (убитого в ходе заговора во главе с петербургским военным губернатором гр. Паленом в ночь на 12-е марта 1801 г.) Александр I (1801–1825) в военной области действовал, по мнению западных авторов, вполне в духе своего отца, что стало особенно заметно к концу его царствования. Россия обладала мощной армией, и вся Европа с уважением и опасной относилась к ней как к самой мощной сухопутной державе континента. Не случайно: именно русская армия разгромила войска грозного Наполеона.

Однако события 1820 г. свернули Александра I с пути конституционного устройства России и сделали его твердым сторонником абсолютизма и жестких мер для сохранения порядка в стране. К этим событиям следует отнести не только революции в Италии и Испании, но и волнения солдат в лейб-гвардии Семеновском полку. Причиной недовольства солдат была прежде всего грубость и жестокость полкового командира. Александр I усмотрел в этом волнении влияние революционной агитации. Весь офицерский и солдатский состав полка был распределен по другим частям армии. В России наступила полоса правительственной реакции и обскурантизма.

В этот период главным помощником Александра I становится генерал Аракчеев. В западной историографии отмечается его эксперимент с военными поселениями. Целью организации последних было уменьшение расходов казны на содержание армии. Суть эксперимента состояла в том, что определенные территории, населенные казенными крестьянами, отдавались в ведение военного ведомства. Эти территории освобождались от уплаты обычных пошлин и налогов, но обязывались из состава населения формировать воинские части и содержать их; коренное население волостей составляли женатые солдаты; у них на квартирах жили холостые солдаты, выполнявшие за полное содержание роль батраков. Несмотря на ряд льгот, предусмотренных для жителей военных поселений, система не прижилась, и в 1857 г. они были упразднены. Численность военных поселений составляла в 1835 году примерно 375 тыс. человек.

Приход к власти Николая I ¹⁷ ознаменовался восстанием декабристов на Сенатской площади. В передовых кругах офицерства, вернувшихся из просвещенной Европы в страну крепостничества и «аракчеевщины», витал дух свободы. Однако планы заговорщиков не сбылись, а Николай I, напуганный бунтом, проникся глубокой ненавистью ко всяким революционным и либеральным течениям, особенно в армии.

В годы царствования Николая I (1825–1855) армия постепенно слабела. Советологи считают это неизбежным следствием военной системы, основанной на принудительном призыве на долготлетнюю военную службу и подавлении любых проявлений личной инициативы. Кроме того, по словам Р. Холмса, Николай I больше заботился об элементах одежды и тупой муштре, чем о необходимости развивать тактику, совершенствовать комплектование и обучение армии ¹⁸.

Главным методом борьбы Николая I за закрепление собственной власти в армии зарубежные исследователи называют, наряду со стремлением к личному контролю за формированием военной политики, расстановку своих людей на ключевые посты. Крымская война показала, что реакционная политика Николая I не способствовала укреплению армии. Как пишет Д. Джонс, к концу царствования Николая I армия была унижена поражениями, которые она потерпела на собственной территории ¹⁹.

В ходе боевых действий в Крыму Николай I, имевший в своем распоряжении миллионную армию, не смог справиться с 70-тысячным неприятельским десантом. Крымская война со всей отчетливостью обнаружила развал военного хозяйства; отсталость вооружения, недостатки в деле снабжения, отсутствие достаточного количества подготовленных командиров, воровство и взяточничество на всех этапах военной системы (впрочем, не только военной).

В целом период 1801–1855 гг. западные авторы оценивают как годы стремительного роста органов центрального военного управления и числа занятых в них чиновников. Однако этот рост не мог решить насущных проблем армии²⁰. Необходимы были более решительные реформы. Их инициатором стал во многом Александр II, которого Р. Холмс характеризует как «более импозантную фигуру, чем его отец Николай I»²¹.

После смерти Николая I в 1855 г. Россия вступила в совершенно иную политическую эпоху. Император Александр II (1855–1881), несомненно, ясно сознавал необходимость радикальных реформ для восстановления политического и военного престижа России. Реформами руководил просвещенный военный министр граф Д.А. Милютин²². То, что делалось до него военными министрами Долгоруковым (1852–1856) и Сухозанетом (1856–1861), отнюдь не впечатляло, подчеркивает Д. Джонс²³.

Наиболее значительными составными частями военных реформ 1860–1870 гг. зарубежные исследователи называют замену рекрутской повинности всеобщей воинской повинностью (манифест о введении всеобщей воинской обязанности был провозглашен 1 января 1874 года); сокращение срока службы до 6 лет в сухопутной армии и 7 лет на флоте (нахождение в запасе составляло соответственно 9 лет и 3 года); образование военно-окружной системы (15 округов); разработку и введение новых воинских уставов; реорганизацию системы подготовки офицерских кадров и др.

Следует отметить, что устав о воинской повинности предусматривал освобождение от воинской службы целого ряда лиц: священнослужителей, врачей, учителей, единственных кормильцев в семье. Не подлежала призыву значительная часть национальностей (мусульманской, иудейской и некоторых других религий). Для лиц, получивших образование, сроки действительной службы сокращались.

Численность армии по штатам мирного времени устанавливалась в 760 тыс. солдат и офицеров при обученном запасе в 1 млн. человек. В ходе боевых действий на Кавказе и в Средней Азии, а также в войне с Турцией (1877–1878 гг.) армия Александра II продемонстрировала свои лучшие качества.

Несмотря на то, что необходимость реформ была очевидной и их проведение положительно сказывалось на развитии армии и флота, с приходом Александра III 22 мая (3 июня) 1881 года Д.А. Милютина на посту военного министра сменил П.С. Ванновский²⁴.

После смерти Александра III (20 октября 1894 г.) русское общество ожидало от его сына, императора Николая II, возврата к либеральной политике. Однако этого не произошло. Царь, которому суждено было стать последним в дооктябрьской истории России, заявил: «Пусть все знают, что я, посвящая все свои силы благу народному, буду охранять начала

самодержавия так же твердо и неуклонно, как охранял его мой покойный незабвенный родитель»²⁵.

Русско-японская война 1904–1905 гг. выявила серьезные недостатки в организации, боевой подготовке, техническом оснащении армии и флота России. Однако главной слабостью российской армии в этой войне зарубежные авторы называют низкий уровень подготовки офицеров и военной стратегии в целом²⁶. «Русский солдат, — подчеркивают Р. и Т. Дюпуи, — еще раз продемонстрировал свою стоическую храбрость в бою, несмотря на бездарность большинства офицеров»²⁷.

Развитие армии и флота после русско-японской войны подразделяется западными авторами на три самостоятельных периода.

Первый (1904/05–1908 гг.) связывается с мерами, которые были направлены на совершенствование военной политики, но не дали желанного результата, вызвав лишь еще большую неразбериху в военной области.

Второй (1908/09–1914 гг.) характеризуется как возврат к прежней модели армии, что позволило восстановить порядок в мирное время, но привело к очередному хаосу в условиях войны 1914–1915 гг.

Наконец, в третий период (1915–1917 гг.) реорганизованное царское правительство сумело, по мнению западных авторов, обеспечить относительную эффективность работы органов военного управления, однако политический кредит доверия к этому времени снизился настолько, что режим пал не вследствие военного поражения, а главным образом вследствие внутренних причин²⁸.

В советской историографии говорилось о военных реформах 1905–1912 гг. Под ними понимался комплекс мероприятий, которые должны были устранить недостатки в армии и на флоте, выявленные в ходе русско-японской войны. Введение новых сроков службы (в пехоте до 3 лет, в других родах войск — до 4-х) позволило увеличить российскую армию и флот с 735,1 тыс. рядовых и 29,4 тыс. генералов и офицеров в январе 1906 года до 1311,6 рядовых и 42,9 тыс. генералов и офицеров в январе 1908 года. Важное значение имел переход к территориальной системе комплектования и отказ от экстерриториальной. Правда, уже в 1913 г. военное ведомство приостановило реализацию последней меры. Значительно омолодился офицерский корпус, улучшилось материальное положение офицерского состава. Генерал царской армии получал в год 9,5 тыс. рублей²⁹, полковник и подполковник — от 2,5 до 4 тыс. рублей. Капитанское жалование составляло более 1,5 тыс. рублей. Поручик получал 840 рублей. Годовой доход солдата составлял 7 рублей 20 копеек. Для сравнения

отметим, что заработная плата российского пролетария была в среднем 270–300 рублей в год.

Были приняты новые программы для военных училищ, новые уставы и новые образцы артиллерийских орудий, создана корпусная и полевая тяжелая артиллерия, усилены инженерные войска. Уже реформы Милютин дали возможность для продвижения в армии представителей различных классов наряду с дворянством, и к 1914 г. состав военных в этом отношении значительно изменился.

Впрочем, можно согласиться с Р. Холмсом, что к началу войны 1914 г. не удалось полностью преодолеть недостатки ни в подготовке офицеров, ни в организации и снабжении армии. Р. и Т. Дюпуи также отмечают, что в годы Первой мировой войны русская армия, продемонстрировав характерные для нее дисциплину, стойкость и беззаветную храбрость личного состава, страдала от недостатков в снабжении. Нелестной оценки заслуживает со стороны этих авторов и действия командного состава вообще и Генерального штаба в частности.

Характерной для России (и не только для нее) чертой является попытка в кризисной ситуации добиться повышения эффективности армии и флота не коренным преобразованием системы в целом, а сменой ответственных лиц. Так, в ходе «министерской чехарды» в России в период июль 1914 — февраль 1917 гг. пост военного министра занимали: В.А. Сухомлинов (11.03.1909–13.06.1915); А.А. Поливанов (13.06.1915–15.03.1916); Д.С. Шуваев (15.03.1916–03.01.1917); М.А. Беляев (03.01.1917–27.02.1917)³⁰.

Смена военных министров, естественно, не дала ощутимого эффекта. Буржуазно-помещичья Россия не могла соперничать с развитыми странами в длительной войне. В 1914 г. она имела самую многочисленную армию в мире — более 1,4 млн. человек. Военнообученный резерв составлял 5,6 млн. человек. С началом войны численность армии выросла до 5,5 млн. человек. Как показал ход войны, высший командный состав российской армии не был в достаточной степени подготовлен к руководству крупными боевыми операциями. Было заметным и отставание от западных армий по технике и обеспеченности боеприпасами.

Вплоть до своего краха в феврале 1917 г. царскому режиму так и не удалось создать армию, отвечающую последним требованиям военной науки и практики, способную не только эффективно действовать вовне страны, но и защитить устои царизма перед лицом внутреннего краха. Д. Джонс считает, что проблемы, с которыми столкнулась Россия, влияние мировой войны, а также отсутствие крупных личностей делали крах монархии по сути неизбежным. Тем не менее, полагает этот исследователь, многие элементы военной

системы, созданной в дооктябрьский период, в конечном счете были использованы большевистскими руководителями, несмотря на все их революционные фразы и заявления³¹.

Так или иначе, заимствование всего лучшего прошлой военной организации можно поставить в заслугу всякому правительству, приходящему на смену предыдущему. Однако военная политика советского руководства, традиционные и новые направления в развитии армии и флота заслуживают, безусловно, отдельного разговора.

Что же касается истории российской армии до 1917 г., то нужно признать, что наблюдения, которые делают советологи, весьма поучительны. Из них можно сделать следующие выводы.

Реформа российской армии дает эффект тогда, когда она носит военно-профессиональный, а не политический характер. Авторитет и стабильное положение государства в мире определяются не только военной силой. Они являются отражением политического и экономического благополучия государства. Обратная прямая зависимость не обязательна. Содержание армии, не соответствующей возможностям государства, в конечном итоге ведет к подрыву основ самого государства, ибо истощает народ и его силы.

Способ комплектования армии определяется не только доверием правительства и общества, но и военными и техническими потребностями. Планируя создание компактной и мобильной армии, следует исходить из того, что нельзя полностью исключить необходимость ведения боевых действий на двух или нескольких фронтах одновременно.

Авторитет армии в народе и престижность офицерской службы в мирное время зависят, с одной стороны, от социального статуса и материального положения военнослужащих, а с другой стороны, от неучастия армии в решении внутривнутриполитических проблем в стране, связанных с применением оружия против собственного народа.

Для завоевания победы в войне и достижения высокой боеготовности войск в мирное время моральный дух армии и всего народа имеет не меньшее значение, чем техническая оснащенность войск. Моральный же дух должен зиждиться не на слепой вере в непогрешимость руководителя, а на вере в незыблемость нравственных идеалов государства, служащих всему народу и почитаемых им.

Репрессии в сочетании с социальным подкупом могут обеспечить лояльность вооруженных сил режиму на протяжении относительно длительного периода. Однако если политика режима в целом не соответствует интересам народа, армия, воспитанная в таком духе, в случае внутривнутриполитического кризиса если и не выступает на стороне народа, то, во всяком случае, оказывается неспособной защитить режим уже потому, что не желает этого делать.

Сила российской армии издавна определялась качествами ее рядового состава: его смекалкой, стойкостью, взаимовыручкой и профессионализмом. Однако низкий уровень технического развития страны и невысокая квалификация офицерского состава заставляли военно-политическое руководство страны делать ставку не на качество, а на количество. В то же время российская армия на всех этапах своего развития была связана тем или иным образом с мировым процессом развития военного дела. Ее мощь не всегда зависела от слепого следования иностранным образцам, а определялась нередко учетом особенностей российского государства и народа.

Наконец, заботясь о будущем армии, нужно исходить не только из потребностей сегодняшнего дня страны и конъюнктурных политических соображений, но и из перспектив развития российского государства и его места в мировом сообществе.

С. Мишанов.

1992 г.

П р и м е ч а н и я

1. См., например: Esper T. Military Self-sufficiency and Weapons Technology in Muscovite Russia // *Slavic Review*. — 1969. № 2; Hellie R. Enserfment and Military Change in Muscovy. — Chicago, 1971; Curtis J.S. The Russian Army under Nicolas I, 1825–1855. — Durham (N.C.), 1965; Graf Dw. The Reign of the Generals: Military Government in Western Russia, 1914–1915. — Univ. of Nebraska, unpublished diss., 1972; Hittle J.D. The Military Staff: Its History and Development. — Harriaburg, 1949; Keep J.L. Paul I and the Militarisation of Government // *Canadian-American Slavic Studies*. — 1973. — N 1; Miller P.A. Dmitri Milutin and the Reform Era in Russia. — Vanderbilt, 1968; Stone N. The Eastern Front, 1914–1917. — London, 1975; Walz J.D. State Defence and Russian Politics under the last Tsar. — Syracuse Univ., unpublished diss., 1967; West D.A. The Russian Military under Alexander I. // Purves J.G., West D.A. (eds.) *War and Society in the Nineteenth Century Russian Empire*. — Toronto, 1972 и др.

2. The Military-Naval Encyclopedia of Russia and Soviet Union. Ed. by D.R. Jones. — Gulf Breeze, 1980. — Vol.2. — P.37.

3. The Military-Naval Encyclopedia of Russia and Soviet Union. Ed. by D.R. Jones. — Gulf Breeze, 1978. — Vol.1. — P.VI.

4. Ibid. — P.42. См. также: Dupuy R.E., Dupuy T.N. The Encyclopedia of Military History from 3 500 B.C. to the present. Second rev. ed. — N.Y., et al. 1986. — P.252, 261.

5. Ключевский В.О. Курс русской истории // Сочинения в девяти томах. — М.: Мысль, 1987. — Т.I. — С.144.

6. The Military-Naval Encyclopedia... — Vol.2. — P.43, 46.

7. The Military-Naval Encyclopedia... — Vol.1. — P.46, 47.

В битве на р. Калке приняли участие не все русские князья, а половцы неожиданно бежали с поля боя. — С.М.

8. Ibid. — P.53, 54; Dupuy R.E., Dupuy T.N. Op.cit. — P.435.

9. Dupuy R., Dupuy T. Op.cit. — P.576, 577. В советской историографии численность польского отряда оценивается в 12.5 тыс. человек. — См.: Военный энциклопедический словарь. — М.: Воениздат, 1963. — С.336.

10. Ключевский В.И. Курс русской истории // Сочинения. — Т.III.

11. Dupuy R., Dupuy T. Op.cit. — P.645. Заметим, что русский царь оказался способным учеником и превзошел своего «учителя», побив его на поле боя.

12. Dupuy R., Dupuy T. Op.cit. — p.645. По другим источникам, общая численность вооруженных сил России к концу царствования Петра I составляла 200–220 тыс. человек. Казаков относят, как правило, к «иррегулярным войскам». — С.М. — См.: Пушкирев С.Г. Очерк русской истории. — М.: Наука, 1991. — С.231.

13. Ключевский В.О. Курс русской истории // Сочинения. — Т. IX. — С.439–440.

14. Dupuy R., Dupuy T. Op.cit. — P.645; Military-Naval Encyclopedia. — Vol.2. — P.78. Например, при Анне Ивановне /1730–1740/ на первые роли выдвинулся обер-камергер Яган Эрнест фон Бирон, сын придворного конюха герцогов курляндских, ставший, по милости Анны, сначала «сиятельным графом», а затем и «светлейшим князем Курляндским». После смерти Анны фельдмаршал Миних с помощью караула преображенцев арестовал Бирона, который был отправлен в ссылку в Сибирь. — С.М.

15. Мужем правительницы России Анны Леопольдовны — дочери сестры умершей Анны Ивановны — был принц Антон Ульрих Брауншвейг-Люнебургский, ставший ко всему прочему генералиссимусом русской армии. Цесаревна Елизавета /дочь Петра I от брака с Екатериной I/ с помощью роты преображенцев арестовала «Брауншвейгскую фамилию». — С.М. В годы правления Елизаветы Россия участвовала в Семилетней войне /с 1756 г./ на стороне Австрии и Франции против Фридриха II Прусского. Осенью 1760 г. русские войска взяли Берлин. Фридриха Прусского спасла смерть Елизаветы: новый император — Петр III /1761–1762/ /до восшествия на престол — герцог Шлезвиг-Голштинский Карл Петр Ульрих, племянник Елизаветы — сын ее сестры Анны Петровны — С.М./ — не только возвратил ему все области, завоеванные русскими, но и заключил с ним мир и союз. Отстранение от престола своего мужа Петра III и его убийство в Рогале Екатерине II удалось организовать с помощью преданных ей офицеров, прежде всего Измайловского и Семеновского полков.

16. Подробнее см.: Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XVIII веке. — М., 1958.

17. World Armies. Second ed. Keegan J. (ed.). — Houndmilla, 1983. — P.628. После женитьбы Павла Екатерина поселила сына в Гатчине, где под его командованием находился небольшой отряд, который он муштровал по прусскому образцу. Именно в Гатчине Павел чувствовал себя окруженным друзьями. — С.М.

х «Свободомыслящий абсолютист и благожелательный неврастеник», по оценке В.О. Ключевского. — См.: Ключевский В.О. Курс русской истории // Соч. — Т.IX. — С. 441.

xx Оценка В.О.Ключевского: «Император Николай I — военный балетмейстер и больше ничего». — Ключевский В.О. Курс русской истории // Соч. — Т.IX. — С. 417.

18. См.: World Armies . — Op.cit. — P.628.

19. The Military and Naval Encyclopedia. — Vol.2. — P.90.

20. Одновременно росла и сама армия. В 1812 г. она насчитывала 480 тыс. человек, в 1826 г. — около 875 тыс., 1856 г. — 1,8 млн. человек. Кроме того, существовали значительные иррегулярные войска, главным образом казачьи. — См.: Бескровный Л.Г. Русская армия и флот в XIX в. — М., 1973. — С.15–16.

21. World Armies. — Op.cit. — P.628.

22. Милютин Д.А. /1816–1912/ — генерал-фельдмаршал, в 1856-1859 гг. — начальник Главного штаба Кавказской армии, в 1860 г. — заместитель /товарищ/ военного министра, в 1861–1881гг. — военный министр.

23. The Military and Naval Encyclopedia. — Vol.2. — P.109.

24. Ibid. — P.117. Александр II был убит народовольцами 1 марта 1881 г. Отметим, что после опубликования 29-го апреля 1881 года царского манифеста Александра III, написанного под влиянием обер-прокурора св. Синода К.П.Победоносцева, прошения об отставке сами подали три либеральных министра — А.Л. Абаз /министр финансов/, граф Лорис-Меликов /министр внутренних дел/ и Д.А. Милютин /военный министр/. — С.М.

25. Цит. по: Пушкарев С.Г. Очерк русской истории. — М.: Наука, 1991. — С. 333.

26. World Armies. — Op.cit. — P.628.

27. Dupuy R., Dupuy T. Op.cit. — P.925.

26. The Military-Naval Encyclopedia. — Vol.2. — P.128–129.

29. Генералов в николаевской армии было 1,5 тыс. — С.М.

30. См.: Ерошкин Н.П. История государственных учреждений дореволюционной России. — М.: Высшая школа, 1983. — С.305. Удивительный факт: морской министр И.К.Григорович был одним из двух министров в составе правительства /вторым был министр финансов П.Л.Барк/, которые сохранили свои посты в течение всей войны. В.А. Сухомлинов

после смещения был заточен в Петропавловскую крепость за необеспечение армии военными материалами. Вскоре освобожден, а после Февральской революции, обвиненный буржуазными партиями в измене, вновь посажен. — См.: Спирин Л.М. Крушение помещичьих и буржуазных партий в России /начало XX в. — 1920 г./ — М.: Мысль, 1977. — С.198.

31. The Military-Naval Encyclopedia. — Vol.2. — P.165.